

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology
2025

Том 10. № 1

Vol. 10. No. 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 1

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 4 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2025

© «Историческая этнология», 2025

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 1

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 4 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025

© “Historical Ethnology”, 2025

<https://historicaethnology.org>
E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры истории, философии и религиоведения Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНИЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology and Anthropology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of the Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Professor at the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Professor at the Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ТЮРКСКОМ МИРЕ И РОЛЬ ПОЛИТИК

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Проблема этнических связей Алтайского и Западносибирского регионов
в период Средневековья (по материалам этнонимии, фольклора
и традиционной культуры)**

З.А. Тычинских 13

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**The participation of Tatar intellectuals in cultural events in Turkestan
(late 19th – early 20th centuries)**

A.A. Yuldashev 23

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists
in the formation of the national army in Turkestan**

E.G. Radjapov 35

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Театральное движение в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.

У.У. Тожибоев 46

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СССР

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Национально-государственное строительство и его воздействие
на формирование национального состава Узбекской ССР**

К.Д. Саипова 56

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Татары в советском Туркестане:
деятельность толмачей и переводчиков**

Р.А. Расулова 67

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Татарский Дом просвещения в Ленинграде (1933–1937)

Т.М. Смирнова 79

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

О многогранной деятельности просветителя

Шакира Мухтарова в Туркестане

А.А. Исокбоев 103

ОБРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ

**Они были первыми (о первых учителях-татарах
в советском Туркменистане)**

Ш.Н. Акмурадов 111

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**К вопросу о характере православного активизма
в Республике Татарстан на современном этапе**

А.А. Хохлов..... 121

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Перспективы изучения истории газет
«Керәшен сүзе» и «Туганайлар»**

Э.И. Шарафиев..... 132

CONTENTS

DYNAMICS OF ETHNOCULTURAL RELATIONS IN THE TURKIC WORLD AND THE ROLE OF POLITICS

ORIGINAL PAPER

**The problem of ethnic ties between the Altai and West Siberian regions
in the Middle Ages (based on ethnonymy, folklore and traditional culture)**

Z.A. Tychinskikh 13

ORIGINAL PAPER

**Participation of Tatar intellectuals in cultural events in Turkestan
(late 19th – early 20th centuries)**

A.A. Yuldashev 23

ORIGINAL PAPER

**Participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists
in the formation of the national army in Turkestan**

E.G. Radjapov 35

ORIGINAL PAPER

Theater movement in Turkestan in late 19th – early 20th centuries

U.U. Tojiboyev 46

ETHNIC FACTOR IN THE USSR

ORIGINAL PAPER

**National-state construction and its impact on the formation of the ethnic
composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic**

K.D. Saipova 56

ORIGINAL PAPER

Tatars in Soviet Turkestan: activities of interpreters and translators

R.A. Rasulova 67

ORIGINAL PAPER

Tatar House of Education in Leningrad (1933–1937)

T.M. Smirnova 79

NATIONAL EDUCATION AND ENLIGHTENMENT

BRIEF MESSAGE

On the multifarious activities of the educator

Shakir Mukhtarov in Turkestan

A.A. Isokboev 103

DOCUMENTS PROCESSING

They were the first ones (about the first Tatar teachers in Soviet Turkmenistan)

Sh.N. Akmuradov 111

RELIGIOUS CONTEXTS OF MODERNITY

ORIGINAL PAPER

The question of the nature of Orthodox Activism in the Republic of Tatarstan at the present stage

A.A. Khokhlov 121

ORIGINAL PAPER

Prospects for studying the history of the newspapers “Keräşen süze” and “Tuganaylar”

E.I. Sharafiev 132

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ТЮРКСКОМ МИРЕ И РОЛЬ ПОЛИТИК

DYNAMICS OF ETHNOCULTURAL RELATIONS IN THE TURKIC WORLD AND THE ROLE OF POLITICS

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.13-22>

EDN: AKYQOS

Проблема этнических связей Алтайского и Западносибирского регионов в период Средневековья (по материалам этнонимии, фольклора и традиционной культуры)

З.А. Тычинских

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Тобольск, Российская Федерация
zaituna.09@mail.ru*

Резюме. В статье рассматриваются данные этнонимии и фольклора, сохранившиеся у современных сибирских и алтайских тюрков, которые позволяют говорить о достаточно активных этнических связях Алтайского и Западносибирского регионов. Великое переселение народов, создание тюркских государственных образований, затем империи Чингисхана и монгольская экспансия, а на последнем этапе – присоединение Западной Сибири к Московскому государству стали ключевыми этапами в процессе тюркизации Западной Сибири. Сохранившиеся на территории проживания сибирских татар этнонимы и топонимы, такие как *йелан*, *сары*, *естек*, *таз* и другие свидетельствуют о достаточно раннем проникновении в Западную Сибирь тюркского/кыпчакского этнического компонента. В фольклоре алтайцев, татар, башкир, ногайцев, казахов, узбеков, кыргызов присутствуют эпические сказания «Алып Манаш(с)», «Козы Корпеш и Баян-Сылу», «Марат-бий», «Ак Кубэк», которые являются общими для этих народов. В общетюркском фольклорном наследии отразились этнокультурные связи сибирско-алтайского ареала периода Средневековья. Автор обращает внимание на то, что, хотя в сибиреведческой литературе выработалась устойчивая традиция считать прародиной сибирских тюрков Алтай, откуда вышли и распространились далее на запад различные тюркские племена, данный вопрос далеко не однозначен. По мнению автора, процессы взаимодействия сибирских татар и алтайцев имели разновекторный характер на разных исторических этапах. Причем в период после завоевания Москвой Сибирского ханства происходит активное движение татарского населения Западной Сибири в восточном направлении, что нашло отражение в появлении на Алтае новых тюркских групп.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Алтай, тюрки, кыпчаки, сибирские татары, алтайцы, миграции, топонимы, этнонимы.

Для цитирования: Тychинских З.А. Проблема этнических связей Алтайского и Западносибирского регионов в период Средневековья (по материалам этнонимии, фольклора и традиционной культуры). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 13–22. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.13-22> EDN: AKYQOS

**The problem of ethnic ties between the Altai
and West Siberian regions in the Middle Ages
(based on ethnonymy, folklore and traditional culture)**

Z.A. Tychinskikh

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Tobolsk, Russian Federation

zaituna.09@mail.ru

Abstract. The article examines the ethnonymy and folklore data preserved by modern Siberian and Altai Turks, which implies fairly active ethnic ties between the Altai and West Siberian regions. The great migration of peoples, founding Turkic state formations, then the empire Genghis Khan and the Mongol expansion, and at the last phase – the annexation of Western Siberia to the Moscow State became the key stages in the turkification process of the Western Siberia territory. The ethnonyms and toponyms preserved in the territory inhabited by the Siberian Tatars, such as Yerlan, saryestek, taz, etc., indicate a fairly early penetration of the Turkic/Kipchak ethnic component into Western Siberia. In the folklore of the Altaians, Tatars, Bashkirs, Nogais, Kazakhs, Uzbeks, and Kyrgyz, there are epic tales *Alyp Manash(s)*, *Kozy Korpesh and Bayan-Sulu*, *Marat-biy*, and *Ak Kubek* that are common to these peoples. The ethnocultural ties of the Siberian-Altai area during the Middle Ages are reflected in the common Turkic folklore heritage. The author draws attention to the fact that, despite the fact that a stable tradition has developed in the Siberian literature to consider Altai as the ancestral homeland of the Siberian Turks from where various Turkic tribes came and spread further west, this issue is far from unambiguous. According to the author, the processes of interaction between Siberian Tatars and Altaians had a multi-vector character at different historical stages. Moreover, in the period after Moscow conquered the Siberian Khanate, there was an active movement in the eastern direction, which was reflected in the appearance of new Turkic groups in the Altai.

Keywords: Western Siberia, Altai, Turks, Kipchaks, Siberian Tatars, Altaians, migrations, toponyms, ethnonyms.

For citation: Tychinskikh Z.A. (2025) The problem of ethnic ties between the Altai and West Siberian regions in the Middle Ages (based on ethnonymy, folklore and traditional culture). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 13–22. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.13-22> (In Russ.)

Проблема этнических связей Алтайского и Западносибирского регионов находится в контексте актуальности вопроса об этапах тюркизации Западной Сибири. Данная тема, несмотря на многочисленные исследования, существующие в современной науке, остается не вполне изученной.

Некоторые сохранившиеся у современных сибирских и алтайских тюрков данные этнонимии и фольклора позволяют говорить о достаточно активных этнических связях Алтайского и Западносибирского регионов. Неслучайно известный исследователь С.Г. Кляшторный, выделяя 5 основных групп команокыпчакских племен, первой среди них называет алтайско-сибирскую группу (История татар, 2002: 328–329). Подчеркивая, на наш взгляд, тем самым, тесные взаимодействия между тюркскими группами Алтая и Сибири.

Известно, что всплеск этнополитической активности тюрков относится к середине I тысячелетия н.э. – эпохе Великого переселения народов, когда многочисленные тюркские и иные этнические группы были сдвинуты на запад с территории Центральной Азии и Южной Сибири.

Одной из этих групп были савиры, или сибирь, от названия которой некоторые исследователи выводят название Сибирь. Предания о народе сыпыры, в самом названии которого просматривается прямая аналогия с топонимом Сибирь, до настоящего времени сохранились у заболотных татар (Тобольский район Тюменской обл.) и большеуватских татар (Вагайский район Тюменской обл.). О легендарных сыпырах/сипырах барабинских татар, в составе которых присутствовал сипыр-тугум, сообщает Н.А. Томилов (Томилов, 1981: 165). По всей видимости, в названных сыпырах/сипырах можно видеть потомков известной группы савиров/суваров/сибиров, которые в середине I тыс., в период Великого переселения народов, были сдвинуты в западном направлении. В результате этого процесса некоторая часть их вошла в состав сибирского населения, в т.ч. участвовала в этногенетических процессах сибирских татар, что, как видим, отразилось в сибирско-татарской этнонимии.

Во второй половине I тыс. на обширной территории, в который также входили Алтай, Прииртышье, Восточный и Центральный Казахстан возникают и распадаются тюркские государственные образования. В связи с чем, определяющим фактором в этом огромном степном регионе в VII-X вв. становится преобладание кимаков и кыпчаков. В IX в. в долине Иртыша образуется очередное тюркское государство – Кимакский каганат. И хотя центром этого государства было Среднее Прииртышье, экспансия кочевников в поисках новых кочевий и источников жизни не могла ограничиться лишь этим ареалом, о чем свидетельствует широкое распространение кыпчакских и древнетюркских этнонимов на территории Тоболо-Иртышья (Тумашева, 1987: 43). О том, что кочевники-тюрки, приспособляясь к новым условиям жизни, меняли и свои хозяйственные занятия, свидетельствует сообщение Абул-гази о переселившихся в долину Иртыша и вошедших в состав Кимакского объединения уйгурах: «Третье колено поселилось в лесах на Иртыше; не разводило скот, а занималось охотой на выдр, соболей, куниц и белок, питалось их мясом и одевалось в их шкуры» (Абул-гази, 2007: 35). По материалам археологических исследований можно наблюдать свидетельства достаточно раннего проникновения тюркского населения в Барабу, территорию современного расселения барабинских татар, а также Северный Казахстан, где их можно отнести уже к VI–IX вв. Об этом оп-

ределенно говорит и тот факт, что Барабинская степь в прошлом была известна как Каинская. В связи с тем, что каями называли кимаков, выходит, что Каинская степь – значит, Кимакская (Ахинжанов, 1989; Исхаков, 2018).

В преданиях об исламизации населения Тоболо-Иртышского ареала в конце XIV в., сохранившихся в переведенных Н.Ф. Катановым рукописях, среди обитавших на этой территории племен, названо племя кара-кыпчак (Катанов, 1905: 20). Скорее всего, данная группа могла сохраниться со времен Кимакского каганата, в составе которого племя кыпчак было одним из самых крупных, в дальнейшем приняв участие в этногенезе сибирских татар. Род (сеок) кара-кыпчак известен и у современных алтайцев, где среди основных родов (сеоков) алтайцев из подразделения алтай-кижи аймак кыпчак значитя одним из ведущих родов (Потапов, 1969: 23–24),

Алтайско-Сибирский ареал не был изолирован от соседних территорий, поэтому миграционные процессы были постоянным явлением для Великой степи. При этом С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов обращают внимание на то, что общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и Средневековья была их «неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок» (Кляшторный, Савинов, 2005: 85). Следует обратить также внимание на вывод исследователей о том, что отличительной чертой этногенетических процессов в Великой степи был их дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен (Кляшторный, Савинов, 2005: 85). Данный вывод нам важен для понимания того, что происходившие на изучаемой территории процессы тюркизации не шли в одном конкретном направлении, к примеру, с востока на запад, а были разноректорными, в т.ч. в разные исторические периоды. Тюркские топонимы, сохранившиеся на территории Алтайского и Сибирского регионов, являются свидетельствами не конкретного периода взаимодействия, а разновременных и дислокальных миграционных процессов.

Следы передвижений тюрков сохранились в большом количестве этнонимов, обозначающих различные племена и звенья племенных и родоплеменных подразделений, в разное время оседавших на территории Западной Сибири.

Д.Г. Тумашева отмечает сохранение у сибирских татар таких этнонимов, присутствующих и в Алтайском регионе, как *сары*, *естек*, *таз* и другие, которые исследователь определяет, как кыпчакское наследие (Тумашева, 1987: 45–47).

Весьма распространенным термином, сохранившимся с кыпчакского времени, является *ялан/йылан*. Д.Г. Тумашева показывает широкое распространение данного этнонима, в настоящее время названия одного из родов алтайцев, в топонимике Западной Сибири. В Омской области – это название озера Яланкуль, поселения Еланка в Большереченском и Усть-Ишимском районах. Топонимы, имеющие основу *йылан*, широко распространены в Тюменской области. Так, в Вагайском, Тюменском, Нижнетавдинском районах известны 4 деревни

Елань, Еланские юрты, в Викуловском районе – поселение Белая Елань (Тумашева, 1987: 44–45).

Что касается данного этнонима, то Д.М. Исхаков в одной из недавних работ обратил внимание на то, что наименование *елан* обозначает «змею» и предлагает в нем видеть хорошо известный в кыпчакском мире этноним *кай*, в переводе с монгольского также обозначающий змею (Исхаков, 2024: 40).

Следующий этап, определивший историю племен и народов, населяющих Евразию, связан с образованием Монгольской империи и ее экспансией на запад в начале XIII в., в результате чего происходит интенсификация миграционных процессов тюркских племен в западном и северо-западном направлениях.

В период золотоордынского и постордынских государств (Кок орды, Ногайской орды, Сибирского ханства) в сибирско-алтайском ареале продолжали существовать тесные этнокультурные связи (Екеев, 2011: 36). Так, алтайский исследователь Н.В. Екеев считает, что сохранение в фольклорном наследии современных народов – алтайцев и татар, башкир, ногайцев, казахов, узбеков, кыргызов таких эпических сказаний, как «Алып Манаш», «Кёзюлке и Байан-Сылу», Мырат-бий, Ак-Кёбёк, а также упоминания рек Эдила (Волги), Яика (Урала), страны Булгайр (Булгар) связаны с общетюркским наследием периода вхождения территорий в состав Улуса Джучи (Екеев, 2011: 36).

В последнее время российские и казахстанские исследователи обратили внимание на исторические сюжеты в дастане «Ак Кубэк», записанном в XIX в. известным российским тюркологом В.В. Радловым в тобольской и барабинской группах сибирских татар, а также у алтайцев (алтай кизи), хакасов (абаканских татар – сагайцев) (Кушкумбаев, 2018; Исхаков, 2021).

Анализируя данный дастан, Д.М. Исхаков приходит к выводу, что присутствие версий дастана «Ак Кубэк», известного у сибирских татар, у алтайцев и хакасов не обязательно считать результатом переселения тюркских групп из Сибирского ханства, Ногайской Орды или государства Шибанидов. Он считает, что дастан мог быть наследием более раннего, домонгольского времени, и в нем нашла отражение ранняя история двух кланов – токсобичей и дурут (*терьт*, *дурт*), происхождение которых было связано с Центральной Азией. Исследователь показывает связь Токсобичей домонгольского времени с каракыпчаками (Исхаков, 2021: 23–28).

Что касается названия клана Токсоба, то, по данным лингвистов, оно, скорее всего, расшифровывается как *tokus* +оба (аба), где корень токус/тогуз (тугыз) – это «девять», а оба является обозначением родовой группы (на монгольском – *obox/ obok*) (Баскаков, 1984: 74).

Ранний след присутствия кыпчакской группы токсоба наблюдается в записанном Ф.В. Ахметовой-Урманче у заболотных татар в д. Лайтамак варианте дастана «Алпамыш», где брат Алпамыша Ирناق носит имя «Не успевший родиться Туксыба» (Тумашева, 1987: 46).

Здесь также следует обратить внимание на сохранившиеся у заболотных татар предания об Илак/Илек-алыпе. Вплоть до настоящего времени жители

д. Лайтамак Тобольского района могут показать землянку, где проживал Илек-алып, места его сражений с легендарными сыпырами. Д.М. Исхаков считает, что в основе этих преданий лежит конкретный исторический персонаж: «в лице Илек-алпа мы имеем дело с вождем племени табын, жившем где-то в 1230–1250-х годах и находившемся в районе Иртыша» (Исхаков, 2023: 45). Свое положение исследователь обосновывает тем, что живший в период правления Чингисхана и бывший по клановой принадлежности из племени уйшын Майкы бий имел сына по имени Илэн бий. Известно, что по генеалогии рода иректе, предки их «Майкы-бий и его сын Каратабын-бий жили... на берегах Иртыша...» (Башкирские родословные, 2002: 377). То есть в этой группе (табын, каратабын, иректе) надо видеть выходцев с Алтая, оказавшихся в составе первоначального владения Джучи, а в лице Илек-бия/Илек-алыпа мы имеем дело с одним из составных частей «народа» Золотой Орды, оказавшейся в его числе в ходе продвижения Джучи через Алтай на запад – в бассейн Иртыша, то есть в составе первоначального владения этого Чингисиды. ставка которого в период завоевания Средней Азии в 1220-х годах была в районе Иртыша (Рашид-ад-Дин, 2002: 78; История татар Западной Сибири, 2015: 126–127).

Еще одним краеугольным событием, повлиявшим на позднесредневековом этапе на взаимодействия между тюрками Алтая и Сибири стало завоевание Сибирского ханства Москвой в конце XVI в. Алтайские исследователи (Л.П. Потапов, Н.В. Екеев) отмечают, что падение Сибирского ханства вызвало некоторое перемещение местного кочевого населения.

Л.П. Потапов обратил внимание на название одной из волостей Сибирского ханства, расположенной по Иртышу – волость Токуз, сообщая следующее: «Хотя в этой волости, когда она после падения Сибирского ханства вошла в Тобольский уезд, было всего три человека, но едва ли можно сомневаться в том, что эти люди принадлежали к группе (возможно роду) Токуз, потомки которого до настоящего времени проживают среди северных алтайцев-тубаларов. Нам, конечно, трудно сказать, являлись ли эти три человека, зарегистрированные как особая волость, частью сеока Тогус, обитавшего и тогда на Алтае (по крайней мере в первых десятилетиях XVII в.) или, напротив, что вероятнее, сеок Тогус – это остатки тогусов, живших здесь при Кучуме, но переселившихся на Алтай после падения Сибирского ханства» (Потапов, 1969: 84). Л.П. Потапов считает, что перемещение данной группы на Алтай происходило с запада, т.е. с территории Сибири. С этим согласен и другой алтаевед Н.В. Екеев, который также связывает появление в этническом составе алтайцев рода тогус с их переселением на Алтай из Сибири (Екеев, 2011: 81). Вместе с тем, следует обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые информаторы в с. Токуз сообщали нам о том, что по преданиям, их предки когда-то пришли сюда со стороны Алтая (ПМА, 2003). Эти наблюдения вполне созвучны версии Н.В. Екеева, который предположил, что появление на Алтае ряда родов, в т.ч. тогус, «для некоторых из них означало возвращение на прародину» (Екеев, 2011: 81).

В названии Туртасской ясачной татарской волости Тобольского уезда, упоминавшейся в русских документах XVII в., которая находилась недалеко от современного г.Тобольска по р. Иртыш узнается телеутский (или аккиштымский) сеок Тёрт-Ас, зафиксированный в XIX в. В.В. Радловым. Туртасская волость подразделялась на Кул-Туртас и Би-Туртас. В названиях ее подразделений – «кул» (рабы, слуги) и «би/бей» (господин) известный исследователь алтайцев Л.П. Потапов предлагает видеть социальное деление тёртасов – «рабы тёрт-ас» и «бии тёрт-ас» (Потапов, 1969: 103). Обитание тёртасов на Иртыше отразилось и в гидронимике. Довольно значительный приток (справа) Иртыша называется до сего времени Большой Туртас, который принимает в себя еще и р. Малый Туртас.

Здесь также следует обратить внимание на высказывание Л.П. Потапова о том, что у теленгитов, в состав которого входили сеок кыпчак и некоторые другие связанные с ним роды, имелись предания о приходе предков из «степи Конграй-Сагай» (Сагайской степи), а у хакасов-качинцев бытовали предания об их проживании в местности «Соко/Сокэ», локализуемой «на Иртыше» (Потапов, 1969: 32, 37–38, 59).

С миграцией в конце XVI в. в Верхнее Приобье и Северный Алтай значительной группы населения бывшего Сибирского ханства исследователи связывают и появление у теленгутов, «черневых татар» новых родов: *кёбёк*, *јабак*, *тас* (*тастар*), *јети-тас*, *тёрт-тас*, *сагал* (*кер-сагал*), а также *јус*, *чаат* (*чагат*), *јрык*, *јалан* (Екеев, 2011: 36).

Л.П. Потапов сообщает, что сведения о поздних миграциях сибирских тюрок в восточном направлении вплоть до Чулыма и Енисея хорошо сохранились в ряде преданий чулымских татар, записанных в первой четверти XVIII в., а затем в конце XIX и начале XX в. Так, у Д.А. Клеменца в записях Ачинского округа конца XIX в. читаем: «Сами кизыльцы еще помнят, что они когда-то жили по Ишиму и Тоболу и у них был свой царь Кочжун». Подтверждаются эти данные и сведениями Н.Ф. Катанова, который в с. Аскизе записал предание, в котором значится следующее: «Качинский народ пришел с р. Тобола; там он был народом царя Кучума. Ермак, воюя с Кучумом и преследуя его, подчинил (качинцев) русскому царю Пришедши с Тобола, половина народа стала жить на р. Каче, находящейся близ Красноярска, другая половина стала жить в земле, где стоит теперь г. Ачинск» (Потапов, 1969: 89).

Самые ранние сведения об этих событиях встречаем у Д. Мессершмидта, который в начале XVIII в. пишет следующее: «Один сведущий татарин мне сообщил, что большинство татар, живущих по рекам Чулыму и Кие, происходят от народов хана Кучума и что раньше они составляли с казахской ордой один народ... После того как хана Кучума прогнали от Тобольска, часть их направилась сюда, другая к Томску». Из другой полевой записи исследователя: «Встретил толкового татарина в Урюпе, который мне подтвердил, что чулымские татары происходят от Кучум-хана. Сначала они осели близ устьев Чулыма и Кии, но, когда киргизы были прогнаны, они распространились до этих мест». Эти

сведения согласуются с русскими историческими документальными известиями о продвижении на восток сибирских татар после завоевания Московским царством Сибири, а также с некоторыми другими материалами. У кызыльцев была группа, именуемая Аргын, по всей видимости, выходцы из Сибирского ханства, т.к. у сибирских татар, по данным исследователей, также существовала группа аргын. С падением Сибирского ханства они продвинулись на восток до верховьев Чулыма, где в XVII в. составляли особую Аргунскую волость (упоминается с 1623 г.), вносящую ясак в Томск, а со временем (первая четверть XIX в.) вошли в состав Кизыльской степной думы как Мало-Аргунский род. Таким образом, «существование среди чулымских татар группы с этнонимом аргын является свидетельством проникновения сюда тюркоязычных племен с запада, с территории бывшего Сибирского ханства, и, конечно, отражает общность некоторых этнических элементов (тюркоязычных), вошедших в состав казахов, узбеков и современных хакасов» (Потапов, 1969: 90).

Таким образом, этнические взаимодействия алтайских и сибирских тюрков имеют давнюю историю. В сибиреведческой литературе выработалась устойчивая традиция считать прародиной сибирских тюрков Алтай, откуда, по мнению многих исследователей, вышли и распространились далее на запад различные тюркские племена, в связи с чем, общие черты в культуре тюркских народов, в том числе и сибирских тюрков, часто связывают с некоей общетюркской = алтайской основой. Однако данный вопрос далеко не однозначен. Ранние миграции тюрков в Сибирь связаны с территорией Центральной Азии и Южной Сибири – очагов прототюркского этно- и глоттогенеза, что нашло отражение в раннем пласте топонимов и этнонимов сибирских татар и алтайцев, относящихся к домонгольскому времени, особенно, периоду Кимакского каганата (Кляшторный, Савинов, 2005: 85).

Великое переселение народов, создание тюркских государственных образований, затем империи Чингисхана и монгольская экспансия, а на последнем этапе – присоединение Западной Сибири к Московскому государству стали ключевыми этапами в процессе тюркизации территории Западной Сибири, содержанием которой были активные миграции тюркоязычных групп с востока на запад. Однако процессы взаимодействия сибирских татар и алтайцев, как видим, имели разновекторный характер. На отдельных этапах, в особенности в период после завоевания Москвой Сибирского ханства, происходит активное движение в восточном направлении, что нашло отражение в появлении на Алтае новых тюркских групп.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2003 – Полевые материалы экспедиции автора в Вагайский район Тюменской области, 2003 г. (архив автора).

ЛИТЕРАТУРА

- Абуль-гази. Родословная тюрков. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989.
- Баскаков Н.А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 48–77.
- Башкирские родословные. Вып. первый. Уфа: «Китап». 2002.
- Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2011.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Казань: изд-во «Рухият», 2002.
- История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.
- Исхаков Д.М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Күбәк» // Туган жир. Родной край. 2021. № 4. С. 20–33.
- Исхаков Д.М. Легенда заболотных татар об Илек-алпе и вопрос об угорском компоненте в этногенезе сибирских татар // Культурное наследие народов Западной Сибири: угры. Сборник материалов IX Всероссийского симпозиума. Киров: АНО ДПО МЦИТО, 2023. С. 43–48.
- Исхаков Д.М. Кыпчакское этническое составное в этногенезе сибирских татар: реальность или историографический фантом? // Сибирские Валеевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 105-летию доктора исторических наук Фоата Тач-Ахметовича Валеева. Тобольск, 2024. С. 33–43.
- Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 1–28.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
- Кушкумбаев А.К. Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков // «Дешті Кыпшақтың орта ғасырлық тарихы» атты Халықаралық ғалымдар конференция. 2017. Павлодар, 2018. С. 76–82.
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. II–III.
- Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: издательство Томского государственного университета, 1981.
- Тумашева Д.Г. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимии и антропонимии) // Советская тюркология. 1987. № 2. С. 38–51.

REFERENCES

- Abul-gazi. (2007) *The family tree of the Turks*. Kazan: Tatar Book Publ. House (In Russ.)
- Akhinzhanov S.M. (1989) *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka Publ. (In Russ.)
- Baskakov N.A. (1984) Names of Polovtsians and names of Polovtsian tribes in Russian chronicles. In: *Turkic onomastics*. Alma-Ata: 48–76. (In Russ.)

Bashkir pedigrees (2002) Vol. 1. Ufa: Kitap Publ. (In Russ.)

Iskhakov D.M. (2021) In the footsteps of a Tatar dastan: in search of historical realities in the epic work "Ak Kubak". *Tugan cir* [Native land]. No. 4: 20–33. (In Russ.)

Iskhakov D.M. (2023) The legend of the swampy Tatars about the Ilek-alp and the question of the Ugric component in the ethnogenesis of the Siberian Tatars. In: *Cultural heritage of the peoples of Western Siberia: Ugric. Collection of materials of the IX All-Russian Symposium*. Kirov: ANO DPO MTSITO Publ.: 43–48. (In Russ.)

Iskhakov D.M. (2024) The Kipchak ethnic component in the ethnogenesis of the Siberian Tatars: reality or a historiographical phantom? In: *Siberian Valeevsky readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of Doct. Hist. Sc. F.T. Valeev*. Tobolsk: 33–43 (In Russ.)

Katanov N.F. (1905) About the religious wars of Sheikh Bagautdin's disciples against the foreigners of Western Siberia (according to the manuscripts of the Tobolsk Provincial Museum). In: *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum*. Vol. XIV. Tobolsk: 1–28. (In Russ.)

Klyashtorny S.G., Savinov D.G. (2005) *Steppe empires of ancient Eurasia*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ. (In Russ.)

Kushkumbaev A.K. (2018). Information of Kazakh shezhers on the history of medieval kipchaks. In: *"Deshti Kipshaktyn orta gasyrlyk tarikhy" atta Halykaralyk galym conference*. Pavlodar: 76–82. (In Russ.)

Rashid al-Din. (2002) *Collection of chronicles*. Vol. II–III. Moscow: SIC Ladomir Publ. (In Russ.)

Potapov L.P. (1969) *Ethnic composition and origin of the Altaians*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)

Tomilov N.A. (1981) *The Turkic-speaking population of the West Siberian plain in the late 16th – first quarter of the 19th centuries*. Tomsk: Tomsk State University Publ. House. (In Russ.)

Tumasheva D.G. (1987). Ethnic ties of the West Siberian Tatars (based on toponymy and anthroponymy). *Sotvetskaya turkologiya* [Soviet Turkology]. No. 2: 38–51 (In Russ.)

The history of the Tatars since ancient times in seven volumes (2002). Vol. 1. Kazan: Rukhiyat Publ. (In Russ.)

The history and the culture of the Tatars of Western Siberia (2015) Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Yekeev N.V. (2011) *Problems of the ethnic history of the Altaians (research and materials)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya Tipografiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (626150, ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>; e-mail: zaituna.09@mail.ru

About the author: Zaituna A. Tychinskikh, Cand. Sc. (History), Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (15 Akademik Osipov St., Tobolsk 626150, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>; e-mail: zaituna.09@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 31.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised 23.12.2024

Принята к публикации / Accepted 15.01.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.23-34>

EDN: HRCSEI

Participation of Tatar intellectuals in cultural events in Turkestan (late 19th – early 20th centuries)

A.A. Yuldashev

*Institute for Cultural Research and Intangible Cultural Heritage
Tashkent, Republic of Uzbekistan
dengiz-85@mail.ru*

Abstract. The article discusses participation of Tatar intellectuals in civil events in the Turkestan region in the late 19th – early 20th centuries. At that time, modernization movements in Turkestan were widely spread. The initiatives aimed at developing the socio-cultural life of Turkestan received a significant support from Tatar intellectuals, along with contemporary educational institutions. Expansion of the Tatar diaspora in Central Asia has a long history. By the end of the 19th century, Tatars were actively involved in social, economic, and political events in the region. In the early 20th century, Tatar national intellectuals also actively participated in opening new schools and contributed to the development of the press and the theater scene in Turkestan. Because of the reform movements that appeared in the Muslim world, publishing activities and the press flourished in the Kazan Province. National newspapers and journals were launched, some of which were also present in Turkestan. These publications informed the Muslim population living within the empire about the latest developments in both internal and external affairs. Similar national press publications were also introduced in Turkestan. The adoption of innovative teaching methods in certain madrasas in the Kazan Province marked a significant improvement in the higher education system. These changes contributed to the advancement of civil life in the Muslim world of the Russian Empire. The given article analyzes historical events in Uzbekistan from the late 19th to early 20th centuries based on a number of archival documents, press materials, sources, and scholarly literature.

Keywords: Turkestan, modernization, press, educational institution, Tatar, higher education, Madrasa, “Tarjumon” newspaper.

For citation: Yuldashev A.A. (2025). Participation of Tatar intellectuals in cultural events in Turkestan (late 19th – early 20th centuries). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 23–34. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.23-34>

**Участие татарской интеллигенции
в культурных мероприятиях Туркестана
(конец XIX – начало XX вв.)**

А.А. Юлдашев

*Научно-исследовательский институт культуроведения
и нематериального культурного наследия
Ташкент, Республика Узбекистан
dengiz-85@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается участие татарской интеллигенции в гражданских событиях в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. В это время здесь широкое распространение получили модернизационные движения. Инициативы, направленные на развитие социально-культурной жизни Туркестана, получили значительную поддержку со стороны татарской интеллигенции.

Формирование татарской диаспоры в Средней Азии имеет долгую историю. К концу XIX в. татары активно участвовали в социальных, экономических и политических событиях в регионе. В начале XX в. татарская интеллигенция занималась созданием новых школ, развитием прессы и театральной сцены в Туркестане. В результате реформаторских движений, появившихся в мусульманском мире, в Казанской губернии активное развитие получила издательская деятельность и пресса. Была налажена печать национальных газет и журналов, некоторые из которых распространялись и в Туркестане. Эти издания информировали мусульманское население, проживающее в пределах империи, о происходящих событиях как во внутренней жизни, так и во внешних делах. Внедрение инновационных методов обучения в некоторых медресе Казанской губернии ознаменовало собой значительное улучшение системы высшего образования. Эти изменения способствовали развитию гражданской жизни в мусульманском мире Российской империи. В статье анализируются исторические события в Узбекистане с конца XIX до начала XX вв. на основе ряда архивных документов, материалов прессы, источников и научной литературы.

Ключевые слова: Туркестан, модернизация, пресса, учебное заведение, татары, высшее образование, медресе, газета «Тарджумон».

Для цитирования: Yuldashev A.A. Participation of Tatar intellectuals in cultural events in Turkestan (late 19th – early 20th centuries). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 23–34. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.23-34> EDN: HRCSEI

In addition to having a rich history spanning thousands of years, Uzbekistan has attracted the attention of other peoples with its geographical conditions and rich culture. Various military, economic, and cultural interactions in the region of Turkestan have influenced the ethnic composition of its population. The indigenous population, living in the ancient land of Turkestan, has been joined by representatives of many nations who have come and settled from neighboring countries over the centuries, contributing to the diversity of ethnic groups. In this regard, the presence of Tatar population in the territory of Uzbekistan plays a special part. The formation of Tatars in Uzbekistan as an ethnic diaspora dates back to the Middle Ages and beyond. The

proximity of language and culture, as well as the unity of religion, further strengthen the cooperation and mutual support between these peoples. Tatars migrated to Uzbekistan for various reasons, including trade activities, seeking education in central cities of the region (Bukhara, Samarkand, Tashkent, Kokand, etc.), and for other reasons.

Starting from the second half of the 19th century, the Russian Empire, aiming to establish control over the Central Asian territories, actively used Tatars and other peoples to implement its policies in the region. Particularly during the process of establishing control over Turkestan, Tatars and other nomadic groups of people were mobilized to serve in various roles such as soldiers, administrators, military doctors, field medics, and translators in the army of the Russian Empire (Gubaeva, 1991: 111). After the annexation of Turkestan, measures were taken to establish communication and derive benefits from the local population. Therefore, various administrative positions and jobs were assigned to representatives of the Tatar population starting from the 1860s (National Archives of Uzbekistan (NAUz). F. 1. Op. 20. C. 1191. P. 8; C. 3853. P. 2–3). Notable services were awarded by the Governor-General of Turkestan, Konstantin Petrovich von Kaufman, for significant contributions. For example, Mukhammadkarim Sharipov, who served as a translator in the Zarafshan district, was awarded a small silver medal on March 31, 1870, for his services (NAUz. F. 1. Op. 20. C. 2373. P. 1–3), and another translator Chanishev was awarded the 3rd degree Avliyo Svyatoslav order on September 4, 1872, for his services (NAUz. F. 1. Op. 20. C. 6358. P. 2). This demonstrates one aspect of the Russian Empire's patronage policy, as they were used for their usefulness without integrating into the society.

The rapid movement of Tatars into Turkestan and their activities raised concerns for the governor-generalship. Governor-General Konstantin Petrovich von Kaufman expressed fears about the Tatars being influenced by the Bukharan religious clergy (NAUz. F. 1. Op. 27. C. 10^a. P.1). With a confidential decree sent to the Governor-General of Turkestan by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on December 31, 1900, measures were taken to monitor the activities of Tatars who arrived in Turkestan (Dolimov, 2006: 11). In the following years, there was an increase in surveillance and investigations against them.

The enlightenment era in Turkestan, taking into account the colonial policy of the Russian Empire and its consequences, was marked by collaboration between progressive Turkestan intellectuals and Tatar-Bashkir enlightenment figures who envisioned the advancement and prosperity of Turkic peoples in the region through educational reforms.

By the end of the 19th century, the Turkestan region faced economic hardships and cultural stagnation as a result of colonial policies. Those who recognized this situation outlined various ways to overcome it. Their activities focused on promoting national industry, optimizing resource utilization, enhancing the socio-political status of the people, establishing new educational methods and institutions for Turkestan youth, training national experts, publishing newspapers and journals, forming various societies, establishing theater troupes to address existing issues in society, and more.

Towards the beginning of the 20th century, many young people from Muslim countries came to study at madrasas in Bukhara, Tashkent, and Kokand. Among them, there was a considerable number of Tatar youth. The particularly noteworthy representatives are prominent Islamic scholars of the 19th century, such as Abu Nasr Al-Qursawi (1782–1813) and Shahobiddin Marjani (1818–1889), who studied at madrasas in Bukhara and Samarkand during their time. However, due to lack of attention to exact and natural sciences in those madrasas and the absence of educational reforms like those in developed countries, the number of foreign students declined. Marjani criticized the education system he encountered in Bukhara madrasas during his time, “Although they praise Bukhara as a center of learning and knowledge, the people and government of Bukhara are far from knowledge. Their administration is full of corruption and their education system is not in order” (Solih bin Sobit Abiddin, 1935: 57).

Marjani’s ideas faced criticism and were eventually forced out of Bukhara. If we turn our attention to the thoughts of Munavvar Qori Abdurashidkhonov, we can see that “In the 1900s, there was no news or evidence of modern schools in Turkestan. Initial schools were old schools, while middle and high schools were madrasas. When students went abroad to study, they found that Bukhara Sharif had nothing good to offer except Arabic and religious studies, unlike other countries where there were no subjects missing” (Yosh Turkistan, 1933: 18).

With the beginning of the 20th century, there was a growing need to study modern sciences and apply them in the country’s life. The absence of modern educational institutions focused on economic development in Turkestan was one of the existing problems in the region. The high-level education institutions in Turkestan needed reforming. In such a circumstances, getting education in other countries seemed to be the only solution. In addressing those issues, Turkestan intellectuals, together with Tatar-Bashkir intellectuals, played a pivotal role in the development of the country.

Initially, the emergence and development of new-style schools in Turkestan, and their reform, were organized by Ismail Gasprinsky and his assistants. The new-style school created by I. Gasprinsky quickly became popular and expanded widely among the Muslim population of the Russian Empire. The newspaper *Tarjumon*, published by him, provided an opportunity to keep up to date with the world news, social, economic, and cultural issues. Moreover, the newspaper helped the dissemination of information about new-style schools and their educational processes, contributing significantly to the educational mission.

In the last ten years of 19th century, when I. Gasprinsky initiated the establishment of such schools in Turkestan, the movement gained attention from many people, and schools teaching *Usuli Savtiya* (teaching method explaining the meaning of words by associating them with letters, i.e., teaching students to recognize letters and read words aloud) were established in the provinces of Turkestan under the supervision of Tatar teachers. The activities of Tatar teachers were not limited to the Turkestan General Governorate but also extended to the protectorate regions, such as the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva. In particular, Abdulghani Khusainov,

who came from Orenburg to the first new-style school in the Khanate of Khiva in 1889, laid the foundation for these schools. Later, the number of such schools increased. Turkestan progressive intellectuals also established their own schools. In those schools, alongside national talents, students who had studied at madrasas in Tataristan and Bashkortostan were admitted, continuing their education during the transitional period. The emergence and development of new schools in Turkestan, based on specific programs, were largely due to the efforts of Tatar-Bashkir intellectuals and the significant role played by their newspapers. The progressive activities of Turkestan's first new-style school instructors such as Munavvar Qori Abdurashidkhonov, Abdulqodir Shakuriy, and Iskhokhon Tura Ibrat, made a significant contribution. Particularly, Munavvarqori, who was acquainted with the *Tarjumon* newspaper, had acquired a considerable amount of information about new schools and had collected newly published religious and scientific books. Reading articles about the teaching methods of the new-style schools in Bogchasaroy published in the *Tarjumon* newspaper, he got involved in opening Usuli Savtiya schools and creating teaching curricula for them.

The emergence of modern schools in Turkestan and their reliance on specific programs significantly increased the importance of Tatar and Bashkir enlighteners and their newspapers. That situation allowed for the active participation and contribution of individuals such as Munavvar Qori Abdurashidkhanov, Abdulqodir Shakuriy, and Ishoqkhon Tura Ibrat. Especially, Munavvarqori became acquainted with the *Tarjumon* newspaper, collected new religious and scientific books, and wrote about new schools, thus contributing to the creation of educational programs for new schools.

The progressive Namangan native, Ishoqkhon Tura Ibrat, on the other hand, collaborated with Tatar enlighteners Khussain Makaev and Abdulrauf Shahidi in the establishment of a printing house, new-style school, and newspaper in his Torakurgan (Dolimov, 1994: 34–36). In 1907, when Is'hoqkhon To'ra Ibrat opened a modern-method Jadid school in To'raqo'rg'on, he invited Khussain Makaev to teach there. The school quickly gained popularity among the public due to the teachers' hard work, as evidenced by students' rapid progress and visible results. In the 1907 edition of *Turkiston Viloyatining Gazeti*, Ibrat said about his school and Husayn Makaev, "... I hired a mullah from Kazan and established a school. It hasn't even been three months since the school opened, et more than 20 young children and 10–15 adults, who used to respond to the question 'What is 'Alif?'' with 'a stick,' have learned to read and write nearly everything" (Isxokxon tura Junaydullax, 1907: 2).

Khussain Makaev was well-regarded during his time, and the public's interest in his school deepened. For example, "In 1910, a new school was established in Namangan. Initially, a Tatar man named Khussain Makaev arrived and opened a modern-method school. Rumors quickly spread across the city, "A Tatar named Makaev has come, opening a new school where in just four ears, he teaches children to read, write, and count, and turns them into mullahs. He charges one sum per student and educates them with discipline, without beating them" (Radjapov, 2011: 8).

The civilizational relations of Turkestan enlighteners with Tatar and Bashkir enlighteners were manifested not only in the field of education but also in obtaining secondary and higher education and training specialists, especially teachers. Over the centuries, traditional education systems in Turkestan operated at a high level and consisted of schools and madrasas with a strong foundation and high level of training. In madrasas, primarily, knowledge in theology and jurisprudence was provided, and exact and natural sciences were given insufficient attention. Certainly, that situation contributed to the stagnation of society's general development and lagged behind other countries.

At the beginning of the 20th century, a new teaching system was introduced in a number of madrasas in Orenburg, Ufa, and Kazan, which attracted the attention of Muslim youth in the Russian Empire. With the introduction of a new teaching method in madrasas such as Khusainiya in Orenburg, Mukhammadia in Kazan, and Galiya in Ufa, the quality of education improved. As a result, the number of students coming to study in Bukhara madrasas from the Russian territories decreased. During that time, there was a growing demand for essential knowledge and educational reforms in educational institutions, leading to improvements in higher educational institutions and the training of young people (Çor hokumeti ve ..., 1922: 27–30).

The study in Tartar-Bashkir madrasas was completed in the spring months, and the summer months were considered vacation time until October, during which many madrasa students engaged in teaching to collect funds for the next academic year by traveling to various cities, villages, and regions. According to the book *Turmush urinishlari*, "The year 1908 has passed. I heard that three of our students came from Ufa to our city and joined three schools in our city. They were taught the basics of reading, were introduced to a new order, and were accepted to study again, and when they had finished their studies, they were given a few rubles by the school teachers upon their departure. There is even a street in the Tokli Jallob district where Nabi domla, who taught at the school, took Vali Akhmad from his students to his own school" (Muminjon Muhammadjon ugli, 1926: 138).

The Oliya madrasa in Turkestan and the Kazakh steppes became popular among the youth of Turkestan due to the teaching methods and the knowledge provided, which attracted the attention of many Turkestan students and, therefore, fostered the desire for education among young people.

Relying on the information provided by Sizikh who was in charge of the defense of Turkestan region, among the students of those schools, also included a considerable number of students from Turkestan. It is known that the Madrasa Galiya in Ufa was considered a high school for outstanding Muslims among those schools, and not only religious books are taught there, but also worldly knowledge is very much emphasized compared to other madrasas. People who had studied at those madrasas tended to be more knowledgeable than those who studied in traditional madrasas, without excluding those who have studied in new madrasas. The new students excelled in the madrasa at a much higher level. If we pay attention to the good relations between the Kazakhs and the Tatars, the high regard they have for the Tatars, and es-

pecially the influence of the Tatars on the Kazakhs, we see the greatness of the influence of Madrasa Galiya and the people who studied there on the Kazakhs.

That, in turn, increased the interest of young people from Turkestan in studying at schools in Orenburg, Kazan, and Ufa. The book *Turmush urinishlari* by the Tashkent writer Muminjon Muhammadjon (Toshqin) provides a lot of information about the education in the Tatar-Bashkir madrasas and about the young people from Turkestan who studied there (Muminjon Muhammadjon ugli, 1926: 293–324). Muminjon Toshqin himself also obtained education at the Galiya madrasa in Ufa from 1908 to 1910.

Collaboration of Russian, Azerbaijani, and Tatar theater troupes played a significant role in the development of modern theater art in Turkestan and its prosperity in the early 20th century; Tatar theater troupes also gained great importance. The formation of Uzbek national theater art in the early 20th century was greatly influenced by Tatar theater groups (Rizaev, 1999: 119). In Turkestan, Tatar performances were staged in courtyards of Tatar neighborhoods and in places where people gathered. For example, in Tashkent, during the reception held by General Sokhib Gireevich Yenikeev, the play *Ishq balosi* by Nomik Kamolnin was performed by Tatar actors (Tarix va toplum, 2000: 69). In 1909, in the same courtyard, another play, *Birinchi teatr* by playwright Galiaskar Kamal, was staged by Tatar actors. Uzbek actors also participated in this comedy (Rizaev, 2000: 88–89). Starting from 1910, a permanent Tatar theater group operated in Tashkent. Azerbaijani, Tatar, and Russian dramas were staged there. The number of such troupes increased. In 1913, actors and directors from Turkestan also joined the activities of the “Turon” theater group, founded by modern artists in Tashkent. In particular, the “Turon” theater group staged the plays *Istanbul* under the direction of the Tatar director Mukhammadyorov in 1914 and *Toy* under the direction of Z. Boyazidsky. On December 22, 1914, the play *Toy* staged by Z. Boyazidsky was performed for the second time at the Coliseum in Tashkent and attracted great interest from the local population as well as Tatar and European residents.

The revival of theater played a separate role in enhancing the spiritual and political level of the people, alongside the press. During this period, newspapers such as *Tarjumon* and *Vaqt*, the magazine *Shuro*, and the journal *Mulla Nasriddin*, published in Azerbaijan, played an important role in the development of enlightenment and national liberation aspirations among the Central Asian peoples.

During that period, many educational materials, books, journals, and newspapers were published in Turkestan, mainly in the publishing houses of Kazan. In addition, Tatar intellectuals played an active role in organizing local printing houses and bookstores in Turkestan. In the early 20th century, the language of newspapers published in Turkestan, including the language of newspapers printed elsewhere, consisted of a mixture of Tatar, Turkish, and Arabic words, which were adapted to the Uzbek language (Abduazizova, 2000: 71). That increased the interest of the population in periodical publications. In the publication of newspapers and magazines, the Turkestan intellectuals worked hand in hand with the Tatar-Bashkir progressives. For ex-

ample, among the newspapers published in Turkestan, the *Tarraqqi* newspaper, edited by Ismoil Obidiy, actively involved Tatar journalists such as Shakir Mukhtoriy and Ismail Aliyev. On April 9, 1908, the newspaper *Aziya* was launched, with one of the editors being Akhmadzhan Bektemirov, a Tatar journalist.

Furthermore, the writer Muminjon Muhammadjon ugli, who lived in that era, expressed his thoughts as follows, “Akhmadzhan Bektemirov used to publish a newspaper called *Asia*. We went to see his office. It was a small house with a small courtyard, old furniture, and shelves where newspapers were placed. There was a small table with a single lamp, and from afar, he cherished something precious, “knowledge” he obtained with a small candle” (Muminjon Muhammadjon ugli, 1926: 139).

In the following years, the publication of *Shuhrat*, *Tuzjo*, *Samarqand* newspapers in Turkestan and the release of the *Oyna* magazine under the editorship of Mahmudkhon Behbudi witnessed successful collaboration with Tatar enlightenment figures. Those events continued with the active participation of *Sadoyi Fargona* led by Obidjon Mahmudov (1871–1936), which started in April 1914 in Kokand, and *Sadoyi Turkeston* edited by Ubaydulla Asadullahoy (1878–1942), published from Tashkent. Tatar intellectuals such as Abdurauf Muzaffarzoda, Noshiravon Yaushov, Abdullah Begi, Mahmud Budayli, and others took a particularly active part in those newspapers. Tatar translator Nurmukhammad Usmanov contributed to the editorial board of *Sadoyi Fargona* newspaper (NAUz. F. 461. Op. 1. C. 1315. P. 346). He also contributed to *Sadoyi Turkeston* with his articles. Abdurauf Muzaffarzoda, known under various signatures such as Abdur Rauf Muzaffarov, A. Muzaffarov, R., Rauf Muzaffarzoda M.A., published over 40 articles in the newspaper. His articles addressed issues of education, morality, culture, and delved into social and economic issues of Turkestan. For example, Rauf Muzaffarzoda, in his articles, emphasized the importance of the human factor, “... A person is only truly human through the cultivation of both the physical and spiritual realms. Someone who has not developed their spirit, enriched their intellect, and expanded their thoughts through science and education is no different from one existing aimlessly amidst other creatures» (Muzaffarzoda, October 7, 1914).

He was a proponent of reforms and advocated for the cultural elevation of the people, criticizing societal flaws. In his articles, he compared the nation to a cultural ship that needed to be set in motion and saved from social decline by fulfilling its cultural needs. In his article *Culture and Us* he reproached his compatriots, “Even though we see what culture truly is, we ignore our cultural needs” (Muzaffarzoda, May 30, 1914).

Even after concluding his work at *Sadoyi Turkiston* and leaving Tashkent, Muzaffarzoda continued publishing numerous articles about Turkestan. His works appeared in publications like *Vaqt* and *Shuro*. Notably, his series of articles titled *The Present-Day Life in Turkestan*, which were published in several issues of *Shuro*, can be considered a cohesive work. In the series, he delved into Turkestan’s geography, its people, their culture, lifestyle, and traditions. Additionally, he addressed the re-

gion's educational institutions, urban life, achievements, and challenges. He specifically analyzed gender issues, highlighting problems and offering insights.

Muzaffarzoda referred to the Turkestan region as "the Turkestan Continent", describing it as a vast territory encompassing the Khazar (Caspian) Sea, the Amu Darya and Syr Darya rivers, and numerous snow-capped mountains, serving as a cradle for Turkic peoples. He emphasized that despite being under Russian imperial rule, Turkestan remained a stronghold of Islam and Turkic heritage. Writing about the local population, he noted, "The indigenous people of Turkestan, numbering about 10 million Muslims, speak their distinct Turkic dialect" (A. Rauf Muzaffar, 1916: 262).

He highly regarded the Turkestani people's resilience in preserving their identity under Russian imperial rule, describing them as the most steadfast among the Muslim communities in the empire. He wrote, "If asked where the most victorious Muslims of Russia are, without a doubt, the answer would be 'In Turkestan!'" (A. Rauf Muzaffar, 1916: 262).

According to Muzaffarzoda, despite the 50 years of colonization and the introduction of Russian laws and culture, the traditional lifestyle and customs of Turkestan's Muslim population remained intact. He explained this by stating, "It seems that because Turkestanis have not yet succumbed to Western cultural influences, their manners, nature, and ethics remain as they were in the days of their ancestors" (A. Rauf Muzaffar, 1916: 263).

He also elaborated on the local population's lifestyle and customs, noting that children wore braided hairstyles, men carried knives at their waists, and cemeteries were frequently visited. He highlighted their disdain for those who violated customs and praised their preservation of ancestral traditions, including traditional music, horseback riding, and producing intricately designed fabrics.

Describing the morals and character of the Turkestani people, he emphasized their cheerful demeanor and hospitality. While he criticized their flattery, he noted that it suited them well.

During the February events of 1917, Tatar-Bashkir intellectuals participated in the changes that took place in Turkestan along with Turkestan progressives. In addition to being editors and correspondents in the newly established newspapers, they also participated in them with their liberal-ideological articles aimed at the development of the country. They supported the Turkestan autonomy, which was a national democratic government. They were active not only in the practical activities of that government, but also in its propaganda in the press. Articles such as Mukhtar Bakir's *Turkistan Muxtariyati va Turkistan xalqi* (Ulug Turkestan, 1917), Shakir Mukhtari's *Turkistan Muxtariyati* (Shakir Mukhtari, 1918) are among them.

At the beginning of the 20th century, fraternal ties grew stronger between the numerous Tatar-Bashkir intellectuals who came to Turkestan and the Turkestans who sought knowledge from that land. As a result, they worked together in the struggle for the development of the sciences necessary for their time and for progress. Consequently, national press developed in the Turkestan region, new schools which implemented the new method were opened. Young people who graduated from the new

method schools were sent to secondary and higher education institutions in foreign countries. Charitable and cultural societies were established, in which Tatar intellectuals, along with Turkestan progressives, also participated.

In conclusion, the historical relations of the Uzbek people with the Tatar-Bashkir peoples led to social, economic, and cultural development in various fields in Turkestan. Innovations emerged in education, publishing, theater, and other areas in the country. Tatar intellectuals also contributed to the progress. However, the repressive actions of the Russian Empire had a negative impact on the lives of Tatars alongside the local population in Turkestan. Nevertheless, the social connections between the two peoples helped advance societal developments. The friendship of Uzbek and Tatar intellectuals during the turmoil of the Russian Empire gave hope for significant progress in social and cultural life from the February 1917 revolution onwards. However, the strengthening of the Bolshevik government led to setbacks for the intellectuals' reformist movements. Starting from the 1930s, the policy of harsh repression against intellectuals was implemented, resulting in many Uzbek and Tatar intellectuals being repressed.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

SOURCES

- NAUz. F. I–1. Op. 2. C. 10^a. P. 1.
 NAUz. F. I–1. Op. 20. C. 1191. P. 8; in that place. C. 3853. P. 2–3.
 NAUz. F. I–1. Op. 20. C. 2373. P. 1–3.
 NAUz. F. I–1. Op. 20. C. 6358. P. 2.
 NAUz. F. I–461. Op. 1. C. 1315. P. 346.
 NAUz. F. I–461. Op. 1. C. 1315. Verso of sheet 337.
 A. Rauf Muzaffar (1916) Turkistonda bu kungi xayot. *Shuro* [Shuro]. №11.
 Chor hukumati va Turkistonda tatar mualimlari. *Inqilob* [Inqilob]. № 7–8. 1922. P. 27–30.
 Isxokxon tura Junaydullax ugli. *Turkistan viloyatining gazeti* [Turkestan Province Gazette]. 1907. №72.
 Mukhtar Bakir. Turkistan Muxtariyati va Turkistan xalqi. *Ulug Turkestan*. [Great Turkestan] December 20. 1917.
 Muminjon Muhammadjon Ogli. (1926) *Turmush urunishlari* [Life's difficulties]. Samarkand-Tashkent.
 Muzaffarzoda R. Madaniyat va biz. *Sadai Turkistan* [Sadai Turkestan]. May 30, 1914.
 Muzaffarzoda R. Tarbiyaga ahamiyat bermabmiz. *Sadai Turkistan* [Sadai Turkestan]. October 7, 1914.
 Shakir Mukhtari. Turkistan Muxtariyati. *Mehnatkashlar tovushi* [The voice of the workers]. June 11, 1918. (In Uzb.)
 Solih bin Sobit Abiddin. (1915) *Marjani*. Kazan: Magarif Publ.
 Yash Turkistonli. 50-yilligi munosabati ila Tarjumon gazetasi. *Yash Turkistan* [Young Turkestan]. № 41, 1933. P. 18–20.

Milliy kecha. *Sadai Turkistan* [Sadai Turkestan]. January 6, 1915.

REFERENCES

- Abduazizova N. (2000) *History of the Turkic press*. Tashkent: Akademiya Publ. (In Uzb.)
Dolimov U. (1994) *Isxoqkhon Ibrat*. Tashkent: Sharq Publ. (In Uzb.)
Dolimov U. (2006) *New method schools in Turkestan*. Tashkent: University Publ. (In Uzb.)
Gubaeva S. (1991) *Population of the Fergana Valley*. Tashkent: Fän Publ. (In Russ.)
Kayumov M. (2006) *Socio-political processes in the Khiva Khanate in the second half of the 19th and early 20th centuries*. Diss. Cand. Hist. Sciences. Tashkent. (In Uzb.)
Rajapov V.T. (2011) *History of the development of the public education system in Namangan*. Namangan. (In Uzb.)
Rizaev Sh. (1999) Jadidism, Enlightenment and Theatre. In: *Jadidism, Enlightenment: The Struggle for Reform, Renewal, Independence and Development*. Tashkent: University Publ. (In Uzb.)
Rizaev Sh. (2000) Stage spirituality. Tashkent: Ma'naviyat Publ. (In Uzb.)
Sorokin P.A. (1992) *Man. Civilization. Society*. Moscow. (In Russ.)
Turdiev S. (2000) Central Asian Tatars. *Tarikh va to'plum* [History and society]. No. 194: 69. (In Uzb.)
Ziya Said (1927) *Materials on the Uzbek contemporary press history*. Samarkand–Tashkent. (In Uzb.)

ИСТОЧНИКИ

- НАУз. Ф. I–I. Соч. 20. Ф. 1191. Л. 8.
НАУз. Ф. I–I. Соч. 20. Ф. 2373. Л.1–3.
НАУз. Ф. I–I. Соч. 20. Ф. 6358. Л.2.
НАУз. Ф. I–I. Соч. 2. Ф. 10^a. Л.1.
НАУз. Ф. I–461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 346.
НАУз. Ф. I–461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 337 об.
A. Рауф Музаффар. Туркистонда бу кунги хаёт // Шуро. 1916. №11. С. 262–263.
Чор ҳукумати ва Туркистонда татар муалимлари // Инқилоб. № 7–8. 1922. С. 27–30.
Исхоқхон тура Жунайдуллаҳ угли // Туркистан вилоятининг газети. 1907. №72.
Миллий кеча // Садаи Туркистан. 6 январь, 1915.
Мукҳтар Бақир. Туркистан Мухтарияти ва Туркистан халқи // Улуг Туркестан, 20 декабрь, 1917.
Муминжон Муҳаммаджон угли. (1926) *Турмуш урунишлари*. Самарканд–Ташкент.
Музаффарзода Р. Маданият ва биз // Садаи Туркистан. 30 май, 1914.
Музаффарзода Р. Тарбияга аҳамият бермабмиз // Садои Туркистан. 7 октябр, 1914.
Шақир Мукҳтари. Туркистан Мухтарияти // Меҳнаткашлар товуши. 11 июнь, 1918.
Солиҳ бин Собит Абиддин. (1915) *Маржани*. Казан: Магариф.
Яш Туркистонли. 50-йиллиги муносабати ила Таржумон газетаси // Яш Туркистан. № 41. 1933. С. 18–20.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуазизова Н.* Туркисон матбуоти тарихи. Ташкент: Академия, 2000.
Губаева С. Население Ферганской долины. Т: Фан, 1991.
Долимов У. Исхоқхон Ибрат. Ташкент: Шарқ, 1994.
Долимов У. Туркистонда жаид мактаблари. Ташкент: Университет, 2006.

Зия Саид. Ўзбек вақтли матбуоти тарихига материаллар. Самарканд–Ташкент. 1927.

Каюмов М. XIX аср иккинчи ярми XX аср бошида Хива хонлигидаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар: канд. ист. наук. Диссертация. Ташкент, 2006.

Ражапов В.Т. Наманган шаҳар халқ таълими тизимининг ривожланиши тарихи. Наманган, 2011.

Ризаев Ш. Жаҳид маърифатчилиги ва театр // Жаҳидчилик: ислохот, янгиликлар, мустақиллик ва тарраккиёт учун кураш. Ташкент: Университет, 1999.

Ризаев Ш. Саҳна маънавияти. Ташкент: Маънавият, 2000.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Турдиев С. Орта Асия татарлари // Тарих ва топлум. 2000. №. 194. Б. 69.

Сведения об авторе: Юлдашев Абдували Абдумуталибович, PhD (история), старший научный сотрудник отдела культурологии, Научно-исследовательский институт культуроведения и нематериального культурного наследия (100011, ул. Навои, 30, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0008-6609-0383>; e-mail: dengiz-85@mail.ru; abduvali1485@gmail.com

About the author: Abduvali A. Yuldashev, PhD (History), Senior Researcher at the Department of Cultural Studies, Institute for Cultural Research and Intangible Cultural Heritage (30 Navoi St., Tashkent 100011, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0008-6609-0383>; e-mail: dengiz-85@mail.ru; abduvali1485@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 16.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 23.12.2024

Принята к публикации / Accepted 27.01.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.35-45>

EDN: IEXNZU

Participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists in the formation of the national army in Turkestan

E.G. Radjapov

*Agency for Innovative Development under the Ministry of Higher education,
Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan
rajabiy1986@gmail.com*

Abstract. The article examines participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists in the formation of the national army in the Turkestan region. The participation and role of Tatar and Turkish soldiers involved in the formation of the national armed forces during the existence of the Turkestan Autonomous Government, and later for the formed People's Soviet Republics with capitals in Bukhara and Khorezm are analyzed. The purpose of attracting soldiers is pointed out. It consisted of their involvement in the creation of military schools and a national army. Special attention is drawn to the attitude of the Soviet government to these processes and the history of diplomatic relations between the Turkestan Autonomous Government and the headquarters of the “Ittihad i Terrakki” (“Unity and Progress”) Party, created in Istanbul to form a national army. The author reveals the activities of military specialists of Tatar-Bashkir and Turkish origin, which became possible thanks to the efforts of progressive Jadids. Their participation in the formation of the national army and the creation of national military schools have been highlighted. It is presented that all that happened despite the pressure and repressions from the Soviet government. The article is based on archival documents and sources.

Keywords: Provisional government, Turkestan Autonomy, the Party “Ittihad va taraqqiy”, Bukhara People's Soviet Republic, Khorezm People's Soviet Republic, national military forces, military experts.

For citation: Radjapov E.G. (2025) Participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists in the formation of the national army in Turkestan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 35–45. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.35-45>

Участие татаро-башкирских и турецких военных специалистов в формировании национальной армии в Туркестане

Э.Г. Раджапов

*Агентство инновационного развития при Министерстве
высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан
Ташкент, Республика Узбекистан
rajabiy1986@gmail.com*

Резюме. В статье исследуется участие татарско-башкирских и турецких военных специалистов в формировании национальной армии в Туркестанском регионе. Анализируется участие и роль татарских и турецких солдат, привлеченных для формирования национальных вооруженных сил в период существования Туркестанского автономного правительства, а позднее для образованных Народных советских республик со столицами в Бухаре и Хорезме. Показывается цель привлечения солдат, а именно к созданию военных школ и национальной армии. Отдельное внимание уделено отношению советского правительства к этим процессам и истории дипломатических отношений между Туркестанским автономным правительством и штабом партии «Иттихад и терракки» («Единство и прогресс»), созданной в Стамбуле для формирования национальной армии.

Автор раскрывает деятельность военных специалистов татарско-башкирского и турецкого происхождения, которая стала возможной благодаря усилиям прогрессивных джадидов. Показывается их участие в формировании национальной армии и создании национальных военных школ. Показывается, что все это происходило вопреки давлению и репрессиям со стороны советской власти. Статья основывается на архивных документах и источниках.

Ключевые слова: Временное правительство, Туркестанская автономия, партия «Союз и прогресс», Бухарская Народная Советская Республика, Хорезмская Народная Советская Республика, национальные вооруженные силы, военные эксперты.

Для цитирования: Radjapov E.G. Participation of Tatar-Bashkir and Turkish military specialists in the formation of the national army in Turkestan. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 35–45. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.35-45> EDN: IEXNZU

After the conquest of the khanates in Turkestan by the Russian Empire, the colonial policy did not go around the military sphere as well as various spheres of public life. This further-aimed government administration did not want the Turkestan peoples to take up arms and get military training, and they were not recruited into military service at all. Even those who wanted to become soldiers as volunteers were not allowed to. Patriotic men of Turkestan, who had a strong desire for freedom, were also forbidden to wear swords and knives. Regarding this, the enlightener Abdulla Kodiriy wrote in his article under the pseudonym Ju-boy, “After our homeland (Turkestan – author) was conquered by the tsarist government, the Russian tyranny also forbade carrying knives” (Ishtirokyun, 1919).

Offensive phrases like “A thousand Sarts (non-tribal settled Uzbeks) are not worth the heel of a Russian soldier” also became a “slogan” of autocratic officials at that time. According to O.Girs, a secret adviser who inspected the Turkestan region, “By the present time (1883 – author.), the number of native men in Turkestan is 1 million 150 thousand people, and if we involve five out of a thousand of them into military service every year, it will be 5750 people. In the first year of mobilization, this indicator is 19,1% of our troops in Turkestan. In 15 years, the number of native people who have completed military service will increase to 86 250. A few of them can become non-commissioned officers or soldiers with excellent military training and may fight against us. If we can’t recruit local nationals for military service, it’s better to charge them for military service. If the military tax is collected from the local population in Turkestan in return for military service, it is possible to earn 3 million 125 thousand rubles per year” (Girs). He advocated the policy of not recruiting the people of Turkestan into the army at all. Girs mentioned that the people of the country would remember the political independence and would not forget the enmity towards the victorious Russians. Regarding the consequences of the Russian Empire’s military policy in Turkestan, Akhmad Zaki Validy said, “Before, in Turkestan, according to the old custom, there was an incentive and desire to be a soldier. Now, the people of Turkestan have been released from military service, so their passion has gradually faded and they have become relaxed...” (Validiy, 1981: 114).

On June 25, 1916, the decree of Nikolay II “On the recruitment of non-Russian men of the Empire to work on the construction of defense structures and the roads of military affairs in the area of the army in action, as well as in any other affairs necessary for the defense of the state” was announced. According to the decree, people between the ages of 19 and 43 in the Syrdarya, Samarkand, Fergana, Yettisuv and Caspian regions of the Governor General of Turkestan were to be recruited. Among the local people that decree was called “recruitment for manual labour”.

About 123 000 men from Turkestan were sent to work as manual labourers in many cities of the Russian Empire according to the decree, and this decree caused sharp protests and uprisings among the people of Turkestan. The decree also caused a complete change in the concept of military service for the men of Turkestan. The policy of the tsar’s government to recruit the natives of Turkestan into military service ended in this way.

The Romanovs dynasty was overthrown as a result of the victory of the February Revolution, which took place on February 28, 1917 in Petrograd, the capital of the Russian Empire. On March 2, 1917, a provisional government was established instead of the overthrown tsar’s government. Under the influence of those processes, political processes became active in Turkestan. The intellectuals of the country paid special attention not only to establish an independent state in the region, but also to establish state institutions that would serve to support it. Along with a number of institutions of the independent state to be established in the region, they also paid special attention to the issue of forming the national army, which was considered its support and protector.

Although large-scale works were carried out by Turkistan's progressives and progressive representatives of the country to form national military structures, it was not possible to create a strong Muslim army due to the growing influence of the Bolshevik Party. While the February Revolution of 1917 opened the doors of opportunity for freedom in the democratic spirit, the events of October, which took place later, chose the method of ending all democratic principles and ideas, physically losing the supporters of such principles, and ruling the power on the basis of a single ideology.

In July 1917, a general assembly of Muslims of all Russia was held in the city of Kazan, where the Central Muslim Military Commissariat was located. A joint assembly of the All-Russian Muslim Military Council and the All-Russian Council of Islamic Scholars worked there. Among the issues presented in the assembly, a decision was made to establish a national autonomy and some national factions from Muslim soldiers. The newspaper *Ulug Turkistan* ("The Great Turkistan") reported about the issues discussed at the meeting, "The Muslim soldier, who has been oppressed for centuries and in the lowest position, will start living a new life from now on. He will serve in his country, in his national regiment, speaking with Muslim leaders in his native language. He will perform the prayers imposed on him in time and will have special (halal) meals for the Muslims" (*Ulug Turkistan*, 1917). After that proposal, the processes went against the interests of Turkistan people.

On November 28, 1917, Turkistan Autonomy was announced in Kokand city as a result of the efforts of the country's progressives to create an independent state in the region. From the first days of their work, the members of the government considered the issue of establishing the public police and the national army in order to maintain the peace of the nations living in Turkistan as the most important task (*Ulug Turkistan*, 1917). The Autonomy consisted of 8 people (Azamkhuzhaev, 2000; Madyarova, 2010: 127), and the position of the responsible military minister of the Autonomy was occupied by Ubaydulla Khojaev (*New history of Uzbekistan...*, 2000: 18), a lawyer by profession. As soon as the announcement of Turkistan Autonomy, the national Muslim battalion was established under the leadership and initiative of Ubaydulla Khojaev to protect it.

Later, Makhdi Chanishev, an agronomist from Ufa, served as the commander of the Autonomous Army for some time. According to the sources, Makhdi Chanishev was appointed commander-in-chief of the entire police to maintain order and discipline in the city during the Kokand events (*Ulug Turkistan*, 1918).

It should be emphasized that they established cooperation with a number of foreign military experts in order to raise the army of the Autonomous Government to the level of the advanced army of its time. In this regard, Polish and Turkish officers closely helped the members of the government of the Turkistan Autonomous Republic. The autonomous government decided to use the experience of Turkish officers in order to develop the military sphere. One of the main reasons for this was ethnicity, language, religion and cultural closeness and feeling of brotherhood.

Obidjon Mahmudov, the Turkistan Autonomy Minister of Food, in addition to the tasks within his authority, also paid considerable attention to the issue of provid-

ing (Karimov, 2013: 232), the soldiers of the Autonomous Region with weapons and involving professional experts. He met Hasan Ravshani in Azerbaijan, who was the leader of the Party “Ittihad va taraqqiy” (Union and Progress), which was founded in the Caucasus at the beginning of 1918. During the meeting, O. Mahmudov handed over a letter of the Union and Development Society of Turkestan written to Hasan Ravshani. In that letter, written on January 9, 1918, experienced specialists were requested for the establishment of national forces in Turkestan. Hasan Ravshani immediately sent the letter and request of the Union and Progress Society of Turkestan to the headquarters of the “Ittihad va taraqqiy” Party in Istanbul. On March 8, 1918, Hasan Ravshani sent a reply letter to Obidjon Mahmudov. In his letter he replied, “...in order to train officers in Turkestan, officers were also sent to establish a military school, a military organization, and form national regiments... Officers will also unconditionally obey the party “Ittihad va taraqqiy” and will be engaged only in military affairs. If the work is done in this order, I hope that you will achieve great success, and I promise that Turkey will help our Turkestan brothers in every area, Efandim” (Andican Ahat, 2003: 114). Being unaware of the overthrow of the autonomy, Hasan Ravshani sent a man named Yusuf Ziyoy¹ (Andican Ahat, 2003: 114) and about 20 Ottoman soldiers to Turkestan together with O. Mahmudov according to his promise. However, by that time the opportunity had been lost, the Autonomy had been violently overthrown by the Bolsheviks.

The activities of the military force, which was the basis of autonomy, were covered in detail in several issues of the *Ulug Turkestan* (“The Great Turkestan”). For example, Mukhtar Bakir in his articles such as *Duty of the Autonomous Government, Turkistan Autonomy and Turkestan people* (Ulug Turkestan, 1917), *Force is needed for the establishment of Turkestan Autonomy* (Ulug Turkestan, 1917), it was considered necessary to form the national army of the Autonomy, establish military courts and organizations as the main tasks facing the government of Turkestan Autonomy. In the article entitled *Duty of the Autonomous Government*, it was reported as “So many armed soldiers were brought to Turkestan during the reign of the Tsar government. The need for these soldiers ended with the declaration of autonomy and the transition of the government to the hands of the people. It should be taken into account that now the soldiers who are in other cities of Turkestan started to return to their homeland”, and in the article entitled *Autonomy of Turkestan and Turkestan people* we can see the reports that say, “It is not difficult to declare autonomy and independence”. However, its implementation and execution requires a lot of experience, knowledge, and dedication. With the declaration of independence, Turkestan people are facing great and difficult tasks, as well as sacred and responsible services. Among these challenges, one of the most important tasks is the establishment of military tribunals and organizations and the organization of police work.

¹ Later Yusuf Ziyoy bey together with mufti Sadriddin Khan opened the Tashkent branch of the Union and Development Society in Turkey (Andican Ahat, 2003).

It should be noted that the Turkestan Autonomy was overthrown by the Soviet authorities through force, and even after the establishment of the Turkestan ASSR, the progressive figures of the region continued to prepare military specialists from local representatives who were true patriots and fought for the independence of Turkestan. They included such organizations as the “Izchilar tudasi”, “Milliy Ittihad”, and “Ittihodi Taraqqiy” which gathered many progressives like Munavvarqori Abdurashidkhonov (1878–1931), Ghazi Olim Yunusov, Said Ahroriy and others, established schools for future soldiers based on the English Boy Scouting methods at secondary schools. In 1918–1919, this system was officially included in the curriculum of all schools in Tashkent. These groups operated under the slogan Giving strength to the weak, knowledge to the ignorant. The groups “Izchi”, “Temur”, “Turon kuchi” and “Turk kuchi” had branches like “Bobirkhon qo‘li” and “Qoyikhon qo‘li” not only in Tashkent but also in other cities of Turkestan, such as Chimkent, Oqmasjid, etc. The services of Turkish officers who came to the Turkestan region were widely utilized in the process of teaching military sciences to the youth of Turkestan. In the schools organized by the progressive figures of Turkestan, Turkish officers held gymnastics classes.

The main goal of the national schools established by the progressives was to educate the youth of Turkestan aged 16–30 under the national flag, turn them into well-trained specialists, raise them physically strong, send them abroad to obtain education; develop the arts, establish literature and press in a national spirit, organize military training, and ultimately to educate the people of Turkestan as fighters for national independence. However, in the 1920s, many of the 72 Jadid schools established in Tashkent had Turkish officials as teachers. By the end of 1919, the Turk Bureau strictly opposed the activities of those groups, and by late 1920, all Turkish officials were expelled from the Soviet country under the pretext of “the return of military prisoners. Only the “Izchilar tudasi” under the leadership of Akmal Ikramov continued its activities until the end of 1921. Before the national-territorial demarcation was carried out in Turkestan, a number of reforms had been implemented by the Soviet authorities in the military sector, and extensive measures were taken to involve representatives of the local population in the ranks of the worker-peasant Red Army’s national units. Although the worker-peasant Red Army national units established in Turkestan were used to serve the interests of the Soviet authorities, they also played a significant role in forming a new generation of national military specialists and in the development of the military sector.

Even after the overthrow of the autonomy, national intellectuals and local leaders preferred to use the experience and services of Turkish officers (subays) in the military field. The Bukhara Emirate was violently overthrown by the Bolsheviks in September 1920, and Bukhara People’s Soviet Republic (BPSR) was established in its place.

As soon as Bukhara People’s Soviet Republic was established, the help of Ottoman Turkish officers (subays), who were captured by the Russian Empire in the First World War and came to Turkestan from exile in Siberia, was used in the for-

mation of the armed forces of the republic. Turkish officer Ali Rizobey was appointed as the Deputy of the Inspector of Military Affairs of the BPSR Abdulhamid Oripov (Raci Çakiröz, 1987: 44–45). Turkish officers (subays) were recruited by the government of Bukhara in the fields of defense and military education, and military skills and experiences were learned from them. The fact that the language, culture, and religion of the Turkish soldiers were very close to the local nation also helped the government of the BPSR in this regard.

Abdulhamid Oripov, the inspector of military affairs of the BPSR and the chairman of the Soviet of inspectors of the BPSR, established a military school in Karmana in 1921 and started to train officers from the local people representatives. According to Ahmed Zaki Validi, that military school consisted of captured Turkish officers (Zakiy Validi Tugon, 1997: 105).

Abdulhamid Oripov together with Zaki Validi invited several talented specialists to Bukhara to form the national military units of the city. In particular, Abkhazian Ishmurzin from Bashkirdistan, his assistant Ibrahim Ishakov (Zakiy Validi Tugon, 1997: 125), Tatar officer colonel Haybatulla Sadikov and some of his close officers came to Bukhara and assumed leadership roles in military units. The military units of Karshi, Shahrisabz, Nurota, Guzor, Karmana were assigned to them. All of them were appointed to the military posts by Abdulhamid Oripov. The purpose of their appointment to those positions was, firstly, to train qualified national military specialists; secondly, if the Soviet government did not allow establishing national military units in the BPSR in an official and legal way or began to disband the military units that had begun to be formed, they would unite with the commanders and start a general upsurge. Certainly, in order to achieve the second goal, it was necessary to convey the national goal message to the commanders on a large scale.

It should be noted that in 1920 the command of the Red Army appointed Tatar military men to the position of the inspector of military affairs of both republics (the BPSR and the KhPSR), but Riza Shokirov (the inspector of military affairs of the KhPSR) and Bagautdin Shegabutdinov (the inspector of military affairs of the BPSR) did not work long in this position. Later, A. Oripov (1921–1922) and famous statesman F. Khojaev (1922), R. Boymurodov (1922-02.1923), N.A. Verevkin (Rakhalsky) (02.1923-06.1923), F. Khojaev (06.1923–1924), M. Mirsharopov (1924) worked in the position of the inspector of military affairs of the BPSR, while Shaykhutdin Khasanov (1921), Hasan Muhammadzhanov (1921) and Jabbergon Kochkarov (1921–1922), Mikhail Voloshin (1922–1923), I.V. Godetsky (1923–1924), Nikolay Shaydakov (1924) worked as inspectors of military affairs of the BPSR (Matkarimov, 1993: 18–19).

Turkish officers participated in the formation of the national armed forces not only of the Bukhara People's Soviet Republic, but also of the Khorezm People's Soviet Republic. Some of them even worked as teachers in schools, such as “Namuna”, “Turon”, “Mukhtoriyat”, “Irfon” which opened in Tashkent (Raci Çakiröz, 1987: 42–43). Under the pressure and threat of the Bolsheviks, who did not want the KhPSR to have its own national armed forces, the Turkish officers were expelled by Safonov,

the representative of the RSFSR in Moscow, and the military school was closed (Zakiy Validi Tugon, 1997: 172).

In organizing the armed forces of the BPSR, the experience and skills of Turkish officers and Tatar military specialists, who were captured by the Russians in the First World War and later came to Turkestan, were used, and they were assigned responsible military positions. Despite the difficult conditions and restrictions, the leaders of the government of the BPSR tried to organize the army of the BPSR independent from the interests of the Turkestan Front and the RSFSR. However, the Center did not approve those efforts and for that reason several of the leaders of the republic were persecuted.

The Bolsheviks decided to use Tatar military experts to break the influence of Turkish prisoners of war in the region. In order to protect and strengthen the Soviet power in Turkestan, the military units sent from the Volga and Ural regions were used as military experts.

The main reason for that was that Tatars and Bashkirs, whose language and religion were similar to those of the local people of Turkestan, lived in those areas, and unlike Russian-speaking soldiers, they understood the language of the local population of Turkestan well. The troops of the Orenburg front, the Kazan national troop, the combat troop of the Samara communes, the Nizhegorod, Chelyabinsk troops, the 20th Moscow national regiment and other military units were mobilized for that work. Those military units were sent to Turkestan in the second half of July and the first half of August, 1918, to participate in the battles of the Caspian Front (Rasulov, 2005: 72). They also played a special role in providing the national military units being formed in Turkestan with appropriate personnel.

Although the first stage of the formation of the national military units of the Red Army by the Soviet authorities was very complicated and difficult, that stage ended with the formation of the following national military units:

Table

Name of the unit of the Red Army	The year of establishment	Location
Tashkent Red Guards Squad	January, 1918	Tashkent
Kokand Party Squad	January, 1918	Kokand
Tashkent National Troop of Commanders	January, 1918	Tashkent
I Tashkent National Red Army of Workers Battalion	June, 1918	Tashkent
Tashkent National Military Team	August, 1918	Tashkent
I Tashkent Independent National Battalion	September, 1918	Tashkent
III International 1-Footsoldier Battalion	February, 1919	Tashkent
I National Cavalry Regiment	March, 1919	Tashkent
III International 2-Footsoldier Battalion	May, 1919	Samarkand
Special Uzbek Battalion	August, 1919	Andijan

In the following years, the organization of the national units of the Red Army in the Turkestan ASSR was carried out on the basis of precise plans, and the results expected by the Soviet authorities were achieved. In that regard, propaganda work carried out by force among the Turkestan people played a big role. Besides, a number of decrees and decisions were adopted by the Soviet authorities in order to recruit the population of TASSR into military units. On May 7, 1920, according to order No. 228 of the Turkestan Front, TASSR Central Executive Committee (CEC) issued an order to recruit 30 000 people from the native population of Turkestan into the Red Army (NAUz. F. 17. Op. 1. C. 1038. P. 172). In addition, on June 31, 1920, an order was issued to recruit Turkestan population into the Red Army (NAUz. F. 39. O. 1. C. 257. P. 1). In the same year, the population of Turkestan began to be recruited into military service on the basis of compulsion.

This stage of the formation of national military units in Turkestan is characterized by the formation of the Bukhara People's Soviet Republic (BPSR) and Khorezm People's Soviet Republic (KhPSR), the organization and formation of their national military units by the government of both countries. Because the military units established by the governments of the BPSR and the KhPSR served as the basis for the formation of the national military units and structures of the UzSSR, which were formed after the national-territorial demarcation in Central Asia.

In conclusion, the participation of the Tatar-Bashkir military and intellectuals in the formation of the national armed forces in the Turkestan region had a special place, and in its turn, that issue was raised by a number of Tatar intellectuals in the national press of Turkestan as the main issue that should attract greater attention. In particular, the issue of establishing a national army of Turkestan autonomy and its maintenance was raised many times by Tatar intellectuals. Moreover, the participation and support of Turkish military experts in the formation of the national army was remarkable. In this process, due to the commonality of language, religion and culture, a number of positive results were achieved in the formation of the national army in the Turkestan region. Taking into account that the formation of national armed forces in the region would destroy the interests and influence of the Soviet government, Turkish military experts were expelled from the region.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

SOURCES

NAUz. F. 17. Op.1. F. 1038. L. 172.

NAUz. F. 39. Op.1. F. 257. L. 1.

Жу-бой. Бизда аскарлик масаласи. *Иштирокиюн* [Attendance]. 4 ноябрь, 1919 й.

Мусулмон солдати кунига ҳозирлик. *Улуғ Туркистон* [Great Turkestan]. 30-сон. 2 октябрь, 1917 йил.

Мухтор Бакир. Туркистон Мухториятини барпо бўлишига куч керак. *Улуғ Туркистон* [Great Turkestan]. 48-сон. 24 декабрь, 1917 йил.

Кичик хабарлар: мухторият аъзолари. *Улуғ Туркистон* [Great Turkestan]. 21 март, 1918 йил.

Туркистон Мухторияти ва туркистонликлар. *Улуғ Туркистон* [Great Turkestan]. 45-сон. 20 декабрь, 1917 йил.

Туркистон мухториятининг барпо бўлишига куч керак. *Улуғ Туркистон* [Great Turkestan]. 8 декабрь, 1917 йил.

REFERENCES

Andican Ahat (2003) *From Jadidism to independence: the struggle for Turkestan outside. First Edition.* Istanbul: Emre Publ. (In Turk.)

Azamhojaev S.S. (2000) *Turkestan autonomy: the experience of building a national-democratic statehood.* Tashkent: Spirituality Publ. (In Uzb.)

Girs O. *Report of the privy councilor Girs, auditor by the highest order of the Turkestan region. 1884.* URL: <http://oldbooks.ru/download> (accessed: 1.03.2024) (In Russ.)

Karimov N. (2013) *Literature and historical process.* Tashkent. (In Uzb.)

Madyarova S.M. (2010) *Turkiston Muxtoriyati tarixshunosligi.* Diss. Cand. Hist. Sciences. Tashkent. (In Uzb.)

Matkarimov M. (1993) *The Republic of Khorezm: state structure, rulers and economy.* Urgench. (In Uzb.)

Racı Çakıröz. (1987) Turkish officers in Turkestan (1914–1923). *Turkish World History Journal.* No. 9: 44–45. (In Turk.)

Rasulov A. (2005) *Relations between Turkestan and Volgaboyi, Uralaldi peoples (1917–1924).* Tashkent: University of Tashkent Publ. (In Uzb.)

Uzbekistan during the Soviet colonial period (2000). Book 2. Tashkent: Sharq Publ. (In Uzb.)

Zaky Validi Togon. Memories (1997). Tashkent: Adolat Publ. (In Uzb.)

ИСТОЧНИКИ

НАУз. Ф. 17. Соч.1. Ф. 1038. Л. 172.

НАУз. Ф. 39. Соч.1. Ф. 257. Л. 1.

Жу-бой. Бизда аскарлик масаласи // Иштирокиюн. 4 ноябрь, 1919 й.

Мусулмон солдати кунига ҳозирлик // Улуғ Туркистон. 30-сон. 2 октябрь, 1917 йил.

Мухтор Бакир. Туркистон Мухториятини барпо бўлишига куч керак // Улуғ Туркистон. 48-сон. 24 декабрь, 1917 йил.

Кичик хабарлар: мухторият аъзолари // Улуғ Туркистон, 21 март, 1918 йил.

Туркистон Мухторияти ва туркистонликлар // Улуғ Туркистон. 45-сон. 20 декабрь, 1917 йил.

Туркистон мухториятининг барпо бўлишига куч керак // Улуғ Туркистон. 8 декабрь 1917 йил.

ЛИТЕРАТУРА

Andican Ahat. *Cedidizm'den bağımsızlığa hariçte Türkistan mücadelesi.* Birinci Baski. Istanbul: Emre Yayinlari, 2003.

Raci Çakiröz. Türkistan'da Türk Subayları (1914–1923) // Turk Dunyasi Tarih Dergisi. N 9. 1987. S.44–45.

Аъзамхўжаев С.С. Туркистон мухторияти: Миллий-демократик давлатчилик қурилиши тажрибаси. Тошкент: Маънавият, 2000.

Гирс О. Отчет ревизующаго по высочайшему повелению Туркестанского край тайного советника Гирса. 1884. URL: <http://oldbooks.ru/download> (дата обращения: 1.03.2024).

Закий Валидий Тўгон. Хотиралар. Тошкент: Адолат, 1997.

Каримов Н. Адабиёт ва тарихий жараён. Тошкент: Мумтоз сўз, 2013.

Мадьярова С.М. Туркистон Мухторияти тарихшунослиги. Тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Тошкент, 2010.

Маткаримов М. Хоразм Республикаси: давлат тузилиши, нозирлари ва иқтисоди. Урганч, 1993.

Расулов А. Туркистон ва Волгабўйи, Уралолди халқлари ўртасидаги муносабатлар (1917–1924). Тошкент: Университет, 2005.

Ўзбекистоннинг янги тарихи. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. 2-китоб. Тошкент: Шарқ, 2000.

Сведения об авторе: Раджапов Эркин Ганиевич, PhD (история), Агентство инновационного развития при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан (100174, ул. Университетская, 7, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0008-6609-0383>; e-mail: rajabiy1986@gmail.com

About the author: Erkin G. Radjapov, PhD (History), Agency for Innovative Development under the Ministry of Higher education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan (7 University St., Tashkent 100174, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0008-6609-0383>; e-mail: rajabiy1986@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 18.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 9.01.2025

Принята к публикации / Accepted 23.01.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.46-55>

EDN: IMXBJE

Театральное движение в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.

У.У. Тожибоев

Ферганский государственный университет

Фергана, Республика Узбекистан

utojiboyev1991@gmail.com

Резюме. В статье проанализированы существовавшие в доимперский и в ранний период российской империи национальные формы театрального искусства в Туркестане. Автор показывает суть существовавшего в крае народного юмористического искусства и клоунады и то как театральные традиции менялись под влиянием внешних факторов.

Автор раскрывает богатые, многовековые традиции народного театра в Туркестане. Доказывается, что после завоевания региона российской империей во всех его областях происходит много изменений, направленных на продвижение интересов новой власти. Эта политика заключалась в распространении европейской, русской музыки и театрального искусства. Одновременно в Туркестан начинают приезжать на гастроли татарские и азербайджанские театры, артисты. Они показывают постановки, обмениваются опытом с местными театральными деятелями. В статье приводятся сведения о репертуаре приезжих и местных театральных трупп.

В работе особое внимание уделяется роли джадидов в становлении прогрессивного театра в Туркестане. Передовая национальная интеллигенция осваивала новые идеи в культуре, меняла местное общество. Показано значение театрального искусства для общественно-политической жизни Туркестана, раскрыто становление узбекского джадидского театра, обозначены этапы становления европейского театрального искусства в регионе.

Делается заключение о том, что создание профессиональных театров в Туркестане в конце XIX – начале XX вв. сопровождалось государственной политикой по урегулированию их деятельности. Рассмотрено отношение к театру представителей местного населения, правительства российской империи и Туркестанского областного управления охраны.

Ключевые слова: традиционный театр, джадидский театр, профессиональный театр, театральная труппа, драматургия, юмористическое искусство, клоунада.

Для цитирования: Тожибоев У.У. Театральное движение в Туркестане в конце XIX – начале XX вв. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 46–55. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.46-55> EDN: IMXBJE

Theater movement in Turkestan in late 19th – early 20th centuries

U.U. Tojiboyev

Ferghana State University

Ferghana, Republic of Uzbekistan

utojiboyev1991@gmail.com

Abstract. The article analyzes the national forms of theatrical art that existed in Turkestan in the pre-imperial and early period of the Russian Empire. The author shows the essence of the folk humorous art and clownery that existed in the region and points out how theatrical traditions changed under the influence of external factors.

Rich, centuries-old traditions of folk theater in Turkestan have been presented. It is proved that after the conquest of the region by the Russian Empire, many changes took place in all its regions and were aimed at promoting the interests of the new government. This policy consisted in promoting European, Russian music and theatrical art. At the same time, Tatar and Azerbaijani theaters and artists began to come to Turkestan on tour, showed productions, and exchanged experience with local theater figures. Information about the repertoire of visiting and local theater troupes have been provided.

The paper draws particular attention to the role of the Jadids in the formation of progressive theater in Turkestan. The advanced national intelligentsia mastered new ideas in culture and changed the local society. The paper demonstrates the importance of theatrical art for the socio-political life of Turkestan, reveals the formation of the Uzbek Jadid theater, and outlines the stages of the European theatrical art formation in the region. It is concluded that the creation of professional theaters in Turkestan in late 19th – early 20th centuries was accompanied by state policy on regulating their activities. The attitude of representatives of the local population, the government of the Russian Empire, and the Turkestan Regional Security Department to the theater have been discussed.

Keywords: traditional theater, Jadid theater, professional theater, theater troupe, dramaturgy, humorous art, clowning.

For citation: Tojiboyev U.U. (2025). Theater movement in Turkestan in late 19th – early 20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 46–55. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.46-55> (In Russ.)

Развитие театрального искусства в Средней Азии – это история юмористического искусства и клоунады. Национальная драматургия до появления образцов джадидской литературы состояла только из устных драматических произведений, исполнявшихся клоунами и юмористами (Рахмонов, 1968: 46). Понятие народного узбекского театра включает в себя элементы представлений и подражаний, связанных с бытом народа и культурной жизнью, юмористическим искусством, клоунадой, кукольным театром, формировавшихся на протяжении многих столетий. По данным исторических источников и мнений искусствоведов, юмористическое искусство и клоунада существовали на территории Туркестана с древнейших времён и на протяжении веков считались частью культурной жизни населения. Клоуны и юмористы придумывали многочисленные выступления по мотивам народного фольклора и неизменно с творче-

ским вариациями. Из-за того, что произведения сохранялись лишь в устной форме, многие из них со временем и смены поколений исполнителей оказались подзабытыми или исчезли совсем. Лишь в начале XX в. начинаются специальные исследования по изучению народных произведений, жизни и творчества их исполнителей (Турсунов, 2010: 16).

Узбекский театр и устная драматургия были направлены в первую очередь на развлечение зрителей, исполнитель мог поднимать настроение всевозможными приемами. В Туркестане до начала XX в. юмористы-музыканты использовали специальную одежду. Кокандский юморист Ака Бухор Закиров во время своих смешных выступлений носил костюм с длинными рукавами, с которого свисал звериный хвост. В XIX в. в Коканде и Бухаре регулярно проводились представления с участием клоунов, танцоров, музыкантов в образах обезьян (Умаров, 2009: 12).

Большой интерес к театральному искусству проявляли местные чиновники. Так, в последние годы правления Худояр-хана, т. е. в то время, когда Коканское ханство было подчинено Российской империи, в ханском дворце работал талантливый актер по имени Закирджон. В одном из представлений он посредством сценического выступления раскрыл тайны местного чиновника Шайхулислама. После этого хан освободил чиновника от должности и посадил в тюрьму. Худояр Хан очень любил актера и всячески способствовал его выступлениям. Однажды правитель попросил Закирджона показать себя (то есть Худояр-хана) на сцене. Закирджон испугался этой просьбы и попросил хана выдать ему письменную справку об обеспечении личной безопасности. Закирджон показал сценку с ханом и вызвал гнев правителя. Хан рассердился на него и выгнал из дворца, не сдержав своего обещания. Имущество Закирджона было конфисковано, а его деятельность подверглась жёсткой критике. Актер навсегда покинул дворец (Остроумов, 1896: 71).

В каждом городе Туркестана имелись специальные площадки для представлений и гуляний. В Коканде таким местом было Катта Чарсу. На этой огромной площади размером более трёх тысяч квадратных метров могло разместиться от десяти до пятнадцати тысяч зрителей. Чорсу всегда был полон людьми. В одном углу площади устанавливалась небольшая палатка, покрытая специальной тканью, где переодевались и гримировались актеры. По обе стороны площади в чайханах размещались музыканты, певцы и танцоры. Представление начиналось с репетиции музыкантов, которыми управлял дирижер. На арену выходили певцы, затем выступали юмористы-*аскиячи*. После этого наступала очередь танцоров. В конце показывались кукольные или театральные представления. Такие представления иногда по приказу хана устраивались и вокруг ханской Урды. На ее западной стороне была большая площадь для зрелищ. Вокруг площади устанавливались сотни палаток, развешивались тысячи фонарей, а посередине крутилась карусель. К таким массовым представлениям привлекались самые профессиональные артисты, актеры, музыканты, танцоры, певцы, высту-

пления проводились по специально определенному порядку. Такие гуляния могли длиться пять-шесть дней (Умаров, 2009: 171).

Большое оживление на рынках происходило во время Рамадана. Певцы (*хофиз*), проповедники (*маддох*) и смехачи (*аскиячи*) садились в разных местах рынков Ташкента и собирали вокруг себя людей, желающих послушать песни, религиозные рассказы и «неприличные» слова. В чайных домиках (*чайхана*) толпы людей пили чай под громкое пение и звуки музыкальных инструментов. Там сидели маленькие дети (*бача*). Фокусники и акробаты демонстрировали свое мастерство на специальных подставках. На этих же сценах проходили представления с участием кукол. Театральные представления затрагивали самые разные темы. В частности, на них описывались парады русских воинских частей, жизнь русских военачальников, сановников и ханов 1870–1880-х годов. После актеров на сцену выходили танцоры. Иногда в начале спектакля или в конце можно было наблюдать за выступлениями кукольников (Остроумовъ, 1896: 68). После падения Кокандского ханства действовавшая во дворце труппа и ее актеры – музыканты, танцоры, певцы – разбились на небольшие группы и разбрелись по разным местам.

Весьма интересны сведения русских этнографов В.Наливкина и М.Наливкиной о том, что в 1884 г., то есть после прихода Российской империи в Туркестан, в караван-сарае Намангана было поставлено несколько спектаклей женской труппой. На представлении было много женщин. К сожалению, в документах не упоминается название постановки, репертуар и имена исполнителей, но известно, что выступление женщин в городском караван-сарае собрало около тысячи зрителей. В пятом номере 12 тома журнала «Всемирная иллюстрация» за 1874 г. была опубликована важная заметка об одной из самаркандских актрис Курбанханум. Эта женщина, обладающая большим талантом, была известна на весь Туркестан пением и танцами. С конца XIX в. Курбан-хан начала выступать вместе с русскими артистами. В журнале отмечена высокая оценка современников творчества Курбанханум (Умаров, 2009: 180).

После завоевания Туркестана Российской империей во всех его областях произошло много изменений, направленных на продвижение интересов новой власти на этой территории. Для удовлетворения духовных и культурных запросов русского населения и военных, прибывших в Туркестан, на гастроли часто приезжали театральные коллективы, известные певцы и музыканты из Европы, России и Кавказа. Основанное в 1884 г. общество «Туркестанское музыкально-театральное общество» посвятило всю свою деятельность продвижению новой культуры, сыграв тем самым важную роль в распространении европейской, русской музыки и театрального искусства в Средней Азии (Жабборов А. и др., 2018: 14). Работа по строительству новых культурно-образовательных и развлекательных объектов, расположенных в новой части Ташкента, тщательно контролировалась чиновниками. В городе велась активная реклама русской культуры.

Прогрессивная национальная интеллигенция второй половина XIX в. начинает осознавать, что общественная и политическая жизнь народов Туркестана отстает от мира. Ее представители выбирают знание как единственный способ избавления от отсталости. Одним из важных направлений просветительской деятельности джадидов стало театральное искусство. Это стало временем становления нового узбекского театра в Туркестане. Джадиды, видевшие в просвещении спасение нации, понимали значение театра в пропаганде прогрессивных взглядов. Кроме того, деньги, получаемые от театральных представлений, были нужны для обеспечения необходимыми учебными материалами «новометодных» школ, закрывавшихся из-за финансовых трудностей (Ризаев, 1997: 84).

Узбекский народный и джадидский театры имели как общее, так и особенное. Разница в идейно-эстетических особенностях народного и джадидского театров была очень большая, можно даже сказать, революционная (Турсунов, 2010: 19). Джадидский театр формировался по-новому, в результате влияния европейских народов и представлений джадидов. Но большинство джадидских пьес, особенно комедийных, было написано на основе народных произведений. В народном театре клоуны и юмористы были одновременно авторами, постановщиками и исполнителями, те же задачи выполняли актёры джадидского театра на первом этапе его становления. Некоторые представители народного театра непосредственно участвовали в формировании нового узбекского театра европейского образца (например, театральные труппы Коканда и Хорезма). На этапе основного развития узбекского театра джадидские драматурги изучили и творчески освоили русскую, азербайджанскую, татарскую и европейскую театральные формы, начавшие проникать в Туркестан в 70-е гг. XIX века (Ризаев, 1997: 21). Народный театр оказал определенное влияние на формирование современного узбекского театра и драматургии. Он внёс уникальный вклад в его развитие, закрепление достижений.

В начале XX в. туркестанские джадиды начали активно выезжать в зарубежные страны. Поэтому идеи просветительства они стали получать не только через русских просветителей, но и на основе собственного изучения опыта других стран мира. Общась с передовой интеллигенцией зарубежных государств джадиды осваивали прогрессивные идеи в области образования, театра, печати, музыки, драматургии. Особое значение имели идеи процветания, верности отечеству и просвещению.

В конце XIX – начале XX вв., во время становления в Туркестане нового узбекского профессионального театра, перехода театрального искусства от традиционного состояния к новому, современному облику большое значение имело появление в регионе артистов русского театра. Изначально они приехали в край для культурного развлечения переселившихся русских дворян. На первом этапе существовало 4 сцены для постановки спектаклей и концертов: на военных и массовых собраниях, а также в зимнем и летнем театрах (Гейер, 1909:

55). Фактически русский театр какое-то время развивался под влиянием европейского театра, а затем приобрел собственные традиции и уникальный стиль.

Большую роль в распространении европейского театра в Туркестанском крае сыграли татарские театральные труппы. Вместе с ними в гастрольях участвовали певцы. В 1913 г. татарский певец Мухаммад Камиль аль-Мутъей Тухфатулин посетил с концертами многие города Туркестана (Расулов и др. 2019: 85). Культурные связи расширились после строительства железной дороги (Рахмонов, 1959: 59).

Значимый вклад в распространение европейского театра и драматургии в Туркестане внесла азербайджанская интеллигенция. В ноябре-декабре 1911 г. в Самарканде гастролировали азербайджанские артисты. 29 декабря они показали спектакли по произведению Ф.Охундова «Ходжи черный» и Н.Везирова «Сбегающая от дождя под ливень», «Мусибати Фахриддин» (Рахмонов, 1968: 269).

Пунктами назначения театральных трупп, приезжавших в Туркменистан с гастрольями в конце XIX – начале XX вв., были Ташкент, Самарканд, Коканд. В городах, где много гастролировали русские, татарские и азербайджанские театры, рос интерес к европейскому театру.

Помимо профессиональных театральных коллективов, развивалась деятельность художественных самодеятельных коллективов европейского типа, состоящих преимущественно из представителей местного населения. Большое значение для них имело взаимодействие с татарскими театральными труппами. Так, татарская артистка Ф.Ильская, активно сотрудничая с местными самодеятельными труппами, смогла 21 мая 1918 г. поставить спектакль по произведениям Аяза Исхаки «Учительница» и «Жена на час», созданного с местной самодеятельной труппой в ауле Казали. Представление было восторженно встречено публикой. Средства, полученные от совместно поставленных спектаклей, были потрачены на дальнейшее развитие культурно-просветительской деятельности.

Обычно театральные представления устраивались в честь главных мусульманских праздников (Расулов и др. 2019: 90), а полученные средства нередко тратились на поддержку мусульман. Приведем на этот счет информацию, предоставленную тайным агентом ТРОО Салобатиным 10 июля 1914 г.: «Редактор газеты «Садои Туркестан» Убайдулла Ходжаев всячески стремится поднять уровень грамотности среди мусульман. Его ближайшим соратником является Мунаввар Кори Абдурашидханов. Мунаввар Кори был секретарем общества «Ёрдам» («Помощь») и два месяца назад провел мусульманский вечер в «Колизее» и собрал 3–4 тысячи сумов. В этот мусульманский вечер Убайдуллою Ходжаевым и Мунавваром Кори певцу Тухватуллину был вручен адрес, в котором были отмечены его заслуги перед мусульманским населением» (НА РУз. Ф. I–461. Оп. 1. Д. 1470).

В последующие годы наблюдалась активная деятельность самодеятельных коллективов. Так, только в Ташкентской области в 1925 г. любительскими театрами было поставлено 376 спектаклей и концертов, в которых приняли уча-

ствие 15898 человек. Самодеятельные коллективы европейского типа обращались к различным жанрам: драматическим и музыкальным спектаклям, музыкально-танцевальным композициям, вечерам выразительного чтения (Багдасаров, 1988: 9). Большинство произведений, поставленных в любительских театрах европейского типа, носили пропагандистский характер и адаптировались к духу времени. Подобные театральные представления регулярно освещались в периодической печати.

Создание профессиональных театров сопровождалось политикой по урегулированию их деятельности. Большое внимание стало уделяться организационным вопросам и качеству сценических произведений. Так, на директора театра имени Свердлова были возложены следующие задачи:

1. Директор театра обязан контролировать целостность и сохранность здания и немедленно устранять все обнаруженные им дефекты, контролировать мелкий ремонт и чистоту зданий, своевременно обеспечивать их отопительными печами.

2. На директора театра возлагается контроль за правильной и безупречной работой билетеров и контролеров для обеспечения бронирования мест для должностных лиц. Те, у кого есть соответствующие постоянные билеты и свободные места (не проданные в кассе театра), должны быть свободны и не заняты публикой, купившей более дешевые билеты, зрители допускаются только контролером. Разрешение на постоянное посещение или заказы на билеты принимаются только через него (НА РУз. Ф. Р-2062. Оп. 1. Д. 159). Также направляются заявления директору театра с требованием немедленной выплаты зарплат оперным труппам. В то же время даются просьбы и указания для тех, кто считает, что некоторые участники оперы могут не появиться в «настоящем» спектакле «Русалки». Те, кто нарушат правила во второй раз в процессе работы, будут немедленно исключены из труппы. Товарищи, не пришедшие без причины на спектакль или сцену, предупреждаются, что если они не придут на спектакль в первый раз, то будут оштрафованы в размере половины месячного заработка. Всем, кто угрожал увольнением, хочу сообщить, что каждому, кто не желает работать в оперном театре, предоставляется право уволиться в любой момент. Я возлагаю ответственность на режиссеров и дирижеров за тщательное выполнение членами коллектива своих обязанностей (НА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1521).

6 июня 1914 г. в городе Андижан местной сартской самодеятельной молодёжью был организован развлекательный вечер, на котором была показана написанная на сартском языке пьеса Махмудхаджи Бехбуди «Падаркуш» («Отцеубийца»). Пьеса была глубоко поучительна по своему содержанию. На организацию вечера было получено разрешение местных русских властей (Акбарова, Иминов, 2019: 63). Спектакль прошёл успешно. Как пишут в 20-м номере газеты «Садои Фергана», выручка от представления составила 1 500 сумов, часть их была передана на нужды строящейся женской гимназии в Андижане. Хотя первая узбекская драма «Махрамлар» была анонсирована Абдулрауфом Шахи-

ди в Намангане около года назад по хронологии, Бехбуди вошел в историю как пионер в театральном искусстве Узбекистана. Спектакль «Падаркуш» был поставлен на сценах Бухары, Коканда, Андижана, Намангана, Каттакургана. Он оказал сильное влияние на общественность, особенно на молодежь, которая начинала заниматься литературным творчеством. Так, узбекский писатель Абдулла Кадири, отмечал: «Я и сам не заметил, что написал театральную книгу «Неудачливый жених» под влиянием пьесы «Падаркуш», вышедшей в 1913 году». Известный востоковед академик А.Н. Смылов, приехавший в Ташкент в 1916 г., увидев спектакль «Мертвые» по пьесе Авлони Джаилия Мамадкулизода, пишет статью «Драматическая литература сартов». В ней он анализирует драму «Падаркуш», произведения «Свадьба» Нусратуллы Кудратуллы, «Бахтсиз Куёв» А.Кадири, «Ахлок», «Джувонмарг» Абдуллы Бадрий, «Мак», «Старая школа – новая школа» Хаджи Муин и приходит к выводу о том, что в Туркестане появилась новая литература (Каримов, Шамсутдинов, 1995: 120).

Стоит подчеркнуть, что творческий процесс в театрах проходил не всегда гладко. В него нередко вмешивались представители государственной власти и религиозные деятели. Искусствовед Миршохид Мирокилов рассказывает следующую историю: «После революции общество «Шораи Исламия» окрепло и стало всех критиковать. В частности, после того, как мы выступали с группой артистов (52 человека) в андижанском гузаре Орзугулбек, когда мы репетировали в месте под названием Мавлано Шохасан, домолы, эшаны и священники ворвались в то место, где мы сидели, и сломали инструменты. Все артисты сбежали. После этого мы были вынуждены ходить по деревням. Но им также дали задание преследовать нас. После этого мы простаивали 4 года. Тем временем к нам присоединился Юсуфджон кизик. Его также выслали из Маргилана. Каждый из нас (52 человека) скинулись по 1 сум и собрали 52 сума, чтобы пройти к руководителю организации «Шураи Исламия», Мамаджон Кори, братья Арифджон и Юсуфджон отправились в чайхану с корзиной хлеба и двумя пакетами мяса. Они пошли к нему и сказали, что все мы, бедные люди, зарабатываем на жизнь своими музыкальными инструментами и выступлениями, и мы страдаем уже 4 месяца, поэтому, если возможно, нам нужно разрешить заниматься своей профессией. Но руководитель ответил, что у всех мастеров есть наставник, а у тебя его нет, поэтому тебе нельзя, нужно найти себе мастера и работать» (НА РУз. Ф. Р–2454. Оп. 1. Д. 199).

Первой узбекской театральной труппой стал «Турон» (НА РУз. Ф. Р–34. Оп. 1. Д. 1521). После Октябрьской революции 1917 г. труппа получила статус государственного театра. Его художественным руководителем и директором стал Маннон Уйгур (Ражабов, 2023: 60).

История театрального искусства конца XIX – начала XX вв. в Туркестане и узбекского театра, в частности, характеризуется своеобразным развитием. На эту особенность повлияли джаиды, которые осознавали роль культуры, искусства в просвещении и развитии жизни общества, в духовном воспитании его членов. Особую роль в становлении театра в крае сыграли татарские и азербай-

джанские артисты и просветители. Российская империя постепенно начинает осознавать опасность их деятельности и проводит политику, направленную на уничтожение проявлений национальной культуры, «удерживая народные массы в отсталости» (Вахидов, 1959: 8). Очевидно, что в становлении и развитии современного театра в Туркестане неопределима роль национальной интеллигенции, особенно джадидов.

ИСТОЧНИКИ

- НА РУз. Ф. Р-2062. Оп. 1. Д. 159.
НА РУз. Ф. I-461. Оп. 1. Д. 1470.
НА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1521.
НА РУз. Ф. Р-2454. Оп. 1. Д. 199.

ЛИТЕРАТУРА

- Акбарова М., Иминов Ж. Падаркуш пьесасида рол ўйнаган Акбар Ўрозалиевнинг такдири // Водийнома. 2019. № 2(13). 59–63.
- Багдасаров Ю. Самодеятельный театр Узбекистана(60–70-е годы). Ташкент: Наука, 1988.
- Бартольд В.В. История культуры Туркестана. Ленинград: АН СССР, 1927.
- Воҳидов Ҳ. Фурқат ва Муқимийнинг ижтимоий-сиёсий қарашлари. Тошкент: Ўзбекистон ССР давлат нашриёти, 1959.
- Гейер И.И. Туркестан. Ташкент: Типография Туркестанского Т-ва печатного дела, 1909.
- Жабборов А., Бегматов С., Азамова М. Ўзбек мусиқаси тарихи. Тошкент: Фан ва технология, 2018.
- Остроумовъ Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент: Типо-литография. Ф.п. Г. Бр. Каменские, 1896.
- Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти тарихи. Тошкент: Фан, 2023.
- Расулов А., Исоқбоев А., Насретдинова Д. Туркистон ижтимоий-сиёсий, маданий ҳаётида татарлар. Тошкент: Турон-Иқбол, 2019.
- Рахмонов М. Ўзбек театри тарихи(18–20 асрлар). Тошкент: Ўздавнашр, 1968.
- Рахмонов М. Хамза Хакимзода Ниёзий ва ўзбек совет театри. Ташкент: Ўздавнашр, 1959.
- Ризаев Ш. Жадид драмаси. Тошкент: Шарқ, 1997.
- Турсунов Т. XX аср ўзбек театри тарихи. Дарслик-монография. Тошкент: ART PRESS, 2010.
- Умаров М. Эстрада ва оммавий томошалар тарихи. Тошкент: Янги аср авлоди, 2009.
- Шамсутдинов Р., Каримов Ш. Туркистон русиё босқини даврида. Андижон: Мерос, 1995.

REFERENCES

- Akbarova M., Iminov J. (2019) The fate of Akbar Orozaliev who starred in Padarkush play. *Vodijnoma* [Valley]. No. 2 (13): 59–63. (In Uzb.)
- Bartold V.V. (1927) *History of culture of Turkestan*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Bagdasarov Y. (1988) *Amateur Theatre of Uzbekistan (60–70s)*. Tashkent: Science Publ. (In Russ.)

- Geyer I.I. (1909) *Turkestan*. Tashkent: Printing house of the Turkestan Printing Industry. (In Russ.)
- Jabborov A., Begmatov S., Azamova M. (2018) *History of Uzbek music*. Tashkent: Science and Technology Publ. (In Uzb.)
- Ostroumov N.P. (1896) *Sarts. Ethnographic materials*. Tashkent: Typolithography. F.p. G. Kamensky Br. (In Russ.)
- Rakhmanov M. (1968) *History of the Uzbek theater (18th–20th centuries)*. Tashkent: Ûzdav Publ. (In Uzb.)
- Rasulov A., Isoqboev A., Nasretdinova D. (2019) *Tatars in the socio-political and cultural life of Turkestan*. Tashkent: Turon-Iqbal Publ. (In Uzb.)
- Rizayev Sh.T. (1997) *Jadid drama*. Tashkent: Sharq Publ. (In Uzb.)
- Rakhmonov M. (1959) *Khamza Khakimzoda Niyazi and the Uzbek Soviet theater*. Tashkent: Ûzdav Publ. (In Uzb.)
- Rajabov K. (2023) *History of Turkestan Autonomy*. Tashkent: Science Publ. (In Uzb.)
- Tursunov T. (2010) *History of the Uzbek theater of the 20th century*. Textbook-monography. Tashkent: ART PRESS Publ. (In Uzb.)
- Umarov M. (2009) *History of pop and mass entertainment*. Tashkent: New Century Generation Publ. (In Uzb.)
- Shamsutdinov R., Karimov Sh. (1995) *Turkestan during the Russian occupation*. Andijan: Heritage Publ. (In Uzb.)
- Vokhidov H. (1959) *Socio-political views of Furkat and Mukimi*. Tashkent: Uzbek SSR State Publishing House, 1959. (In Uzb.)

Сведения об авторе: Тожибоев Умиджон Усмонжон угли, докторант по специальности «История Узбекистана», Ферганский государственный университет (712000, ул. Мураббийлар, 19, Фергана, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0000-0003-2824-1618>; e-mail: utojiboyev1991@gmail.com

About the author: Umidjon U. Tojiboyev, PhD student (History of Uzbekistan), Fergana State University (19 Murabbiylar St., Fergana 712000, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0000-0003-2824-1618>; e-mail: utojiboyev1991@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 17.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.11.2024

Принята к публикации / Accepted 13.01.2025

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СССР**ETHNIC FACTOR IN THE USSR**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66>

EDN: IVAZFE

**Национально-государственное строительство
и его воздействие на формирование
национального состава Узбекской ССР**

К.Д. Саипова

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Республика Узбекистан
kamola_nuz@rambler.ru*

Резюме. Статья посвящена исследованию влияния кадровой политики советской власти в Центральной Азии на формирование национального состава Узбекской ССР. Автор на основе анализа архивных источников, статистических данных и фундаментальных работ приходит к выводу о том, что в процессе делимитации – территориально-административного деления, осуществлявшегося центральным правительством СССР в 1920–1930-е гг., не учитывались исторические, географические, социально-экономические характеристики коренных народов региона. Автор проанализировала демографическую динамику притока представителей некоренных этнических групп в Узбекскую ССР в ходе экономической модернизации республики и советского национально-государственного строительства. Работа дает представление о различающихся интерпретациях миграционных процессов в Узбекской ССР: дискурс советского союзного правительства формировался из оптики необходимости форсированной индустриализации региона, что требовало значительного насыщения местного рынка труда кадрами для промышленности. Интеграция Узбекской ССР в общесоюзное политическое пространство осуществлялась с опорой на идею о преодолении тяжелого имперского колониального наследия и «ликвидацию социального неравенства», в том числе и в Узбекской ССР.

Ключевые слова: национальные кадры, промышленность, добровольно-стихийная миграция, национально-государственное строительство, трудовые ресурсы.

Для цитирования: Саипова К.Д. Национально-государственное строительство и его воздействие на формирование национального состава Узбекской ССР. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66> EDN: IVAZFE

National-state construction and its impact on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic

K.D. Saipova

Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

Tashkent, Republic of Uzbekistan

kamola_nuz@rambler.ru

Abstract. The article focuses on studying the influence of employment policy of the Soviet regime in Central Asia on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic (SSR). Based on archival sources, statistical data and fundamental works, the author concludes that the delimitation process was carried out on the basis of a narrow approach, while very little attention was paid to the historical, geographical, socio-economic characteristics of the peoples of the region. The paper outlines differing interpretations of migration processes in the Uzbek SSR: discourse of the Soviet Union government had been formed driven by the optics of the need to carry out forced industrialization of the region, which required saturating the local labor market with personnel for the industry. Integration of the Uzbek SSR into the all-Union political space was carried out based on the idea of overcoming the heavy colonial legacy and implementing the course of “eliminating actual inequality”, including in the Uzbek SSR.

Keywords: national personnel, industry, voluntary and spontaneous migration, national-state construction, labor resources.

For citation: Saipova K.D. (2025). National-state construction and its impact on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66> (In Russ.)

С приходом советской власти, в Центральной Азии было образовано несколько «национальных государств», в том числе и Узбекская ССР. Вопрос о создании советской модели национальной государственности среднеазиатских народов, являлся достаточно проблемным ввиду сложности этнического состава территорий Центральной Азии. Деление на «национальные квартиры» требовало всестороннего изучения этнического и социального состава народов, проживавших на ее территории. Пестрота национального состава, различный уровень их социально-экономического развития, национальная ограниченность отдельных групп и низкий уровень доверия между ними создавали трудности в разрешении национального вопроса в Туркестане начала 1920-х годов. Процесс формирования новых территориально-административных границ осуществлялся на основе узкого административного подхода, при котором игнорировались исторические, географические, социально-экономические характеристики народов региона. В результате были допущены ошибки, которые в будущем привели к проблемам в приграничных ареалах созданных советским правительством республик.

Как писал И. Варейкис: «Размежевание является межнациональной и национальной проблемой Средней Азии на участке наиболее сложнейшей и запу-

танной в национальном отношении» (Варейкис, 1924: 41). По указу центрального советского правительства III Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР 15 сентября 1924 года приняла закон о проведении национально-государственного размежевания. Согласно закону, территория нынешнего Узбекистана была разделена между Туркестанской АССР, Бухарской Народной Советской Республикой (БНСР) и Хорезмской Народной Советской Республикой (ХНСР). Все регионы были чрезвычайно разнообразны с этнической точки зрения и не имели экономически и социально централизованной системной экономики. Созданная территориальная комиссия вела активно пропагандистскую работу, по регионам был определен национальный состав населения, составлен каталог этнического происхождения населения (этногенез), проживавшего на этих территориях (Жумаханов, 2020: 8).

Необходимо отметить, к 1926 г. в Узбекской ССР проживало более 65 различных народностей (Турсунов, 1957: 121–122), более 383 тыс. представителей национальных меньшинств; в процентном соотношении они составляли – 8,6% от общей численности населения республики. Следует отметить и то, что доля прибывших в Узбекистан за 1924–1925 годы национальных меньшинств, то есть до переписи населения 1926 года, составила свыше 34,6%. Это ещё раз подтверждает факт повышения потока мигрантов в Узбекистан на начальном этапе становления советской системы на всём Центрально-азиатском пространстве (Ата-Мирзаев, 2011:18).

Этнический состав был представлен достаточно широко: русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы, евреи, мордва, татары, грузины, армяне, арабы, осетины и другие (Прилуцкий, 1991: 11). Их численность по данным Всесоюзной переписи 1926 г. представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Национальный состав Узбекистана
по данным Всесоюзной переписи 1926 года***

Нации	Тыс. чел	%
Все население	5267,7	100,00
Из них:		
русские	246,5	4,7
уйгуры	31,9	0,6
татары	25,4	0,5
украинцы	25,8	0,5
арабы	28,0	0,5
туркмены	25,9	0,5
турки	22,5	0,4
европейские евреи	19,7	0,4
среднеазиатские евреи	18,2	0,3
армяне	15,0	0,3
иранцы	9,8	0,2
кашгарцы	9,2	0,2

немцы	4,4	0,1
белорусы	4,6	0,1
цыгане	3,5	0,1
поляки	3,7	0,1
молдаване	1,8	0,03
другие	15,2	0,29

* Составлено по: (Всесоюзная перепись..., 1928: 8–9).

Необходимо отметить, что результаты работы по делимитации, проведенной в 20–30 годы XX века, имели неоднозначные последствия. С одной стороны, были созданы предпосылки для самостоятельного формирования и развития узбекской, казахской, киргизской, каракалпакской, таджикской, туркменской государственности в форме федерации. Но в то же время части коренных народов оказались в статусе этнических меньшинств на территориях, вошедших в состав других национальных советских республик. К примеру, сотни тысяч узбеков оказались на территориях, отошедших к Казахстану, Таджикистану и Киргизии, казахи – в Узбекистане, Киргизии и Туркмении и в других республиках. Будучи коренными народами на своей родине в Туркестане и представляя собой определенную историческую общность, они оказались ирредентами, т.е. перестали быть титульной нацией. Наряду с этим, плодороднейшая Ферганская долина была разделена между тремя республиками, что привело к экономической дезинтеграции. Кроме того, в некоторых кишлаках и аулах, входящих в состав многих районов Узбекистана, проживали казахи и киргизы. Был поднят вопрос об объединении этих кишлаков и аулов в составе Киргизской (Казахской) Республики. В городах Чимкент, Туркестан, Авлиё-ота (Джамбул) и Сайрам в основном проживали узбеки, а в близлежащих к ним кишлаках – казахи, поэтому состоялись дискуссии по вопросу о включении этих кишлаков в состав Казахстана (Аскарлов, 2018: 517).

Следует подчеркнуть и то, что 82% всех узбеков, проживающих на территории бывшей Российской империи, были включены в состав Узбекистана, а 75,2% всех таджиков – в состав Таджикистана. Таким образом, количество этнических групп на территориях новых республик увеличилось из-за ошибок при территориальном размежевании. Так, к примеру, в 1926 г. Ходжент сначала входил в состав Узбекистана, а затем перешел Таджикистану, в результате чего доля таджиков при проведении переписи населения названного года была высока.

Для объективности важно отметить и положительные стороны территориального размежевания. Во-первых, активизировался процесс региональной экономической интеграции, в результате которой каждая нация объединилась в территориальные производственные комплексы. Во-вторых, на основе экономических характеристик каждой нации была сформирована региональная специализация.

Миграции происходили в результате притока сезонных сельскохозяйственных кадров. К примеру, по материалам сельскохозяйственной переписи

1926 г., значительным оказался приток сезонных рабочих-уйгуров (Полян, 2001: 239). Так, приток уйгуров составлял 40 тыс. человек (Исхаков, 1980: 75). В дальнейшем, начиная с 1927 г., китайские власти стали закрывать границу для перехода уйгуров в Среднюю Азию. В 1927 г. мигрировало всего около 6 тыс. сезонников-уйгуров. В 1928 г. граница была закрыта, а в 1929 г. уйгурам вновь было разрешено приезжать на сезонную работу в Среднюю Азию (Хайназаров, 2011: 14–15). Было очевидно, что на изменение численности уйгурского населения оказало влияние уменьшение числа сезонников.

Насколько пестрым был национальный состав республики видно из того, что в одной Самаркандской области, кроме узбеков, таджиков, казахов, каракиргизов, туркмен в области проживали русские, украинцы, белорусы, латыши, поляки, немцы, мадьяры, цыгане, армяне, евреи, индусы, арабы, дунгане, мордва, южные и западные славяне и другие национальности (Варейкис, 1924: 47).

В период между Всесоюзными переписями 1926–1939 гг. произошли существенные изменения в численности и национальном составе Узбекистана. Здесь необходимо указать и на изменения, связанные с передачей территорий из одной республики в другую. Так, в мае 1929 г. был рассмотрен вопрос о передаче Ходженского округа Таджикской АССР. В результате численность населения последней возросла до 1 156 015 чел., из них 78% – таджиков. В октябре этого же года ее преобразовали в союзную республику, и она вышла из состава Узбекистана (Ата-Мирзаев, 2011: 95).

Что же касается Каракалпакской автономной области, то с 1930 г. она входила непосредственно в Российскую Федерацию, а в 1932 г. область получила статус автономной республики, и в конце 1936 г. вошла в состав Узбекской ССР. В дальнейшем и в 1939, и в 1956 гг. продолжалась практика передачи земель.

В 1920-е годы в результате национально-территориального размежевания и с началом проведения индустриализации в Узбекской ССР, участились стихийные миграции в республику из Белорусской ССР, Украинской ССР и Закавказской СФСР. В основном, это были русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, осетины, армяне, грузины, лезгины и другие (Алламуратов, 1980: 15).

К началу 1925 г. Узбекистан располагал 21 отраслью промышленности со 118 предприятиями, к 1928 г. – 35 отраслями со 166 предприятиями (Буранов, 2015: 32). В 1926–1927 гг. в целях ускоренного становления в республике промышленности Узбекистану был передан ряд текстильных фабрик (Венюковская, Зарайская и Борисо-Лопатинская фабрики) (Абраров, 2010: 176).

В целом же, если оценивать миграционные процессы в СССР, то можно заметить, что они складывались под сильным влиянием административных регуляторов, а приток переселенцев в Узбекистан в значительной степени шел на основе планомерной целенаправленной переброски трудовых ресурсов, что соответствовало курсу форсированной индустриализации всей страны. Так, на заседании комиссии Госплана СССР по разработке первого пятилетнего плана промышленности в феврале 1927 г. была высказана мысль о том, что в таких

регионах как Средняя Азия, предпочтительно сразу насаждать крупную промышленность на привозной рабочей силе (НА РУз. Ф. 1619. Оп. 11. Д. 53. Л. 17). Таким образом, в 1920-е годы миграция в Узбекской ССР из добровольно-стихийной миграции приобрела принудительный характер.

В процессе осуществления политики индустриализации в Узбекистан были направлены квалифицированные специалисты и рабочие из центра и западных республик страны. В основном, русских рабочих из России отправляли в Узбекистан для работы на промышленных предприятиях и на постоянное жительство. Численность «привозных» трудовых кадров увеличивалась из года в год, а число местных кадров в процентном отношении уменьшалось. Так, в годы первой пятилетки в крупную промышленность Узбекистана было привлечено 57 тыс. рабочих, 4 тыс. человек составляли рабочие местных национальностей. Это приводило к дисбалансу и к не доверительному отношению местного населения к «привозным» кадрам (Ата-Мирзаев, 2011: 97).

В таблице 2 показан количественный приток промышленных кадров в Узбекскую ССР. В 1928–1932 гг. только для отраслей легкой индустрии требовалось 19 тыс. рабочих разной квалификации (НА РУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 5050. Лл. 32–34).

Таблица 2

Приток промышленных кадров в УзССР из республик СССР, 1930 г., чел.

	рабочие	служащие
Украинская ССР	2149	319
Белорусская ССР	255	51
Киргизская ССР	1557	325
Крымская АССР	207	17
Закавказская ССР	6310	832
Якутская АССР	10	0
Дагестанская АССР	17	1
Карельская АССР	20	4

Всего за 1932–1938 годы в Узбекистан прибыло свыше 650 тыс. чел., в том числе 94,3 тыс. чел. из России (Озерова, 2005: 63).

В 1932 г. добровольно-стихийная миграция в Узбекистан и в другие республики Центральной Азии лишь усиливается в результате голода, главным образом из Поволжья и других районов России, а также Украины.

Переброска трудовых кадров оказала положительное влияние на процесс строительства различных предприятий: специалисты центральных регионов страны передавали местным рабочим кадрам свой богатый производственный опыт и трудовые навыки, содействовали освоению ими современного технологического оборудования. Их вклад в создание промышленности был велик. Так,

в 1932 г. в УзССР функционировало 15 электростанций (1525 рабочих), 4 топливных предприятия (1038 рабочих), 1 каменноугольное предприятие (57 рабочих), 2 нефтедобывающих предприятия (910 рабочих), 35 металлургических предприятий (5493 рабочих), 2 химических предприятия (121 рабочий), 38 текстильных предприятий (20363 рабочих), 43 хлопкоочистительных предприятия (10197 рабочих), 4 шелк-размоточных предприятия (6411 рабочих), 17 предприятий по производству одежды и обуви (8948 рабочих), 8 швейных предприятий (5779 рабочих), 8 маслособойных предприятий (5325 рабочих). Национальный состав трудовых ресурсов представлен в таблице 3.

Таблица 3

**Добровольно-прибывшие нацменьшинства в качестве
трудовых ресурсов в УзССР (сведения за 1930 г.)***

Профсоюзы	Всего прибывших	русских	татар	армян	евреев	иранцев	прочих
горнорабочих	1739	72,89	3,11	1,50	0,12	–	2,18
кожевников	1989	41,87	4,27	3,37	5,64	–	2,11
пищевиков	10690	47,51	4,56	1,44	2,02	1,33	5,50
текстильщиков	14116	34,45	3,24	0,35	4,83	0,38	3,49
швейников	1418	61,35	2,61	3,74	18,83	1,48	1,34
строителей	23569	58,60	4,85	2,66	0,47	4,99	2,22
железнодорожников	19866	87,30	–	–	–	–	2,38
совторгслужащих	26611	49,54	4,71	–	4,98	–	5,49
медсантруд	11807	70,00	5,48	1,21	8,49	0,04	4,29
рабспрос	14289	34,74	11,55	0,83	3,79	0,45	7,45
коммунальщиков	5040	43,77	0,89	0,50	0,99	0,08	6,23
Нарпит	7154	82,60	1,40	0,64	0,17	–	4,72
%	100,0	56,47	4,28	0,93	3,10	1,15	4,41
Всего	142163	30281	6034	1321	4410	1696	6265

* Составлено по: (Национальная политика, 1930: 186).

Примечательно, что часть узбекских историков в постсоветский период критически оценивала цели переброски союзным правительством трудовых кадров в УзССР. Так, К.Х. Ханазаров в своих исследованиях связывает эти процессы с политикой русификации, что обеспечивалось, прежде всего, увеличением присутствия русского населения в УзССР (Ханазаров, 1991: 92). Другая

часть придерживается иного мнения. Так, один из специалистов по национальному вопросу Р.Г. Абдулатипов, признавая рост многонациональности во всех бывших союзных республиках, считает, что «было бы неоправданно усматривать в этом последствия некоей целенаправленной политики русификации. Прежде всего, это результат малообоснованной, научно не продуманной национальной политики» (Абдулатипов, 1991: 50). На наш взгляд, с началом индустриализации союзное правительство, пыталось внешне продемонстрировать свою заботу о преодолении тяжелого колониального наследия, реализовывало курс на «ликвидацию фактического неравенства» в республиках Центральной Азии, в том числе и в УзССР. Однако, как свидетельствуют документальные источники, в концептуальном плане союзное руководство продолжало исходить из идеологии потребительского отношения к Узбекистану.

В период между Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. произошли значительные изменения в численности и этническом составе населения Узбекистана. Это было связано, во-первых, с оттоком молодежи в другие республики и регионы. Во-вторых, с распределением определенных территорий из одной республики в другую. Например, в октябре 1929 г. Ходжент вышел из Узбекской ССР и вошел в состав Таджикской АССР. В 1930 г. Каракалпакстан вошел в состав Российской Федерации, 1932 году стал автономным, 1936 г. вошел в состав УзССР. В-третьих, с усилением миграции «трудовых ресурсов» в Узбекскую ССР, с завершением строительных работ, наряду с подготовкой местных кадров, в республику из центральных регионов страны еще более усиливались переброски рабочих и специалистов из промышленных районов Советского Союза. Безусловно, всё это не могло не отразиться на трансформации национального состава республики. Наряду с этим, добровольно-стихийная миграция сменилась принудительной миграцией. В-четвертых, поступление квалифицированных рабочих, способствовало наращиванию промышленного потенциала Узбекистана, но среди 650 тыс. мигрантов наряду с опытными рабочими было и много неквалифицированных работников, иждивенцев. По сути дела, это была лишняя, не востребованная рабочая сила. Она лишь усугубила и без того значительные трудности с использованием трудовых ресурсов, которыми республика располагала в избытке, так как рост рабочей силы быстро опережал производство. В-пятых, в контексте политики социально-экономической интеграции в СССР намеренно стимулировалась переброска крупных групп рабочих и специалистов на постоянное место жительства в Узбекистан. В последующие советские десятилетия эта практика приобрела всё более масштабные формы.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что национальная политика советского государства во многом руководствовалась социально-экономическими задачами. Необходимость форсированной модернизации, целью которой было строительство, в первую очередь, промышленного сектора экономики, стимулировала формирование общей системы экономической интеграции всех территорий Советского Союза. Преимущественно аграрные регионы Центральной Азии, а одним из наиболее значимым из них была Узбекская

ССР, насыщались трудовыми кадрами, в первую очередь из различных отраслей промышленности. Это требовало переброски соответствующих квалифицированных кадров – инженеров и рабочих из наиболее промышленно развитых регионов РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Политика их укоренения на местах в сочетании с институтом прописки и получения государственного жилья приводила к закреплению некоренных народов в среднеазиатских республиках. Подобный подход, сопровождаемый миграционным притоком иноэтничного населения на территорию УзССР, формировал полиэтничную среду, в которой декларировались равенство и дружба всех народов. Но он также демонстрировал осуществление роста многонациональности не за счет естественно-исторической, а искусственной миграции, которая является неотъемлемой составляющей промышленно-индустриального развития государства, что, в свою очередь, сказывается на развитии этнокультурного развития коренного населения республики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

НА РУз. Ф. 1619. Оп. 11. Д. 53. Л. 17.

НА РУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 5050. Л. 32–34.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». М.: Мысль, 1991.

Абраров С.А. Формирование новой социально-классовой структуры общества в Туркестанской АССР и Узбекистане в 1917–1930-х годах XX века: ретроспективный взгляд на проблему сквозь призму попыток решения национального вопроса. Ташкент: Mumtozso'z, 2010.

Алламуратов Д. Очерки истории Ферганской области в советский период. Ташкент: Фан, 1980.

Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент: Узбекистан, 2018.

Ата-Мирзаев Ш., Гентшике В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011.

Буранов Б.И. Переброска «трудовых ресурсов» – одна из составных частей миграционного притока (1920–1930 гг.) // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. II қисм. Тошкент, 2015.

Варейкис И., Зеленский И. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Ташкент: Среднеазиатское государственное издательство, 1924.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.XV: Узбекская ССР. М., 1928.

Жумаханов Ш. Марказий Осиёда амалга оширилган миллий-худудий чегараланишнинг тарихий-географик тахлили // Ўтмишга назар. 2020. №8.

Исхаков Г.М., Решетов А.М., Седловская А.Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980.

Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М.: Коммунистическая академия, 1930.

Озерова Н. Экономическая политика и миграционные процессы в Узбекистане (1917–1939 годы) // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. Материалы международной научно-практической конференции. Тошкент: Университет, 2005.

Полян П. Не по своей воле. История и география миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.

Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане 1918–1920 годы. Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

Турсунов Х.Т. Образование УзССР. Ташкент: АН УзССР, 1957.

Хайназаров Б. Ўзбекистондаги уйғурлар диаспораси тарихи. Тошкент: Mumtozso'z, 2011.

Ханазаров К.Х. Обновление социализма и языковые проблемы в СССР // На языке единства. Ташкент: Узбекистан, 1991.

REFERENCES

Abdulatipov R.G. (1991) *The nature and paradoxes of the national*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Abrarov S.A. (2010) *Formation of the new socio-class structure of society in the Turkestan ASSR and Uzbekistan in the 1917–1930s: A retrospective look at the problem through the lens of attempts to resolve the national question*. Tashkent: Mumtozso'z Publ. (In Russ.)

Allamuratov D. (1980) *Essays on the history of the Fergana region during the Soviet period*. Tashkent: Fān Publ. (In Russ.)

All-Union Population Census of 1926. Vol. XV: Uzbek SSR (1928). Moscow (In Russ.)

Askarov A. (2018) *History of the origin of the Uzbek people*. Tashkent: Uzbekistan Publ. (In Russ.)

Ata-Mirzaev Sh., Gentshke V., Murtazaeva R. (2011) *Uzbekistan as a multinational state: the historical-demographic aspect*. Tashkent: Yangi asr avlodi Publ. (In Russ.)

Buranov B.I. (2015) The transfer of "Labor Resources" – one of the components of migration flow (1920–1930s). In: *Ethno-demographic processes in Uzbekistan*. Part II. Tashkent. (In Russ.)

Dzhumakhanov Sh. (2020) Historical-geographical analysis of the national-territorial boundary demarcation in Central Asia. *Otmishga nazar* [Looking back at the past]. No. 8. (In Uzb.)

Iskhakov G.M., Reshetov A.M., Sedlovskaya A.N. (1980) *Modern ethnic processes among Soviet Uighurs. Ethnic Processes among National Groups of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Khainazarov B. (2011) *History of the Uighur diaspora in Uzbekistan*. Tashkent: Mumtozso'z Publ. (In Uzb.)

Khanzarov K.Kh. (1991) *Renewal of socialism and language problems in the USSR*. In: *On the language of unity*. Tashkent. (In Russ.)

National policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in figures (1930). Moscow: Communist Academy. (In Russ.)

Ozerova N. (2005) *Economic policy and migration processes in Uzbekistan (1917–1939)*. Tashkent: University Publ. (In Russ.)

Polyans P. (2001) *Not of their own will: the history and geography of migrations in the USSR*. Moscow: OGI-Memorial Publ. (In Russ.)

Prilutsky E.A. (1991) *National-state construction in Soviet Turkestan (1918–1920)*. Diss. Cand. Hist. Sci. Tashkent. (In Russ.)

Tursunov K.T. (1957) *Formation of the Uzbek SSR*. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Vareikis I., Zelensky I. (1924) *National-state demarcation in Central Asia*. Tashkent. (In Russ.)

Сведения об авторе: Саипова Камола Давляталиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (100135, ул. Мехр, Ц квартал, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0000-0533-2416>; e-mail: kamola_nuz@rambler.ru

About the author: Kamola D. Saipova, Doctor Sc. (History), Professor, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (C quarter, Mekhr St., Tashkent 100135, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0000-0533-2416>; e-mail: kamola_nuz@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 24.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 31.01.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.67-78>

EDN: LEMKIN

Татары в советском Туркестане: деятельность толмачей и переводчиков

Р.А. Расулова

*Ташкентский государственный
педагогический университет имени Низами
Ташкент, Республика Узбекистан
risligoyrasulova3@gmail.com*

Резюме. В статье освещается роль татар в пропаганде и укреплении государственного управления советской власти в Туркестане. Описаны факты, которые свидетельствовали о том, что в этом деле представители татарского народа были «нужными кадрами», так как они владели не только языками местного населения, но и русским языком. Участие татар в системе территориального управления краем, имевшее большое значение в установлении письменных и устных связей с центральными органами власти СССР, было весьма значимым. Оно заключалось в доведении решений, распоряжений, указаний и постановлений Центра до местного населения. С помощью татар центральные органы советской власти знакомились с содержанием правовых и регламентирующих документов, принятых в Туркестане. Этот встречный процесс в соответствии с установленными правилами советской власти послужил созданию новой системы управления регионом. Автор изучил деятельность татар в советском Туркестане с точки зрения работы толмачей и переводчиков (включая литературных переводчиков). Основываясь на исторических данных, анализе литературы и архивных материалов, показывается вклад татарских переводчиков в межкультурное общение, сохранение языковых и культурных традиций. Рассматривается роль татар в формировании языковой среды Туркестана, обсуждаются проблемы и сложности, с которыми сталкивались переводчики и толмачи.

Ключевые слова: татары, Туркестан, толмачи, переводчики, литературные переводы, история, язык, культура.

Для цитирования: Расулова Р.А. Татары в советском Туркестане: деятельность толмачей и переводчиков. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 67–78. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.67-78> EDN: LEMKIN

Tatars in Soviet Turkestan: activities of interpreters and translators

R.A. Rasulova

Nizami Tashkent State Pedagogical University

Tashkent, Republic of Uzbekistan

risligoyrasulova3@gmail.com

Abstract. The article highlights the role of Tatars in the propaganda and strengthening of the state administration of the Soviet power in Turkestan. The paper mentions facts which testify that in the given line of work representatives of the Tatar people were "necessary personnel" since they spoke not only the languages of the local population, but also Russian. The participation of Tatars in the system of territorial administration of the region, which was of great importance in establishing written and oral communications with the central authorities of the USSR, was very significant. It consisted in communicating decisions, orders, instructions and decrees of the Center to the local population. With the help of Tatars, the central authorities of the USSR became familiar with the content of legal and regulatory documents adopted in Turkestan. This counter-process, in accordance with the established rules of Soviet power, served to create a new system of governance in the region. The author studies the activities of Tatars in Soviet Turkestan from the point of view of the work of interpreters and translators (including literary translators). Based on historical data, analysis of literature and archival materials, the contribution of Tatar translators to intercultural communication, preservation of linguistic and cultural traditions has been shown. The paper discusses the role of Tatars in the formation of the language environment of Turkestan and the problems and difficulties that translators and interpreters encountered.

Keywords: Tatars, Turkestan, interpreters, translators, literary translations, history, language, culture.

For citation: Rasulova R.A. (2025) Tatars in Soviet Turkestan: activities of interpreters and translators. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 67–78. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.67-78> (In Russ.)

После Октябрьской революции 1917 г. перед советской властью стояла задача освобождения народов, которые столетиями не имели прав, оказания им помощи в построении «социалистического общества» и вступления в благополучную жизнь. Большевики подняли вопрос о мире, земле, независимости и самоопределении народов, эксплуатируемых долгие годы империалистами. Они начали предпринимать усилия по «пробуждению Востока», убеждению населения отдаленных краях в новых социалистических идеях, установлению и укреплению советской власти на местах. Однако, на этом пути советская власть столкнулась с серьезными препятствиями и трудностями из-за необходимости адаптации местной военно-политической, экономической, культурно-просветительской системы управления к новым требованиям и правилам. В частности, большая часть русского пролетариата, кадровый персонал на различных должностях, железнодорожные работники, сотрудники почты, рабочие заводов и

других учреждений, проживавшие в Туркестане и оказавшиеся здесь в результате переселенческой политики Российской империи, за редким исключением не знала языков местного населения. Не владели ими, не знали культуру и религию коренного населения, и большевики, мобилизованные из центральных регионов России для внедрения системы социалистического управления в Туркестане. Те, кто занимался этим вопросом на местах, плохо уживался с местным населением. В таких условиях советская власть считала целесообразным использовать татар, имеющих общий с местным населением язык, религию, культуру и менталитет.

Знание языка коренного населения долгие годы оставалось одной из серьезнейших проблем для советских кадров, задействованных в формировании новой системы управления Туркестаном. Доведение до населения края принятых в Центре нормативно-правовых документов и ознакомление населения с их содержанием сопровождалось большими сложностями. Система управления советским Туркестаном испытывала острую потребность в переводчиках, знающих русский язык, как для перевода отправляемых из Центра нормативно-правовых актов, телеграмм и указаний различного содержания, так и для передачи из края в Москву и в другие регионы страны различных запросов, информации, сообщений, докладов. Однако большинство эmissаров, занимавшихся военно-политической, экономической, культурно-просветительской, пропагандистской работой в Туркестане, в его областях, не знавших языков жителей края, было не способно решать эту задачу. Поэтому для доведения до коренного населения указаний центрального аппарата советской власти с середины 1918 г. начинают привлекать толмачей (устных переводчиков) (Ўзбек тилининг..., 2008: 97) и литературных переводчиков. Эта работа началась со специального объявления Туркестанского Центрального Исполнительного комитета (ТуркЦИК) о вакансиях переводчиков и толмачей. В ТуркЦИК начинают поступать заявки от разных людей, предлагающих свои услуги. Например, в заявлении от 14 августа 1918 г., поданном П.С. Наумовым, указывается, что этот человек проживает в Туркестане 25 лет, работает на предприятии «Братьев Яушевых» и знает четыре языка: узбекский, таджикский, татарский и казахский, а в настоящее время работает в продовольственном отделе (НА Уз. Ф.17. Оп. 2. Д. 1. Л. 43).

Работа толмачей и переводчиков касалась военно-политического, правового, экономического, культурно-просветительского направления системы управления советской власти в Туркестане. Привлечение татарских переводчиков осуществлялось в двух направлениях: при переводе с русского языка на язык местного населения в письменной форме (перевод документов, писем, постановлений и т.д.) и при переводе устной речи, бесед, донесения агитационно-пропагандистской и прочей информации, во время которой требовались толмачи. Местное население не могло обеспечить эту работу в полной мере. В частности, среди них те, кто учился в русско-туземных школах, хотя и были те, кто хорошо владел устной речью, но все же испытывал трудности с письменным переводом. Например, мулла Худайберган Хаджи Жантемиров, проживающий

в Ташкентском уезде, в своем заявлении в ТуркЦИК от 20 августа 1918 г. писал, что он окончил русско-туземную школу, но затрудняется с письменным переводом с узбекского, казахского, таджикского языков на русский или в обратном порядке – с русского на языки местного населения. Он подчеркнул, что не может взять на себя ответственность, поэтому просит принять его на работу в качестве переводчика устной речи (НА Уз. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 38).

В таких условиях требовались не просто толмачи, а переводчики исключительного уровня. Для решения этой проблемы Туркестанский народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) в местных газетах опубликовал объявление о приглашении на работу письменных и устных переводчиков. Например, 1 декабря 1918 г. газета «Иштирокюн» обратила внимание на Ташкентскую биржу труда, которая нуждалась в переводчиках с тюркского на русский и с обратным переводом. Подчеркивалось, что такие специалисты при переводе на тот или иной язык должны были делать акцент на литературный язык и не привносить местные диалекты (НА Уз. Ф.36. Оп. 1. Д. 6. Л. 102). После того, как в газетах появились объявления о необходимости переводчиков, в местные, областные и уездно-городские национальные отделы, особенно в Татарские отделы Туркестанского Наркомнаца стали поступать соответствующие заявки. По итогам их рассмотрения, например, на должность переводчика канцелярии вместо М.Азизханова, назначенного политруком Канибадомского участка, согласно приказу Кокандского уездно-городского исполкома от 9 августа 1918 г., переводчиком назначается татарин Абдулла Гайнуллин, хорошо владеющий узбекским языком (ФОГА. Ф.121. Оп.1. Д.14^А. Л.119).

Необходимость в толмачах, переводчиках, в том числе в литературных переводчиках отмечалась народными комиссариатами различных уровней, областными, уездными городскими органами власти. Без них туркестанская система управления не могла осуществлять свою деятельность на этапах установления взаимоотношений с представителями коренного населения (Известия ТуркЦИКа, 24 января 1919 г.)

На основании рекомендаций Татарского отдела Туркестанского Наркомнаца на должность ответственного редактора газеты «Иштирокиюн» был назначен Ахмад Донской. Он приглашает на работу таких татарских просветителей, как Габидулла Мазитов, З.Ш.Юсупов, Р.И. Мансуров, И.М. Хамзин, Юнус Насибуллин, М. Азизханов, М.А. Файзуллин, Кабир Бакир, З. Насибуллина в качестве переводчика, подделчика (занимается сгибанием печатной бумаги), машинистки, делопроизводителя, экспедитора, литературного переводчика, а также на разные управленческие должности (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 50,166, 177; НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 13–14, 24, 33, 36–37, 161–162, 206, 239–240, 555, 584, 595; НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 30. Л. 83). Газета являлась органом Туркестанского Наркомнаца и путем размещения специальных объявлений о потребностях в работниках, а также благодаря личному усердию и организаторским способностям Ахмада Донского, способствовала привлечению сотрудников из числа татар. Особое внимание при анализе кандидатов

уделялось их квалификации и умению переводить с русского на тюркский и с тюркского на русский языки (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 102; Д. 28. Л. 555, 584).

Татары составляли большинство членов редколлегии и в другой газете – «Янги Шарк» («Новый Восток»). Они работали в качестве переводчиков и редакторов (Бобохонов, 2011: 189). Часть работников, участвовавших в управлении газетой в качестве редакторов, переводчиков, директоров и членов редакции, привлекалась из воинских частей, другая – из местных культурно-просветительских учреждений, системы народного образования, советских и партийных органов управления (ААП РУз. ФОО. Ф.1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 83; Иноятов, 1984: 208).

Привлечение татар к организации и руководству издательской деятельности туркестанской прессы продолжалось и в последующие годы. Это касалось не только редакций, издававшихся в крае узбекоязычных газет и журналов, но и русскоязычных изданий. Так, 2 апреля 1920 г. ответственным секретарем газеты «Известия», органа Туркестанского ЦИК был назначен Агниева, а членом редакции – Бисеров (НАУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 228. Л. 120). В 1921 г. главным редактором газеты «Красная Фергана» стал М.А. Газизов (ААП РУз ФОО, Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 336. Л. 69). В мае 1921 г. редактором издававшейся в Фергане газеты «Знамя труда» назначали Захарова, а на должность ответственного секретаря – Латифа Урманова (ААП РУз ФОО. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 234. ЛЛ.42, 79).

Русскоязычные руководители Туркестанского края, выезжая в тот или иной регион, всегда брали с собой татарских переводчиков. Толмачи не только переводили разговоры, письма, заявления местного населения, но чувствовали его настроение, понимали местные обычаи, религию, психологию и культуру. Для руководителей советской власти было важно знать, как местное население воспринимает советскую власть. Поэтому татары-толмачи были незаменимыми, тем более что в отличие от переводчиков из числа некоторых представителей других народов они были сторонниками советской власти.

Одной из важных задач большевиков являлось усиление агитации и пропаганды советской власти на местах, формирование и укрепление местных советов депутатов. Для их решения местные татары выезжали в Москву. Например, в конце мая 1918 г. татарин Абдулла Дербисалин был направлен ТуркЦИКом в столицу страны для обсуждения общественно-политических, экономических, культурно-просветительских, научных, научно-технических и административных проблем края. Он, будучи членом туркестанской делегации, занимался соответствующими задачами, поставленными руководством края. Одновременно он выполнял обязанности переводчика устных и письменных текстов в составе указанной туркестанской делегации (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 12. Л. 24).

Согласно удостоверению, выданному на имя Абдуллы Дербисалина Туркестанским Народным комиссариатом по делам национальностей 21 мая 1918 г., он был направлен в командировку в Ходжандский уезд. Здесь ему по-

ручалось сформировать советы депутатов в волостях, аулах, селах и в самом в уезде. Так он выполнял организационные задачи по формированию системы управления по требованиям советской власти. В последующие месяцы и до июля 1918 г. в целях укрепления большевистской системы управления на местах Дербисалин работает в исполкоме Совета Старого города Ташкента. Он кроме знания тюркских языков, прекрасно владел афганским и персидским языками. Его организаторские способности и навыки переводчика использовались на ответственных должностях в ТуркЦИКе, Туркестанском Наркомнаце, Ташкентском горкоме партии (НА Уз. Ф.17 Оп. 2. Д. 1. Л. 31. 36; Д. 7. Л. 122).

Работающие в различных сферах татары, проживавшие в Туркестане, верили, что новое социалистическое общество откроет путь к благополучной жизни народов Востока. Они, зная тюркские и русский языки, культуру местного населения и выступая в качестве устных и письменных переводчиков, часто обращались к традициям системы местного самоуправления. Одновременно представители татарского народа были заинтересованы в работе в интересах советской власти. Например, 18 марта 1919 г. в своем обращении в исполком Самаркандского уезда Файзуллин отмечает, что имеет опыт переводчика, в частности достаточный практический опыт устного и письменного перевода с языка народов края на русский и с русского на местные языки, «и имея желание работать в этой сфере... просил их взять его на работу в качестве переводчика в этой области» (СОГА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 128. Л. 93). Татары искренне верили, что именно советская власть даст всем тюркоязычным народам благополучие, мир, спокойствие, землю, просвещение, национальное равноправие, культурное развитие.

Местных татарских переводчиков и толмачей привлекали к работе в Казанском полке и Татарской бригаде, находившихся в Туркестанском крае для установления и упрочения советской власти. Представители воинских частей из числа татар использовались и при организации работы руководящих органах местного и республиканского уровня. Их направляли для формирования национальных воинских частей Туркестана в качестве толмачей, переводчиков, инструкторов, политработников и командиров.

Можно считать, что в Туркестанском крае роль толмачей, переводчиков и литературных переводчиков была не просто важной, но и использовалась почти везде, где советская власть проводила агитацию и пропаганду. Например, татарин Х.Х. Бурнашев, работавший в то время переводчиком в газете «Иштироки-юн» в своем заявлении от 18 марта 1919 г. к начальнику канцелярии Туркестанского Народного комиссариата по делам национальностей просит перевести его в Узбекский отдел (секцию) Наркомнаца на должность литературного переводчика. По данному заявлению начальник Узбекского отделения Наркомнаца Абдулла Авлани подписывает согласие на работу Х.Х. Бурнашева в этой должности (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 139). Архивные источники, связанные с Х.Х. Бурнашевым, свидетельствуют о том, что он был переводчиком в Туркестанском народном комиссариате по делам национальностей и даже находясь в

отпуске с 1 апреля по 8 мая 1919 г. по требованию заведующего Узбекской секции Абдуллы Авлани три дня в неделю выполнял переводческую работу (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 269). Его опыт перевода с узбекского на русский и с русского на узбекский использовался в системе Туркестанского СНК. В частности, в письме с пометкой «Срочно», отправленном в адрес Туркестанского Народного комиссариата по делам национальностей 5 августа 1919 г., Туркестанский СНК просит предоставить переводчика, владеющего тюркским языком. В ответ на это по адресу Туркестанского СНК отправлено письмо от 9 августа 1919 г., с уточняющим вопросом «Временно или постоянно, Х.Х. Бурнашев будет работать переводчиком?» (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 75). Это подчеркивает высокий спрос на данного специалиста.

Во время работы сотрудники, занимавшие ответственные должности в системе управления Туркестана, должны были уметь понимать и общаться друг с другом при подготовке нормативно-правовых документов разных уровней – документов Туркестанского ЦИК на местном государственном языке, а также при переводе написанных на русском языке решений, постановлений, приказов, писем, инструкций, указаний, распоряжений руководства советской власти. Необходимо было на основании установленного регламента, подготовленного Туркестанским ЦИК и СНК, правильно доносить законы до местного населения края через газеты и с помощью специальных пропагандистов. Поэтому все острее вставал вопрос не только о толмачах, но и о литературных переводчиках. Знание узбекского и русского языков, помимо родного, стало важным условием при занятии должностей на разных уровнях административной системы края. При решении этого вопроса было признано целесообразным использовать татар (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 87). 8 декабря 1919 г. для выполнения этих обязанностей переводчиком в Туркестанский ЦИК был назначен татарин Сайфулмулюков (НА Уз. Ф. 17. Оп. 2. Д. 10. Л. 41).

Следует отметить, что в формировании местных кадров – толмачей, переводчиков, литературных переводчиков – большую роль играл Туркестанский народный комиссариат по делам национальностей. В этом отношении особая роль принадлежала Татарскому отделу Туркестанского Наркомнаца. Именно Татарский отдел занимался формированием группы переводчиков, направлял их на работу по запросу и по мере необходимости (Саипова, 2021: 41–42).

Постепенно в местных газетах все чаще начинают публиковаться объявления о вакансиях переводчиков. Всех, кто мог выполнять такую работу, просили обращаться в Наркомнац Туркестана. Например, 8 марта 1919 г. Саид Сайдуллин (С.Сейдалин), представитель татарского народа, обратился в Народный комиссариат внутренних дел Туркестана с просьбой принять его на работу заведующим издательским отделом при комиссариате. Он просит перевести его из народного комиссариата внутренних и внешних дел в Наркомнац Туркестана. Заявитель подчеркивает, что он знает турецкий, персидский, русский, азербайджанский, киргизский языки, и что это будет полезно в издательском отделе (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 145). После обращения Туркестанский Нарком-

нац обращается в Народный комиссариат внутренних дел края. В ответном письме Народного комиссариата внутренних дел в СНК Туркестана от 16 апреля 1919 г., отмечается, что он не против направления С. Сайдулина для занятий письменным и устным переводчиком (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 246). Позже С. Сайдуллин работал толмачом, переводчиком письменных текстов и сотрудником по особым поручениям, с октября 1919 г. он слушатель агитационных курсов в Наркомнац Туркестана. В 1919–1920 гг. отвечал за учет мусульманских интеллектуальных сил Ферганской области, а с марта 1920 г. работал пропагандистом и переводчиком среди мусульманских военных (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 167 Л. 177–178, 208–209, 211; НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 256, 260, 330; ФОГА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 40. Л. 30).

Сотрудники Татарского отдела Туркестанского Наркомнаца привлекались в качестве устных и письменных переводчиков на различных собраниях, советах, проводимых в крае, областях и городах. При необходимости в письменных и устных переводчиках на мероприятиях республиканского, областного, уездно-городского уровней соответствующие организации и должностные лица обращались за помощью в Наркомнац Туркестана. Например, 7 сентября 1919 г. в связи с проведением 8-го заседания съезда советов края ТуркЦИК просил Туркестанский Наркомнац предоставить 15 переводчиков (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 145).

Многочисленные архивные источники доказывают, что Татарский отдел Туркестанского Народного комиссариата по делам национальностей являлся координатором, обеспечивающим управленческую сферу края толмачами и переводчиками. В тоже время сотрудники Татарского отдела Наркомнаца Туркестана параллельно работали и помогали другим национальным отделам при переводе постановлений, декретов, распоряжений ТуркЦИКа и Туркестанского СНК, а также центральных органов советской власти.

Помимо задействования татарской интеллигенции в качестве толмачей и письменных переводчиков в органах управления края, области, уезда, города, в воинских частях, культурно-просветительских учреждениях, газетах и журналах, типографиях, ее отдельная часть занималась литературными переводами. Литературные переводчики имели более высокий уровень ответственности по сравнению с переводчиками письменных или устных текстов. Они при переводе с русского на тюркские и наоборот с тюркских на русский языки должны были обращать внимание на чистоту перевода, т.е. не использовать диалектную лексику. По этой причине в административной системе Туркестана, в газетах и типографиях, в культурно-просветительских учреждениях существовала острая потребность в литературных переводчиках с высоким владением русским и тюркскими языками. Большую роль в решение этого вопроса сыграл Туркестанский Народный комиссариат по делам национальностей. В частности, 15 марта 1919 г. ЦИК Туркестана направил письмо-обращение в Туркестанский Народный комиссариат по делам национальностей с просьбой оказать практическую помощь в предоставлении одного литературного переводчика, хорошо

владеющего русским и тюркскими языками (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 125–127).

28 апреля 1919 г. Туркестанское краевое Мусульманское бюро приняло решение о создании отдельной «Коллегии переводчиков». Ее необходимость объяснялась потребностью в переводчиках служебной литературы для русских и русскоговорящих сотрудников, которые были направлены из Москвы в краевую систему управления. «Коллегия переводчиков» была создана при Туркестанском Народном комиссариате по делам национальностей, в составе которого уже имелось большое количество татарских переводчиков-лингвистов и просветителей. 28 апреля 1919 г. Мусульманское бюро Туркестанского края обращается по этому вопросу в Туркестанский Народный комиссариат по делам национальностей с просьбой создать специальную «Коллегию переводчиков» и объединить всех переводчиков посредством Мусульманского бюро. Среди одной из причин запроса об организации специальной «Коллегии переводчиков» Туркестанского Народного комиссариата по делам национальностей, указывалось, что, во-первых, в распоряжении Народного комиссариата по делам национальностей имелось достаточно толмачей и литературных переводчиков из числа татар, во-вторых, Туркестанский Народный комиссариат по делам национальностей задействовал татар-просветителей в решении вопросов ознакомления общественности с работой, мероприятиями, проблемами и достижениями, реформами, правовыми и нормативными документами из общественно-политической, военной, экономической, культурной и образовательной сфер края. 6 мая 1919 г. было принято решение о создании «Коллегии переводчиков» при Туркестанском Народном комиссариате по делам национальностей. Создание «Коллегии переводчиков» подразумевало решение следующих задач:

- временно сформировать группу «Письменных переводчиков» до создания «Отдела переводчиков» при Туркестанском Народном комиссариате по делам национальностей;
- создать «Коллегию письменных переводчиков», поручить им подготовку переводчиков агитационно-пропагандистских и связанных с ними докладов;
- «Коллегии письменных переводчиков» поручить также печать иной литературы, издаваемой издательством (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 23; НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 70).

Причиной создания «Отдела переводчиков» при Туркестанском Народном комиссариате по делам национальностей послужила сложившаяся общественно-политическая и военно-экономическая ситуация в крае. По этой же причине, в связи с потребностью в переводчиках для всего региона было признано необходимым организовать «Курсы переводчиков» при Туркестанском Народном комиссариате по делам национальностей. «Переводчики» Комиссариата должны были обеспечивать советские организации переводной литературой, повестками и т.п. (НА Уз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 356. Л. 21).

По имеющимся данным, Татарский отдел Туркестанского народного комиссариата по делам национальностей продолжал привлекать проживающих в

крае татар в качестве устных и письменных переводчиков. В апреле-мае 1919 г. Абдулла Октуганов и Абдулла Вагапов написали заявление с просьбой принять на работу переводчиками в Туркестанский народный комиссариат по делам национальностей (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 242, 334, 353, 360, 362). Подобное заявление от 18 марта 1919 г. в Исполком Самаркандского уезда подал Фузайлов. Он отметил, что знает языки коренных народов, умеет переводить их на русский язык в письменной и устной форме, и просит принять его на работу (СОГА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 128. Л. 93). Алия Расулева, изъявившая желание работать устным и письменным переводчиком, в заявлении отметила, что очень хорошо знает сартский (тюркский) и туркменский языки. Роль переводчиков и толмачей в системе управления Туркестаном была настолько велика, что в некоторых случаях их специально приглашали на работу. Например, в сентябре 1920 г. Мусульманское бюро Туркестанского края и Народный комиссариат Туркестана по делам национальностей хотели работать с переводчиком, татарин И. Бирюшевым. В частности, С.Турсунходжаев из Туркестанского Народного комиссариата по делам национальностей в письме, направленном в Мусульманское бюро Ферганской области 20 сентября 1919 г., отметил, что И. Бирюшев нужен в качестве переводчика на курсах пропаганды в Скобелеве и просит вернуть его в их распоряжение (НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 131. 151; НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 146).

Потребность в переводчиках из числа татар в системе управления была очень велика. В большинстве случаев областные СНК, ЦИК, наркоматы, отделы и ведомства обращались к Татарскому отделу Туркестанского Наркомнаца и Татарскому отделу Туркестанского Мусульманского бюро с просьбами предоставить им переводчиков, владеющих узбекским и русским языками. Постепенно Татарский отдел Туркестанского Наркомнаца и его управления в регионах начинают вводить порядок изучения деятельности мобилизованных лиц, участвующих в местной системе управления в качестве переводчиков, и оценке степени выполнения поставленных перед ними задач. Так, 4 июля 1919 г. при участии Фатхуллина, Меджидова, Бирюшева и Исеева была рассмотрена безответственная деятельность Н.Мухаммедова работавшего переводчиком в уголовной милиции в Скобелеве при выполнении возложенного на него задания. Было установлено, что он фактически не соответствовал должности переводчика. В частности, Н. Мухаммедов в своих переводах заставлял тех, кто давал указания, произносить «подходящие для него указания». Он переводил слова тех, кто давал показания, не справедливо и необъективно, а так, как он хотел, т.е. как ему нравилось. В результате было затребовано от управления национальных дел Ферганской области, Татарского отдела областного Мусульманского бюро Ферганского облисполкома подготовка приказа об увольнении Н. Мухаммедова с должности переводчика (ААП РУз ФОО. Ф.1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 33).

Для обеспечения сотрудников Туркестанской системы управления регионом, а также областей, уездов, городов соответствующими правовыми и распорядительными документами разного уровня – информацией с совещаний,

планерок, текстами поручений из центральных органов советской власти, инструкций, переводов указов – требовался все больший штат переводчиков. Они были нужны не только для перевода русскоязычной литературы, изданных книг и нормативно-правовых документов на языки тюркских народов, но и для различных мероприятий, проводимых в крае, области и городах, в частности, при подготовке отчетов и резолюций к заседаниям и съездам. В данный процесс по-прежнему активно привлекались татары, проживавшие в Туркестане.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ААП РУз ФОО. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 336. Л. 69.
ААП РУз ФОО. Ф.1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 83.
Известия (ТуркЦИКа). 24 января. 1919 г.
НА Уз. Ф. 17, Оп. 2. Д. 1. Л.43, 31, 36, 38.
НА Уз. Ф. 17. Оп. 2. Д. 7. Л. 122.
НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.
НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 23.
НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 75, 131, 145, 151, 177–178, 208–209, 211.
НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 70.
НА Уз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 125–127, 139, 145, 146 169, 242, 246, 256, 260, 330, 334, 353, 360, 362.
НА Уз. Ф.34. Оп. 1. Д. 356. Л. 21.
СОГА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 128. Л. 93.
ФОГА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 14^А. Л. 19.
ФОГА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобохонов А.Ҳ. Асрдан ошган зиё масканлари. Тошкент: “O‘ZBEKISTON”, 2011.
Иноятлов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М.: “Мысль”, 1984.
Саипова К. История национальных меньшинств Узбекистана (1917–1990 гг.). Ташкент: “TURON-IQBOL”, 2021.
Ўзбек тилининг изохли луғати. IV жилд. Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2008.

REFERENCES

- Bobokhonov A.Kh. (2011) *Centuries-old intellectual centers*. Tashkent: UZBEKISTAN Publ. (In Uzb.)
- Explanatory Dictionary of the Uzbek Language* (2008). Vol. IV. Tashkent: “National Encyclopedia of Uzbekistan” State Scientific Publ. House. (In Uzb.)
- Inoyatov Kh.Sh. (1984) *The peoples of Central Asia in the fight against the interventionists and internal counterrevolution*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Saipova K. (2021) *History of national minorities of Uzbekistan (1917–1990)*. Tashkent: TURON-IQBOL Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Расулова Рислигой Абдулла кизи, PhD (история), Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (100135, ул. Бабур, 264, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0004-0533-5210>; e-mail: risligoyrasulova3@gmail.com

About the author: Risligoy A. Rasulova, PhD (History), Nizami Tashkent State Pedagogical University (264 Babur St., Tashkent 100135, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0004-0533-5210>; e-mail: risligoyrasulova3@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 19.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 13.08.2024

Принята к публикации / Accepted 27.08.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.79-102>

EDN: NGPVGCV

Татарский Дом просвещения в Ленинграде (1933–1937)

Т.М. Смирнова

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Санкт-Петербург, Российская Федерация

tokva@inbox.ru

Резюме. В статье рассмотрено состояние и деятельность государственного учреждения для работы среди национального меньшинства Ленинграда – Татарского дома просвещения (домпросвета, ДПР) с башкирской секцией.

Национальные дома просвещения (ДПР) создавались в 1920 – нач. 1930-х гг. в крупных городах в соответствии с политикой коренизации для идеологической, политико- и культурно-просветительной работы среди представителей нерусских национальностей на родном языке с целью воспитания убежденного советского человека, ликвидации культурной отсталости, развития национальной культуры на общей социалистической основе. Несмотря на научную значимость темы, в настоящее время она остается малоизученной.

Татарский ДПР был образован в связи со значительным ростом числа временных рабочих – татар и башкир, занятых на многочисленных стройках Ленинграда и Ленинградской области. Домпросвет (Дом просвещения) вел большую политико-массовую работу стационарно, а также непосредственно на предприятиях и в учреждениях в виде докладов, лекций, бесед, вечеров вопросов и ответов, концертов, детских утренников, технической пропаганды. Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности и малограмотности нового населения Ленинграда, работали курсы ликбеза, общеобразовательная вечерняя школа для взрослых. В Домпросвете работали разные кружки (более 10-ти), художественная самодеятельность. Это учреждение было базой для профессионального Татарского театра. В ДПР работали библиотека и читальня с литературой и прессой на татарском, башкирском и русском языках. В 1932 г. в Ленинграде был возобновлен татарский праздник Сабантуй.

Изменение в середине 1930-х гг. вектора советской национальной политики – от коренизации к унификации – привело к ликвидации всей системы государственных учреждений для национальных меньшинств. Татарский ДПР вместе с другими национальными домпросветами был ликвидирован по решению Ленинградского горкома ВКП(б) в октябре 1937 г. Традиция организованной светской культурной жизни ленинградских татар и башкир была прервана надолго.

Статья основана на архивных материалах, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Ленинград, национальные меньшинства, национальные дома просвещения (домпросветы), коренизация, унификация, театр, татары, башкиры, Сабантуй.

Для цитирования: Смирнова Т.М. Татарский Дом просвещения в Ленинграде (1933–1937). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 79–102. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.79-102> EDN: NGPVGCV

Tatar House of Education in Leningrad (1933–1937)

T.M. Smirnova

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

St. Petersburg, Russian Federation

mokva@inbox.ru

Abstract. The article examines the condition and activities of the state institution for conducting work among the Tatar national minority of Leningrad – the Tatar House of Education (domprosvet, DPR) with a Bashkir section. National houses of education were established in the 1920s and early 1930s in large cities in accordance with the policy of korenization for ideological, political, cultural and educational work among non-Russian ethnic groups in their native language, with the purpose of educating a convinced Soviet person, eliminating cultural backwardness, and developing national culture on the common socialistic basis. Despite the academic significance of the topic, it remains poorly studied at present.

The Tatar DPR was formed in connection with a considerable increase in the number of temporary workers – Tatars and Bashkirs employed at numerous construction sites in Leningrad and the region. Domprosvet conducted a lot of political and general public work on its premises, as well as directly at enterprises and institutions in the form of reports, lectures, conversations, evenings of questions and answers, concerts, children's matinees, and technical propaganda. Special attention was paid to the elimination of illiteracy and poor literacy of Leningrad's new population; educational courses and a comprehensive evening school for adults were provided. Various clubs (over 10), amateur talent groups worked in the house of education. Domprosvet served as a base for the professional Tatar Theater. The DPR had a library and a reading room with literature and the press in the Tatar, Bashkir and Russian languages. In 1932, celebration of the Tatar Sabantuy holiday was resumed in Leningrad.

The change of the Soviet national policy vector in the mid-1930s – from korenization to unification – led to the elimination of the entire system of state institutions for national minorities. The Tatar DPR, along with other national education houses, was liquidated by the decision of the Leningrad City Committee of the CPSU (b) in October 1937. The tradition of organized secular cultural life of the Leningrad Tatars and Bashkirs had been paused for a long time.

The article is based on archival materials, most of which are being introduced into academic circulation for the first time.

Keywords: Leningrad, national minorities, national houses of education (domprosvet), korenization, unification, Tatars, Bashkirs, theater, Sabantuy.

For citation: Smirnova T.M. (2025) Tatar House of Education in Leningrad (1933–1937). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 79–102. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.79-102> (In Russ.)

Татары – исконное население Петербурга с петровского времени. Динамика постоянного и временного татарского населения города в первой половине XX в. отражает социально-политические процессы, происходившие в стране. В 1910 г. татар в Петербурге насчитывалось 7,3 тыс. чел. (Юхнёва, 1992: 18). В результате перипетий революционного времени к 1920 г. татар в Петрограде осталось всего 1220 человек (Материалы по статистике Петрограда..., 1921: 64–

65). Но Гражданская война привела на Северо-Запад воинские части мусульман-красноармейцев общей численностью 23 тыс. чел. (Материалы по статистике Ленинграда..., 1925: 236). (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 16; ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10781. Л. 4–4 об.). Летом 1921 г. – в начале 1922 г. население Петрограда и губернии пополнилось многочисленным особым временным контингентом – беженцами из голодающего Поволжья, среди которых большинство составляли татары и башкиры, объединяемые учетным признаком «мусульмане». Постоянного населения татарской и башкирской национальностей в Петроградской губернии (вместе с Петроградом) осенью 1921 г. насчитывалось около 4 тысяч человек, а беженцев – 33 760 человек. Летом 1922 г. в Петрограде числилось 36 тысяч мусульман, из них беженцев – 28 тысяч. Позже ситуация стабилизировалась, и городская перепись 15 марта 1923 г. зафиксировала 8 316 человек постоянного татарского населения (Материалы по статистике Ленинграда..., 1925: 236). По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Ленинграде проживало 7321 человек татар (Всесоюзная перепись населения 1926 года...), но их численность в городе и области значительно выросла к концу 1920 – началу 1930-х годов в связи с оргнабором рабочих на многочисленные стройки. По данным перерегистрации населения в ходе паспортизации на 1 июля 1933 г. в Ленинграде проживало 20160 татар (Население Ленинграда..., 1933: 10), а согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г. – почти 26 тыс. (Всесоюзная перепись населения 1937..., 1991: 89). Эта перепись была признана дефектной, поэтому в 1939 г. проведена новая, согласно которой в Ленинграде насчитывалось уже 31506 татар (1% от всего населения), а общая их численность в укрупненной Ленинградской области, включавшей тогда почти весь Северо-Запад РСФСР (без Карельской АССР), достигла 43,5 тыс. человек (Всесоюзная перепись населения 1939...).

* * *

Национальная политика двух первых десятилетий советской власти предусматривала выравнивание уровней культуры населявших страну разных народов – создания системы образования, культурно-досуговых учреждений, развития печати, художественного творчества на родном языке – на основе пролетарской/коммунистической классовой идеологии. Таким образом, процесс коренизации культуры требовал большой политико-просветительной работы, одним из рычагов которой были клубы и дома просвещения. А для национальных меньшинств, дисперсно проживающих в иноязычном окружении в больших городах, именно эти государственные учреждения осуществляли задачи культурной революции преимущественно среди взрослого населения, проводили основную политико-идеологическую и культурно-просветительную работу, были очагами национальной жизни. Красной нитью во всей работе домпросветов проходило интернациональное воспитание граждан Советского Союза всех национальностей.

В советский довоенный период в Петрограде – Ленинграде работали татарские школы, детские дома, клубы (Смирнова, 2002; Тагирджанова, 2008). В 1918 г. Мусульманский комиссариат открыл в Петрограде два рабочих клуба – «Северная Коммуна» и им. К. Маркса, работа которых в начале 1920-х гг. значительно активизировалась в связи с наплывом беженцев. В 1926 г. в Ленинграде был образован татаро-башкирский клуб, расположившийся на 5 этаже большого театрального здания по ул. Некрасова, 10. В клубе состояло около 500 членов, работа велась на двух языках, но стенгазета выходила только на татарском.

К концу 1920-х – началу 1930-х годов в Ленинграде клубные учреждения национальных меньшинств уже имели статус национальных домов просвещения (домпросветов, или ДПР) – центральных организаций по политико-массовой и культурно-просветительной работе среди соответствующих контингентов населения. В этот период работали 12 национальных домпросветов: эстонский, латышский, финский, польский, украинский, белорусский, еврейский, немецкий, венгерский, литовский, а также Дом просвещения народов Востока (ДПНВ), из которого в мае 1933 г. был выделен самостоятельный Татарский ДПР с двумя секциями – татарской и башкирской¹ (Ярошечкая, 2007).

Дом просвещения народов Востока, или просто Дом народов Востока, обслуживавший до 30 разных национальностей, был открыт в 1928 г. на базе именно действующего татаро-башкирского клуба. ДПНВ работал по адресу ул. Союза Связи, 17, а в 1931 г. был переведен на ул. 3-го Июля (Садовую), 32/1 (угол Апраксина пер.), где разделил помещение с Татарским ДПР. Условия для работы были довольно скромными: так, общий для двух домпросветов зрительный зал всего на 232 места мало подходил для массовых вечеров, из-за чего случались конфликты с посетителями, не попавшими в зал и заполнявшими проходы, лестницы и коридоры. Татарский ДПР располагал общей площадью 732 кв. метра и состоял из шести комнат для кружковых занятий, канцелярии, комнаты отдыха, помещения для библиотеки и читальни (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 11; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 22). Однако и эта площадь сокращалась по требованию вышестоящих органов: так, в октябре 1933 г. на базе Татарского домпросвета начала работать общеобразовательная школа нацменьшинств, набор в которую производили все ДПР (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3. Д. 3. Л. 43), а в 1935 г. массовый отдел Ленсовета «предложил» заведующему домпросветом «предоставить помещение для татарских школ взрослых Центрального р-на в 4-х комнатах. Для кружковой работы использовать комнату отдыха, фойе и читальню» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 17. Л. 17). Отчитываясь за первый полный год самостоятельной работы – 1934 – руководство Татарского ДПР отмечало: «Несколько препятствует работе Домпросвета

¹ Башкир в 1939 г. в Ленинграде насчитывалось 716 человек, во всей Ленобласти – 1301 (Всесоюзная перепись населения 1939...).

не весьма благоприятные условия, выражающиеся в недостатке помещения» (орфография источника – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 12).

Значительную часть выросшего в 1920-е–1930-е годы татарского населения Ленинграда составляли трудовые мигранты-сезонники, преимущественно выходцы из деревни, занятые тяжелым неквалифицированным трудом, в основном земляными работами. Эта социальная группа и была основным контингентом Татарского ДПР: «Ленинградский Татарский Домпросвет обслуживает преимущественно Татар и Башкир, социальное положение которых – рабочие-производственники, а также крестьян рабочих на новостройках. <...> Культурный уровень этой национальности – сравнительно низкий» (орфография и пунктуация источника – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 12). Требовалась работа по адаптации и аккультурации этого контингента в большом русскоязычном городе, в том числе ликвидация неграмотности и малограмотности на родном и русском языках. При этом, по официальным данным, в 1934 г. татарского населения в Ленинграде насчитывалось 24 тыс. чел., а в целом за Татарским домпросветом числилось 40348 «обслуживаемых нацменов» (Там же). Таким образом, речь шла о работе и на многочисленных областных «стройках социализма» (Назиястрой, Волховстрой, Невастрой, в городах Хибиногорске, Кировске, Кандалакше).

Непосредственно в Ленинграде татары и башкиры трудились на предприятиях во многих районах города, в том числе в объединениях «Мостотрест», «Строительный рабочий», «Мясостройкомбинат», на Октябрьской железной дороге; на заводах «Красный химик», «Красный треугольник», «Красный Выборжец», «Марксист», «Республика», им. Радищева, «Светлана», Кировский, «Гидротехпром», «Трансгруз», на фабрике «Рабочий», Невском химкомбинате, 2-ой и 5-ой ГЭС, в Авиагородке, Лендорхозе, тресте «Экспортлес» и четырех его Жилгородках, на грузостанции треста «Лентрамвай» и др. По исчисленным данным, в целом в 1936 г. татар – рабочих и служащих – в Ленинграде было 5,5 тыс. человек (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 1).

В тот же период в ходе культурной революции шел процесс подготовки национальных кадров, и в ленинградские вузы, и на рабфаки направлялась молодежь из разных союзных и автономных республик. Этой группе временного населения города требовалась помощь в изучении русского языка, однако образовательный уровень позволял привлекать их к работе домпросвета в качестве докладчиков, беседчиков, руководителей различных кружков.

Дома просвещения национальностей, имевших республики в составе СССР, в значительной мере выполняли различные хозяйственно-культурные поручения этих республик: кроме подготовки кадров, они способствовали продвижению республиканских заказов в промышленности города, помогали в проведении разных политических кампаний в автономных и союзных республиках.

Дома просвещения работали как в своих стенах – «на стационаре», так и «на периферии» – на предприятиях и в воинских частях с компактными масса-

ми соответствующей национальности, а также по месту жительства городского населения и в национальных колхозах. Работе «на периферии» придавалось большое значение. В инструктивных материалах подчеркивалось: «... в самих помещениях ДПР должны проводиться повышенные формы политпросветработы, подготовка кадров и система заочного образования, центр же тяжести работы – по месту производства рабочих нацмен (совместно с профсоюзами) и по месту жительства (совместно с кооперативными организациями и добровольными обществами). ДПР должны особенно широко развернуть систему передвижных методов и форм работы, консультации всех видов и заочного образования» (Материалы по вопросам..., 1932: 52). Домпросветы заключали с профсоюзными комитетами предприятий договоры на культурное обслуживание лиц «своей» национальности, обеспечивали лекторов и учителей школ грамоты (ликбезов) на родном языке, предоставляли билеты на массовые мероприятия, проводимые в ДПР. На предприятиях выделялись уполномоченные по работе с представителями определенной национальности, они поддерживали постоянные контакты с домом просвещения, являлись организаторами его мероприятий в родных коллективах, входили в состав актива домпросвета. В целом работа Татарского ДПР на периферии охватывала практически все предприятия и организации с соответствующим контингентом, от сравнительно небольших до экономического гиганта «Экспортлес» – Всесоюзного лесоэкспортного акционерного общества.

Домпросвет с 1934 г. осуществлял шефство над тремя татарскими школами Ленинграда, «детским очагом» (детсадом), а также военной частью 10-го стрелкового полка (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 13).

* * *

Деятельность домов просвещения в целом состояла из двух видов работы – массовой и кружковой. К массовой относилась организация праздников «красного календаря», собраний, совещаний, лекций и докладов, разнообразных вечеров, киносеансов, спектаклей и концертов, культпоходов и экскурсий, отдельно выделялась работа библиотеки и читальни. Среди кружков были политические, общеобразовательные (в том числе ликбез), художественные, технические, физкультурные, а также кружки профессиональной подготовки.

Домпросветы были подчинены Массовому отделу (отделу массовой политико-культурно-просветительной работы) Ленсовета. Они ежегодно отчитывались о своей работе, представляя отчеты о количестве мероприятий и «охвате» своего национального контингента по всем аспектам деятельности. Отчеты составлялись на основе дневников учета массовых мероприятий и кружковой работы по месяцам².

² Количественные данные текущей и годовой отчетности далеко не всегда совпадают, что создает определенные трудности при их анализе. Автор ориентируется на итоговые цифры годового отчета ДПР, а наименования и количество отдельных мероприятий взяты из текущей отчетности.

Сводные данные о работе всех национальных домов просвещения Ленинграда за осенне-зимний период 1931–1934 гг. свидетельствуют о большой активности Татарского ДПР. Он оказался лучшим в 4-х номинациях (из 11-ти): на стационаре – массовые вечера; на стационаре и периферии – лекции, доклады, беседы; вечера вопросов и ответов, техбои; выпуск стенгазет (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 4. Л. 6).

За 1934 г. Татарский ДПР организовал 740 докладов, лекций и бесед с охватом слушателей 17435 человек, 116 спектаклей и концертов, на которых присутствовало 44196 человек, 34 экскурсии и культпохода с 941 участником, три детских утренника (590 человек) и всего 7 киносеансов с 696 зрителями (у домпросвета не было своей киноустановки, заказывали кинопередвижку). Всего культурно-массовой работой было охвачено 76170 человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 10, 11 об.). При этом на стационаре было проведено примерно треть мероприятий, на периферии – две трети. Интересно, что на 1934 г. было запланировано 450 лекций и бесед, а проведено на 290 больше – за счет привлечения студентов ленинградских вузов и техникумов (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 16). Огромное количество зрителей на концертах и спектаклях связано, вероятно, с выступлениями художественных кружков домпросвета в обеденный перерыв на стройках и предприятиях.

В 1935 г. Татарский ДПР (на стационаре и на периферии) организовал 400 докладов и лекций, слушателями которых были 51298 человек. Значительное сокращение числа мероприятий по сравнению в 1934 г. связано с тем, что в статистике не учитывались беседы. Зато слушателей было в три раза больше, что говорит о преимущественном обслуживании периферии, где можно было сразу охватить большой коллектив. В отчете домпросвета перечислены 82 темы докладов и лекций (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 24. Л. 3–4 об.)

Тематика лекций 1934–1935 гг. включала вопросы советского строительства, экономического развития во второй пятилетке, культурной революции, обороноспособности страны, профсоюзного движения, достижений советской власти, международного положения. Часть лекций была связана с датами «красного календаря» (8 Марта, 1 Мая, День Красной армии, День советской авиации, День советской печати, День Красного флота, Международный юношеский день), другие – с годовщинами революционных и памятных событий (30 лет революции 1905 года, Парижская коммуна, 11 лет без Ленина по Ленинскому пути, Апрельские тезисы, 25 лет со дня смерти Л.Н. Толстого и др.). Обязательно освещались различные хозяйственные кампании – посевная, уборочная, «займовская» (госзаймы). В 1934 г. состоялся XVII съезд ВКП(б) – «Съезд победителей», этому событию были посвящено более 150 лекций и докладов («проработка тезисов» съезда – 40 на периферии и 7 на стационаре; изучение доклада Сталина – 48 и 18 соответственно; «проработка XVII партсъезда» – 28 на периферии; решения съезда – 10 и 8, историческое значение съезда – 3 на стационаре), а в марте на периферии было проведено два политбоя с 71 участником ... по докладу Сталина (!). Оперативно откликались на партийно-

советские общегосударственные события 1935 г. (VII съезд Советов СССР, Июльский и Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), Мартовский пленум Ленинградского обкома ВКП(б), VII конгресс Коминтерна, Второй съезд колхозников-ударников, Ленинградский областной съезд Советов). Изменениям во внутренней политике СССР были посвящены доклады «Классовая борьба на современном этапе», «Борьба партии с *троцко-зиновьевским охвостком*»; разъяснялось значение стахановского движения.

Национальная политика освещалась и в целом, и на материалах Татарской и Башкирской АССР, чему, в частности, были посвящены доклады об очередных годовщинах этих республик (15-я и 16-я годовщины Башкирской АССР, 15-летие Татарской АССР), о промышленном развитии и культурном строительстве республик во второй пятилетке, о Девятом съезде Советов Башкирской АССР. Была прочитана и установочная лекция «Овладение техникой и внедрение тех. учебы среди нацмен-рабочих».

Международное положение освещалось как в общем, так и по отдельным направлениям: борьба СССР за мир, необходимость укрепления обороны страны, мировое революционное движение, деятельность Исполкома Коминтерна, германский фашизм; СССР и Германия, Япония и СССР, политика японского империализма, Женевская конференция, борьба пролетариата за советскую Испанию, итало-абиссинская война, Красная армия Китая, борьба за Советы и диктатуру пролетариата в Китае («Китайско-Советская власть и задачи КПК»).

Особое внимание уделялось антирелигиозной работе, проводимой как с научных («Происхождение мира и Земли», «Происхождение религии», «Происхождение ислама»), так и классовых позиций, поскольку борьбе с религией придавалось политическое значение. Так, в 1934 г. было прочитано 10 лекций на стационаре на тему «Маркс и Ленин о религии», в 1935 г. – 9 лекций «Борьба с религией – борьба за социализм», 6 – «Религия и фашизм». Проводились и массированные кампании, адресованные в основном сезонникам и направленные против двух главных исламских праздников – Ураза-Байрам и Курбан-Байрам. В 1934 г. на периферии было прочитано 56 лекций на тему «Социальная сущность Курбан-Байрам» (при двух лекциях на стационаре) и 23 лекции в рамках кампании «Антиураза» – о происхождении и смысле праздника Ураза-Байрам, в то время как в самом домпросвете всего одна. 1935 г. в этом смысле оказался менее насыщенным: прошло всего 11 лекций о празднике Ураза и 6 – о Курбан-Байраме. Была задействована и печать: в 1934 г. в домпросвете выпустили антирелигиозную стенгазету в связи с Курбан-Байрамом, а в 1935 г. – одноразовую многотиражку «Эшче» тиражом 5 тыс. экз. в рамках кампании «Антиураза» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 1–7, 17; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 24. Л. 3–4 об.).

Лекции и доклады на стационаре часто «ставились» не отдельно, а в качестве первой части массовых вечеров, тематика которых была идеологически выверена и соотносилась с революционными праздниками, важными политическими событиями. Так, в документах 1934 г. указано не количество вечеров, а

их основная тематика: проработка материалов и решений XVII съезда ВКП(б), пере выборы Советов, Октябрьские праздники, материально-культурный рост национальных республик СССР, международное положение. Был проведен женский вечер к Международному женскому дню 8 марта. Для детей организовали три утренника, в которых приняли участие 599 человек.

Экскурсии были организованы в Музей революции, Этнографический, Военно-морской, Музей Рабоче-крестьянской Красной армии, в Петропавловскую крепость, в Детское Село, Павловск, Новый Петергоф, к Шалашу Ленина; культпоходы – в зоопарк и цирк.

В декабре 1934 г. было проведено четыре митинга и выпущена газета-бюллетень в связи с убийством С.М. Кирова (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 1–7, 10, 11 об.).

В «восточных» домпросветах – ДПНВ и Татарском – серьезное внимание уделялось «женскому вопросу» с упором на проблемы равноправия и социальной роли женщины, ее положению в семье, преодолению старых семейно-бытовых традиций, которые «закрепощали» женщину. Доклады на эту тему читались и в смешанной аудитории. Они составляли обязательную первую часть «женских вечеров». В 1935 г. в Татарском ДПР (на стационаре и на периферии), кроме традиционных мероприятий по поводу Международного женского дня 8 Марта, были прочитаны доклады «Женщина в СССР и капиталистических странах» (7 докладов), «Воспитание детей в СССР и в капиталистических странах» (4), «Гигиена быта рабочей семьи» (18) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 2. Л. 3–4 об.). Для помощи работающим женщинам Татарский ДПР в 1933 г. открыл даже два «нацмендеточага» – национальных дошкольных заведения (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 7. Д. 1. Л. 7 об.), но в дальнейшем это направление работы не получило развития.

* * *

Архивные документы позволяют познакомиться с работой Татарского ДПР в первом полугодии 1937 г. В первом квартале было прочитано 18 докладов, тематика которых в первую очередь отвечала политической ситуации в стране и мире (Сталинская Конституция, сущность троцкизма, судебный процесс против «троцкистско-зиновьевской банды», итоги «36-го стахановского года», очередная сессия ЦИК СССР, события в Испании). В 1937 г. проводилась большая «Пушкинская кампания» в связи со 100-летием со дня смерти А.С. Пушкина, во время которой в домпросвете прозвучали лекция о творчестве великого русского поэта и доклад о влиянии Пушкина на татарскую литературу. Сама татарская литература освещалась в лекциях о Г. Ибрагимове и Х. Такташе, с художественным чтением стихотворений последнего. Был сделан доклад о хозяйственно-культурном росте Башкирской АССР. Количество присутствующих на докладах и лекциях указывалось в пределах 250–350 человек. Из этого ряда выпадают две лекции – о творчестве Пушкина (58 слушателей) и о Конституции

(всего 28 слушателей), что вызывает удивление, но, скорее всего, соответствует действительности (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 62. Л. 1–2).

Количественные итоги работы домпросвета за первое полугодие 1937 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 61. Л. 1–3, 6–8) сгруппированы в таблице 1.

Таблица 1

Статистика о мероприятиях Татарского ДПР (январь – июнь 1937 г.)

Название мероприятия	Стационар		Периферия	
	Количество, ед.	Охват, чел.	Количество, ед.	Охват, чел.
Лекции, доклады, беседы	59	19546	48	2907
Вечера литературные	6	1900		
Вечера прочие	65	28810	1	350
Спектакли, концерты (самодеятельность)	34	13460	6	2000
Спектакли, концерты (приглашенные)	17	5687		
Киносеансы	25	7390		
Детские утренники	6	2350		
Экскурсии	8	522		
Культопоходы	10	191		
Слеты, конференции, собрания	3	53		
Всего	233	79909	55	5257

Таким образом, за полгода было проведено 288 мероприятий с 85166 участниками, из них на периферии всего 19%. Такое падение уровня периферийной работы (в 1934 г. она составляла две трети всей работы домпросвета!) не могло не вызвать негативную реакцию властей. Какие причины вызвали это падение? Здесь следует указать на недостаток финансирования домпросвета и его небольшой штат (максимальное количество сотрудников 16 человек, в том числе две уборщицы, монтер, сторож, истопник, гардеробщик, пожарный, завхоз, бухгалтер). По выражению одного из участников заседания актива (декабрь 1935 г.), «В ДПР только один зав в трех лицах: зав, массовик и методист, но исполнить всю работу ни в коем случае не может. Нужны работники. Нужно добиться через Горком партии соответствующих кадров – массовика, методиста, инструктора и др.» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 44. Л. 2 об.).

Весьма значимым фактором в сложностях работы домпросвета на периферии было отсутствие должной заинтересованности со стороны самой этой «периферии». Так, в мае 1935 г. на общем собрании в Татарском ДПР отмечалась «недооценка нацменработы на заводе им. Радищева, который не хочет прово-

дить нацменработу на родном языке» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 44. Л. 8), а на заседании актива домпросвета от 28 декабря 1935 г. представитель 5-й ГЭС указывал уже на тенденцию: «На производствах нигде нет специального красного уголка для рабочих-татаро-башкир. Лекции и беседы проводятся только в комнатах или бараках, что не дает нужного эффекта. Клуба нам администрация не дает, красного уголка не выделяет, на культработу среди татаро-башкир смотрит сквозь пальцы» (орфография подлинника – Т.С.) (Там же. Л. 2). В резолюцию заседания был включен пункт о необходимости «устранения халатного отношения со стороны профсоюзных и хозяйственных организаций на предприятиях к проведению Тат. Домпросветом культурно-массовой работы среди рабочих нацмен» (Там же. Л. 3 об.). Ситуация менялась мало, и в 1936 г. руководство домпросвета снова высказывало претензии к профсоюзным организациям в связи с тем, что они «не считают нужным работу среди националов <...> несмотря на согласованный план культмассовой работы Татарского ДПР с местными организациями» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 23).

При оценке средней посещаемости мероприятий возникают вопросы о корректности отчетных данных. Так, в среднем на лекциях/докладах в домпросвете получается 330 слушателей, на детском утреннике – 390 человек, на каждом концерте художественной самодеятельности – почти 400 человек, а на каждом «прочем» вечере – более 440, однако единственный зрительный зал в ДПР имел 232 места. По поводу концертов и вечеров можно найти объяснение такой «перенаселенности» зала – они пользовались огромной популярностью. В сводном отчете массового отдела Ленсовета о работе национальных ДПР в 1934 г. отмечается: «Нацменовские художественные единицы прочно завоевали свое почетное место в жизни нацменов и пользуются колоссальной популярностью и любовью с их стороны – они буквально *прут на свои национальные постановки и заполняют залы до отказа*. Часто можно наблюдать такую картину, когда нацмены стоят в очереди за билетами на свои постановки на улице (Татарский дом, Дом народов Востока). И немудрено. Многие самодеятельные кружки у нас давно переросли рамки самодеятельности и приобрели высокохудожественное качество» (курсив мой. – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 4. Л. 8). Но трудно представить, что лекции пользовались подобной популярностью, да и можно ли серьезно говорить об эффективности лекционной работы в таких условиях?

* * *

Самым ярким массовым мероприятием Татарского ДПР был национальный праздник «Сабантуй», возобновленный в Ленинграде в 1932 г. в форме «советского Сабантуя». Фотографии 1932 г. запечатлели этот праздник на территории сада Выборгского дворца культуры: редактор центральной татарской газеты «Коммунист» (Москва) И. Агишев выступает с разъяснением отличия нового «Сабантуя» от старого; пионеры 53-й татарской школы идут со знаменем и транспарантом под барабанный бой на праздник; двое серьезных мужчин дерутся подушками. «Сабантуй» 1934 года проводился в форме областного сле-

та ударников при общем участии 10 тыс. человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 5, 11 об.). Участники художественной самодеятельности и члены агитбригады домпросвета премировались за «ударные» выступления на Сабантуе (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 43. Л. 9–9 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 44. Л. 7–7 об.). На Сабантуе 1936 г. («Праздник серпа и плуга») выступали, кроме художественной самодеятельности Татарского домпросвета, коллективы Эстонского, Польского, Финского ДПР и Дома народов Востока; были организованы традиционные развлечения летнего праздника: татарская борьба, бег «простой, спаренный и в мешке», битье горшков, конкурсы баянистов, певцов и танцоров. Особо были отмечены стахановцы с различных предприятий – 53 человека, а 15 из них – «стахановцев и отличников» – работников фабрики «Рабочий», заводов «Красный Выборжец» и им. Радищева, грузостанции треста «Лентрамвай», Кузнечного рынка и Европейской гостиницы» – были награждены премиями в сумме от 50 до 125 руб., выделенными их организациями. Во время праздника около 300 участников, в том числе детей стахановцев, накормили обедом (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 47. Л. 1–3, 6–7).

* * *

В Татарском ДПР постоянно работали более десяти кружков и курсов общеобразовательной и профессиональной подготовки. Их набор был практически однотипным во всех национальных домах просвещения. К обязательным относились политкружок (в 1934 г. – кружок истории ВКП(б)), кружки военный и физкультурный (было два физкультурных, один из них акробатический), отдельно – шахматный, кружки (курсы) ликбеза и общеобразовательной подготовки в техникумы и вузы. В 1935 г. работал географический кружок, а кроме общеобразовательных курсов – отдельный кружок по изучению татарского и русского языков и математики. Практических специалистов готовили в домпросветах на курсах профессиональной подготовки: в 1934 г. – электромонтеров, в 1936 – автодорожный (подготовка шоферов). Большой популярностью во всех домпросветах пользовался женский кружок (курсы) кройки и шитья, позволявшие женщине не только обслуживать нужды семьи, но и работать на дому. Их технических кружков всегда присутствовал фотокружок. Набор художественных кружков мог немного варьироваться: хоровой, музыкальный (художественной самодеятельности), хореографический (балетный, ритмики), литературный, драматический. Особой формой могла быть постоянная агитбригада. Во всех кружках в 1934 г. занимались («обучались») 207 человек. Создавались и отдельные кружки на предприятиях, прежде всего политкружки (напр., 10 кружков в 1934 г.) и курсы ликбеза (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 3, 8, 11–12, 16; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 24. Л. 1; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 22).

* * *

Дома просвещения занимались систематической работой по преодолению культурной отсталости и повышению уровня образования взрослого населения. Одно из важнейших направлений культурно-массовой работы Татарского домпросвета – ликвидация неграмотности. Используя лексику 1930-х годов, можно сказать, что домпросвет был активным действующим бойцом на этом фронте – его сотрудники и привлеченные учителя работали в кружках ликбеза по всему Ленинграду. Занятия проводились в самом помещении домпросвета, в клубах и красных уголках предприятий и непосредственно в общежитиях для сезонных рабочих. К осени 1933 г. национальные домпросветы Ленинграда развернули 243 ликпункта (пункта ликвидации неграмотности), абсолютное большинство которых – 178 – предназначалось для татар (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 7. Д. 1. Л. 7). В 1934 г. на стационаре Татарского ДПР был один кружок ликбеза, в котором занимались 17 человек, и общеобразовательные курсы (для малограмотных) с двадцатью учащимися, а на периферии кружки ликбеза для татар и башкир работали еще по 28 адресам разных строительных организаций и предприятий: на стройках Кировского района – 3, Московского – 7, Василеостровского – 5, Выборгского – 11, Володарского – 1, в объединении «Строительный рабочий» – 3; на Ленмясокомбинате (11), в Авиагородке (5), на заводе «Красный Треугольник» (5), на Октябрьской железной дороге (2), на погрузочной станции (2), во всех четырех жилгородках треста «Экспортлес», на Ленинградском промышленном комбинате и просто – «на улице Шкапина» (5) – всего 65 кружков/групп с общим количеством учащихся 1033 человека (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 8, 11).

Данные о работе кружков ликбеза в 1935 г. значительно скромнее: в годовом отчете Татарского ДПР указано пять групп на предприятиях «Мостотрест», «Трансгруз», «Невхимкомбинат», заводы «Красный Треугольник» и «Гидротехпром» с общим количеством учащихся 170 человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 24. Л. 2).

Сокращение числа курируемых кружков ликбеза связано с несколькими обстоятельствами. Не следует забывать, что задачей ликвидации неграмотности было именно обучение грамоте, курс обучения был краткосрочным – составлял несколько месяцев, «выпускники» должны были уметь читать и писать и официально переходили из категории неграмотных в категорию малограмотных. Таким образом, из года в год сокращалось число полностью неграмотных. Происходившая смена временного контингента рабочей силы также имела значение, ведь кампания по ликвидации неграмотности была всесоюзной и проводилась и в местах постоянного проживания сезонников. В целом уровень грамотности татар в СССР (в возрасте от 9 лет) вырос с 41,7% в 1926 г. до 77,9% в 1939 г. (Грамотность населения..., 1992: 83).

Работой по ликвидации неграмотности на предприятиях Ленинграда занимались профсоюзы, местным организациям которых было легче, чем «приходящему» домпросвету, решать практические вопросы – оплачивать работу пре-

подавателей, согласовать расписание занятий с режимом труда, обеспечить посещаемость и т.п. Однако в этом случае создавались общие группы без учета национальности и родного языка учащихся, что, несомненно, затрудняло их обучение. Наконец, не следует забывать, что штаты и бюджет ДПР не были рассчитаны на содержание нескольких десятков кружков ликбеза, так что можно предположить, что домпросвет просто надорвался на этой работе.

В докладной записке в городской комитет ВКП(б) от 20 мая 1936 г. руководство домпросвета отмечало помощь «местному профессиональному органу по ликвидации неграмотности и малограмотности» на фабриках, заводах и новостройках с большим количеством татар и башкир: «Экспортлес» и его жилгородки, заводы «Красный химик», «Красный Треугольник», «Республика», им. Радищева, Невский химкомбинат, Лендорхоз, Авиагородок, 2-я и 5-я ГЭС, Мясокомбинат, 4-й стройучасток Октябрьской железной дороги, пос. Металлострой (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 23).

Не все выдерживали дополнительную к полному рабочему дню нагрузку в ликбезе, сменный график работы не всегда соответствовал расписанию занятий, в связи с чем происходил «отсев по причинам невозможности отрыва от производства» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 12). Набор обязательных учебных предметов состоял из русского и родного языков, арифметики и обществоведения, в кружках для малограмотных к ним добавлялись еще естествознание и география. Объем (в учебных часах) изучаемых в ликбезе предметов составлял 316 час., в том числе родной язык – 120 час., русский язык – 80 час., математика – 80 час., обществоведение – 36 час. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 30. Л. 6).

Обучение грамоте на татарском языке велось на латинской графике. Переход на «новый алфавит» (латинский) приобрел официальный статус в 1929 г. с выходом постановления ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР». В работе ликбеза сочеталось обучение на родном и русском языках. Обучение на русском языке создавало дополнительные трудности для плохо владеющих им инофонов, но одновременно погружало их в звуковую и письменную систему русского языка, способствовало адаптации в русскоговорящем городском социуме. Большинство обучавшихся в ликбезе приобретали навыки письма и чтения на двух языках. В 1934 г. в 11-ти кружках ликбеза Ленмясокомбината был «выпущен» 81 из 111 человек обучающихся, а в домпросвете первый цикл «школы грамоты» окончили и были переведены на второй 28 человек, после которого получали возможность перейти в «учебное заведение с промышленным уклоном» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 8,12).

* * *

Одним из важнейших участков политической и культурно-просветительной работы национальных домов просвещения были библиотеки и читальни с литературой и прессой на родном и русском языках, причем количество названий получаемых газет и журналов росло год от года. Кроме индивидуальной работы с читателями, библиотека вела массовую агитационно-пропа-

гандистскую и культурно-просветительную работу. Регулярно, 4–5 раз в месяц проводились громкие читки газет и журналов, что было важно в первую очередь для малограмотных. К датам «красного календаря» и в связи с текущими политическими событиями устраивались книжные выставки, составлялись рекомендательные списки литературы, проводились беседы/ консультации. Такая же работа велась и по художественной литературе. Библиотека курировала работу литературного кружка домпросвета, обеспечивала репертуаром кружки художественной самодеятельности. Несколько раз в год проводились массовые мероприятия: читательские конференции – и по общественно-политической, и по художественной литературе; литературные вечера, посвященные деятелям национальных (татарской и башкирской) литератур, а также классикам русской литературы. При библиотеке был организован актив, помогающий сотрудникам в привлечении новых читателей, в организации и проведении мероприятий. Особой формой работы было выявление среди читателей библиотеки стахановцев и предоставление им различных льгот – они могли брать книги на более длительный срок, часть из них обслуживалась индивидуально – на дому и на производстве.

Читальня была местом тихого культурного досуга, здесь имелись настольные игры – шахматы, шашки, домино, пользовавшиеся большим спросом у посетителей. Некоторое время библиотека отчитывалась о количестве игроков: так, за 1934 год в шахматы сыграли 1810 человек, в шашки – 1900 человек, доминошников почему-то было гораздо меньше – всего 800 человек. В январе 1935 г. шахматистов оказалось 78 человек, шашистов – 76, в домино сыграли 86 человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 18, 20).

Показательна динамика книжного фонда библиотеки Татарского ДПР. В сводном отчете по всем национальным домпросветам за 1932 г. книжный фонд созданной в том же году татарской библиотеки относился к количественной группе 1200 – 1500 экз. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 4. Л. 8). Есть сомнения в правильности этой цифры, так как на 1 января 1934 г. в библиотеке Татарского ДПР насчитывалось уже 9155 экз. книг и брошюр, из них на языке «коренной народности» 8134 экз. (89%) (скорее всего, на татарском языке), при этом за 1933 г. поступило 1213 экз. разной литературы. Читателей было 300 человек, все «коренной народности». Весь фонд библиотеки делился на общественно-политическую литературу – 1500 экз. (в том числе работы К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина – 179 экз.); научную – 196 экз. по техническим и «прикладным» наукам – 321 экз.; по сельскому хозяйству – 193 экз.; художественной литературы насчитывалось 1074 экз., отдельно детской – 100 экз., прочей – 357 экз. Кроме того, имелось еще 4663 брошюры, из которых только 890 экз. (19%) были «не на русском языке», то есть на татарском и башкирском. Таким образом, в итоге весь библиотечный фонд составлял 8404 экз. Регулярно комплектовались библиотечки-передвижки на предприятия и в татарские школы, за год передвижки обновились 44 раза, общее количество книг

в них составило 1320 экз., но книговыдач было всего 500 (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 13. Л. 19 – 19 об.).

В годовом отчете Татарского ДПР за 1935 г. указан уже гораздо меньший книжный фонд – всего 5624 экз. вместе с брошюрами. Дан такой комментарий: «Библиотека укомплектована нужной литературой не в достаточной степени, особенно не хватает новой современной литературы и стабильных учебников для высшей и средней школы». Проблема учебников была тем более своевременной, что библиотека шефствовала над всеми тремя татарскими школами Ленинграда. Работали 6 передвижек, в которых в течение года было выдано 535 книг. С момента создания татарской библиотеки в ней работали люди без специального образования, и только в сентябре 1935 г. библиотекарем стал студент библиотечного техникума, который подошел к делу профессионально, определил первоочередные задачи по улучшению положения дел (сохранность фонда, учет мероприятий и т.п.), а также необходимость «...срочно провести переинвентаризацию книг и всего би-хозяйства» (так в подлиннике – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 24. Л. 7 – 8 об.). Действительно, эта мера была своевременной, судя хотя бы по несоответствию цифр общей величины книжного фонда за 1934 год и суммы его составляющих.

На конец мая 1936 г. в библиотеке насчитывалось около 6 тыс. экземпляров книг и брошюр, читателей было 534 человека. Для обслуживания татар и башкир, занятых на предприятиях Ленинграда, было создано 10 передвижных библиотечек, в которых было выдано 850 книг. В читальный зал поступило 55 экз. газет и журналов на татарском, башкирском и русском языках. Но общественно-политической литературы, в особенности работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина, на родных языках обслуживаемого контингента было мало, что считалось серьезным недостатком в работе домпросвета (ЦГА-ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 24–25).

С середины 1930-х годов отчетливо проявляется тенденция постепенного снижения удельного веса политической литературы на родном языке в пользу ее русскоязычного варианта. Литература на русском языке была более идеологически «прозрачна», в то время как контроль за содержанием книг на других языках был серьезно затруднен. К тому же многие представители национальных меньшинств стремились к приобщению к своей национальной художественной культуре на родном языке, а политическое их воспитание происходило преимущественно на русском языке, что было естественным в условиях русскоязычного города.

В 1937 г. библиотека Татарского ДПР насчитывала 4725 экз. книг, из них на татарском языке – 3700 экз., что составляло 78% от всего фонда. В читальню выписывалось 14 названий газет и 26 журналов. Постоянных читателей в библиотеке было 836 человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 65. Л. 2).

Для удобства анализа сведем имеющиеся данные в таблицу 2.

Таблица 2

Статистика по библиотеке Татарского ДПР

Год	Книжный фонд (экз.)					Кол-во читателей (чел.)				Газет и журналов	
	Всего	в т.ч. на родном языке	в т.ч. общ.-полит.	В т.ч. художеств.	в передвижках (за год)	Всего	на абонемент	в чит.-не	в передвиж.	названий	экз.
1932	до 1500										
1934	9155	8134	1500	1074	1320	300				12	
1935	5624				525	379	299	80	414		
1936	6000				850	534					55
1937	4725	3700				836				40	

Несмотря на неполноту и некоторый разноречивый данных, можно выявить определенные тенденции. Так, прежде всего бросается в глаза уменьшение книжного фонда библиотеки в 1935–1937 гг. Это связано с изменением советской культурной и национальной политики. В Ленинграде 29 декабря 1934 г. состоялось партсовещание заведующих национальных домов просвещения и руководителей массовой работы, на котором было принято предложение «... библиотечному сектору Массового отдела совместно с заведующими ДПР просмотреть каталог книг библиотек домов просвещения <...> «ненужные книги из обращения изъять» (курсив мой. – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 11. Д. 18. Л. 6). «Ненужными», идеологически ошибочными и вредными, и даже – контрреволюционными – признавались все работы тех советских и партийных деятелей, а также представителей национальной интеллигенции, которые попадали под каток политических репрессий. «Чистки» библиотек национальных домпросветов производились ежегодно, в результате уменьшался книжный фонд. 11 июня 1937 г. вышел приказ Массового отдела Ленсовета о закрытии всех библиотек национальных домов просвещения «для переучета книжных фондов и переинвентаризации их» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3. Д. 33. Л. 5). Эта кампания оказалась последней в судьбе национальных библиотек Ленинграда.

* * *

Яркой страницей в жизни татар Петрограда – Ленинграда был национальный театр (Смирнова, 2016: 321–338), создававшийся в городе дважды. Летом 1921 г., в связи с наплывом беженцев из голодающего Поволжья, в Петрограде была организована Мусульманская труппа (Муструппа), главный режиссер – Галлям Саттаров. В 1922 г. эту первую петроградскую профессиональную татарско-башкирскую труппу возглавил народный артист, один из основателей башкирского театра Валиулла Муртазин-Иманский. Деятельность театра пре-

кратилась в связи со свертыванием работы городской комиссии Помгола и возвращением массы беженцев на родину в 1923 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 315. Л. 1; ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 4, 10, 16).

7 октября 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «Об улучшении театрального дела», направленное на перестройку системы руководства театрами, где был специальный пункт о расширении и укреплении сети национальных театров (Об улучшении театрального дела..., 1930: 2). На основании этого постановления татарский драмкружок Дома просвещения народов Востока (Татарский агиттеатр) в декабре 1932 г. был преобразован в профессиональный коллектив – Ленинградский Областной передвижной Татарский театр (использовалось и название Ленинградский Государственный татарский театр) (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 31. Л. 101). В труппе под руководством Абдуллы Юсупова первоначально было 28 человек, но вскоре штат театра сократился до 13 человек. Базовой сценой театра стал Татарский ДПР, но условия работы в довольно тесном помещении были непростыми. Театр находился в системе Ленинградского Областного управления театров (ЛОУТ), выступал в Ленинграде и гастролировал по всей Ленинградской области, на промышленных новостройках и предприятиях торфо-сланцевой промышленности – в Волховстрое, Назиястрое, Невастрое, в городах Хибиногорске, Кировске, Кандалакше, Мурманске, Петрозаводске, где работало много татар и башкир. Он выезжал на гастроли в другие регионы страны.

За 1932 г. и первый квартал 1933 г. театр осуществил 164 выступления (спектакли и концерты), которые посетили 55 тыс. чел., в 1934 г. – 94 спектакля с охватом зрителей 41 тыс. чел. В мае – июле 1933 года театр впервые гастролировал по РСФСР.

На 1935 г. было запланировано 128 выступлений в Ленинграде и пригородах, а также 60 гастрольных, из них 20 – в Мурманском округе Ленинградской области, а 40 спектаклей – в Донбассе, Московской, Ивановской и Ярославской областях. Общий охват зрителей предполагался в 48 тыс. человек (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 2. Л. 6; Д. 32. Л. 2–3). Но план больших гастролей по стране не был реализован, так как в мае 1934 год театр был передан из специализированного театрального управления – ЛОУТ – в непосредственное ведение Татарского ДПР, что значительно ухудшило положение театра – он лишился дотаций и переходил на самоокупаемость, труппа сокращалась (сначала до 9 человек, но была все же пополнена до 13 человек). Это неизбежно вело к ограничению работы театра (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 2. Л. 6–7; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 6. Л. 5, 12–12 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 75. Л. 42 об.).

Несмотря на существенные изменения статуса, Татарский театр вел активную творческую деятельность и оставался магнитом для национальной аудитории. В репертуар театра входило до 20 пьес татарских и башкирских авторов, а также переводные (с русского) пьесы: «Камиль» Х. Такташа, «Славное время» Р. Ишмурата, «Хаджи женится» («Хаджи эфенди женится») и «Уч» («Месть») Ш. Камала, «Галиябану» и «Цветы» М. Файзи, «Мирас» («Наследие») Уралье-

на, «Адашлар» («Тезки») Илечаева, «Булат-бабай» («Булат бабай семьясы» – «Семья дедушки Булата») К. Тинчурина и К. Наджми, «Карачул» Д. Юлтыя, «Москвички» Ракипа, «Алатау» А. Тагирова, «Своим путем» А. Глебова, «Чудесный сплав» В. Киршона, «Бунт» (о крестьянском восстании в Башкирии), «Слушайте!» (о ликбезе), «Советские крысы» (о бюрократизме) (История советского..., 1968: 489; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 96; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 32. Л. 7–8).

Спектакли театра пользовались успехом у зрителей. Однако судьба Татарского театра решалась «в инстанциях». 29 сентября 1935 г. появился приказ отдела Массовой политико-культурно-просветительной работы Ленсовета, который гласил:

«Учитывая низкое качество работы Татарского театра при Татарском Домпросвете, отсутствие квалифицированных руководителей, владеющих методикой работы нац. театра, вследствие чего театр не может обеспечить выросших культурных запросов трудящихся татар, приказываю:

§ 1. Татарский театр в настоящем составе ликвидировать. Директору театра тов. Шарфжанову (Шарафжанову – Т.С.) в десятидневный срок сдать дела под полный денежный и материальный отчет по Татарскому театру Татарскому Домпросвету.

§ 2. Тов. Галееву (директор ДПР – Т.С.) создать самостоятельную драматическую группу из рабочего актива Татарского Домпросвета» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 17. Л. 4).

Таким образом, театральное-художественная деятельность среди ленинградских татар все же не прекратилась полностью – в домпросвете была создана театральная мастерская под руководством О.М. Аракчеевской (худрук и преподаватель актерского мастерства). В дальнейшем название «театральная мастерская» исчезает, а вместо него появляется «театральная группа» и «драмкружок». В мае 1936 г. в Ленинграде проходит Олимпиада национальной художественной самостоятельности и народного творчества, в которой успешно выступили члены татарской театральной группы. Последним руководителем драмкружка Татарского ДПР в 1937 г. была Ираида Петрова (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 6. Л. 7; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 43. Л. 8; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 65. Л. 4; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 73. Л. 3–4; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 75. Л. 10–13).

* * *

Штат сотрудников домпросветов подбирался в духе времени – в соответствии с классовым подходом, и особенно это касалось руководящего состава. Первым заведующим Татарского ДПР был Жамах Хусаинович Хусаинов, 1900 года рождения, из рабочих, член ВКП(б). 15 мая 1935 г. он был уволен с должности по собственному желанию (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 6. Л. 5; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 34. Л. 7). 3 августа 1936 г. в докладной записке «О национальных домах просвещения» заведующего культпросветотделом гор-

кома ВКП(б), направленной в обком и горком ВКП(б), Хусаинов упомянут как «осужденный сейчас за контрреволюционную деятельность» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 «в». Д. 1611. Л. 8).

Новым заведующим Татарским ДПР в мае 1935 г. стал Зариф Галеевич Галеев, 1894 года рождения, из крестьян, социальное положение – рабочий, член ВКП(б) с 1925 г. Образование – сельская начальная татарская школа, курсы и совпартшкола. В Ленинграде с 1929 г. работал на заводе им. Радищева, откуда в мае 1932 г. Облисполком направил его на работу в ДПНВ. В Татарском ДПР работал заведующим массовой работой (массовиком), и с этой должности 15 мая 1935 г. распоряжением Массового отдела Ленсовета назначен временно исполняющим обязанности заведующего домпросветом (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 1. Л. 25; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 6. Л. 5, 34; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 75. Л. 28–30).

Образование у нового заведующего было явно недостаточным, его работа вызывала нарекания руководства. В справке о деятельности национальных домов просвещения ему дана нелестная характеристика: «Заведующий т. Галеев – малограмотный и малокультурный человек, не может обеспечить действительное развертывание культмассовой работы в ДПР», в связи с чем требовалось направить в домпросвет на постоянную работу «двух коммунистов, имеющих политическое образование в качестве заведующего ДПР и массовика» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 15). 23 мая 1936 г. З.Г. Галеев был снят с работы после проверки работы домпросвета «как не справившийся с обязанностями» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 24. Л. 136).

Замену Галееву подбирали срочно – 25 апреля 1936 г. на должность массовика с месячным испытательным сроком был принят Валяутдин Галяутдинович Галяутдинов, 1901 года рождения, из крестьян, уроженец дер. Татарские Студенцы. Социальное положение указано необычно – «политпросветчик», член ВКП(б) с 1930 г., окончил в 1935 г. Комвуз им. Крупской, свободно владеет татарским и русским языками. Более высокий уровень образования по сравнению с предшественником сыграл решающую роль в назначении В.Г. Галяутдинова временно исполняющим обязанности заведующего Татарским ДПР уже с 23 мая 1936 г. «Временность» была подчеркнута дополнительным пунктом приказа: «Для повседневной помощи руководству Домпросвета прикрепить инспектора нацмен сектора [массового отдела Ленсовета] т. Крылова *до назначения нового руководителя*» (курсив мой. – Т.С.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 24. Л. 136; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 43. Л. 4 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 76. Л. 37–38 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 81. Л. 10–10 об.).

«Вновь принятый массовик, недостаточно подготовленный» Галяутдинов работал заведующим недолго – 11 февраля 1937 г. его сменил «по совместительству» бывший до того времени заведующим ДПНВ Борис Николаевич Сотниченко (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 71; ЦГАЛИ СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 65; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 58. Л. 50; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258.

Оп. 9. Д. 56. Л. 1). Б.Н. Сотниченко оказался последним заведующим обоих домов просвещения, ликвидированных осенью 1937 г.

* * *

Советская политика в отношении культуры национальных меньшинств начала меняться в середине 1930-х годов. Возобладала точка зрения о необходимости ускорить их ассимиляцию для достижения большей унификации общества. Эта тенденция в условиях развернувшегося в стране политического террора привела к ликвидации практически всех организованных форм культурной жизни национальных меньшинств.

4 октября 1937 г. состоялось заседание бюро Ленинградского горкома ВКП(б), на котором стоял вопрос «О политической и культурно-просветительной работе среди трудящихся нацменьшинств». Докладчики отмечали, что эта работа «крайне запущена», а деятельность самих ДПР приводила к «искусственному обособлению нацменьшинств от всей массы трудящихся». Бюро горкома ВКП(б) постановило существующие к тому времени в Ленинграде национальные домпросветы – финский, еврейский, эстонский, польский, немецкий, татарский, латышский, народов Востока – ликвидировать. Работу с национальными меньшинствами следовало проводить в общих домах культуры, клубах и красных уголках, «всячески помогая трудящимся нацменам в овладении русским языком и вовлекая их в общую работу» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 878. Л. 3).

Это директивное решение было проведено в жизнь «в советском порядке»: 20 октября 1937 г. приказом № 228/1079 Культпросветотдела Ленсовета Татарский ДПР был ликвидирован (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9. Д. 56. Л. 1).

В это время на базе Татарского ДПР работали три художественных коллектива – драматический и акробатический кружки, струнный оркестр (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2215. Л. 44–45). Эти коллективы планировалось передать Дому художественной самодеятельности (ул. Некрасова, 10), но по состоянию на март 1938 г. они числились в домах культуры и в фабрично-заводских клубах (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 57. Л. 39; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 (II). Д. 2092. Л. 57). Вся литература из библиотеки домпросвета была передана в библиотеку им. Ворошилова в Жилгородке «Экспортлеса» Кировского района (ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 58. Л. 47; Д. 71. Л. 2).

* * *

Весь комплекс политической, культурно-просветительной, художественной, общеобразовательной работы и даже профессиональной подготовки по некоторым специальностям для татар и башкир Ленинграда проводился в 1920-х –1930-х гг. на базе государственных учреждений – национальных клубов, затем Дома народов Востока и Татарского Дома просвещения. Благодаря этой разнообразной деятельности происходила аккультурация и социально-культурная адаптация «нового населения» в условиях большого города, сохранялись зна-

чимые элементы национальной культуры в условиях полиэтнического города с доминированием русского большинства населения. Поспешная ликвидация системы культурной жизни национальных меньшинств с целью ускорить унификацию общества была ошибочной и малоэффективной. Опыт работы национальных домов просвещения, в том числе Татарского, в советском довоенном Петрограде-Ленинграде, несмотря на излишнюю идеологизацию и политизацию их деятельности, свидетельствует о важности организованных форм национально-культурной жизни и необходимости их поддержки государством для позитивного этнокультурного сотрудничества в масштабах региона и выработки чувства общего согражданства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Об улучшении театрального дела. Постановление СНК РСФСР 7 октября 1930 г. // Рабочий и театр. (Л.). 1930. № 58–59. 31 окт.

ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2(II). Д. 2092.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 878.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 24.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 7. Д. 1.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 9.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 11. Д. 18.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 315.

ЛИТЕРАТУРА

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. Приложения. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=66 (дата обращения: 15.04.2024).

Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. Приложения. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=36 (дата обращения: 15.04.2024).

Грамотность населения Союза ССР от 9 лет и старше по национальностям // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Табл. 19 / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992.

История советского драматического театра: в 6 томах / Академия наук СССР, Институт истории искусств Министерства культуры СССР; [редколлегия: А. Анастасьев и др.]. М.: Наука, 1966–1971. Т. 4: 1933–1941 [под ред. Е.И. Полякова]. М.: Наука, 1968.

Материалы по вопросам второй культурной пятилетки 1933–1937 по г. Ленинграду. Л.: Издание Ленплана, 1932.

Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925.

Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5.

Население Ленинграда 1933 г. / Прилож. к Статистическому Бюллетеню № 9 за 1933 год. Л., 1933.

Смирнова Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Санкт-Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб.: Сударыня, 2002.

Смирнова Т.М. Театральная жизнь многонационального Петрограда – Ленинграда. 1917–1941 / СПб гос. Театральная библиотека. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2016.

Тагирджанова А.Н. Татарские детские дома в Петрограде – Ленинграде 1920-х годов // История Санкт-Петербурга. 2008. № 6. С. 53–58.

Юхнёва Н.В. Петербург – Ленинград – многонациональный город // Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области / [Сост. и науч. ред. К.В. Чистов]. СПб., 1992. С. 16–60.

Ярошецкая В.П. Национальные дома просвещения Петрограда – Ленинграда в 1920–1937 гг. (по документам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга) // Многонациональный Петербург: материалы 3-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения 1 марта 2007 г. / Центр. гор. публ. б-ка имени В.В. Маяковского; Санкт-Петербург. Дом национальностей. СПб.: [Б. и.], 2007. С. 31–34.

REFERENCES

All-Union population census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR. *Demoscope Weekly. Appendices*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=66 (accessed: 15.04.2024). (In Russ.)

All-Union population census of 1937. *Brief results* (1991). Moscow: Institute of History of the USSR Publ. (In Russ.)

All-Union Population Census of 1939. National composition of the population by regions of the RSFSR. *Demoscope Weekly. Appendices*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=36 (accessed: 15.04.2024). (In Russ.)

Yaroshetskaya V.P. (2007) National Houses of Education of Petrograd – Leningrad in 1920–1937 (according to the documents of St. Petersburg Central State Educational Institution). In: *Multinational Petersburg. Proceedings of the 3rd conference on information resources of St. Petersburg studies*. March 1, 2007. St. Petersburg: 31–34. (In Russ.)

Yukhneva N.V. (1992) Petersburg – Leningrad is a multinational city. In: *We live on the same land: The population of St. Petersburg and the Leningrad Region*. Comp. and sci. ed. K.V. Chistov]. St. Petersburg: Lenizdat Publ.: 16–60. (In Russ.)

Literacy of the population of the USSR aged 9 and older by nationality (1992) In: *All-Union Population Census of 1939: main results*. Table 19ю Ed. Yu.A. Polyakov. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Materials on statistics of Leningrad and the Leningrad province (1925). Leningrad. (In Russ.)

Materials on statistics of Petrograd and the Petrograd province (1921). Petrograd. Vol. 5. (In Russ.)

Materials on the issues of the second cultural five-year plan 1933–1937 in Leningrad (1932). Leningrad: Lenplan Publ. (In Russ.)

Population of Leningrad in 1933. Appendix to Statistical Bulletin No. 9 for 1933 (1933). Leningrad. (In Russ.)

Smirnova T.M. (2002) *Nationality – St. Petersburg. National minorities of St. Petersburg and the Leningrad region in the 20th century*. St. Petersburg: Sudarynya Publ. (In Russ.)

Smirnova T.M. (2016) *Theatrical life of multinational Petrograd – Leningrad. 1917–1941*. St. Petersburg State Theater Library. St. Petersburg: "Chisty List" Publ. (In Russ.)

Tagirdzhanova A.N. (2008) Tatar orphanages in Petrograd – Leningrad of the 1920s. *Istoriya Peterburga* [The history of St. Petersburg]. No. 6: 53–58. (In Russ.)

The History of the Soviet Drama Theater: in 6 volumes (1966–1971). Vol. 4: 1933–1941 (1968). Ed. E.I. Polyakov / USSR Academy of Sciences. Institute of Art History of the Ministry of Culture of the USSR; editorial board: A. Anastasiev et al. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Смирнова Тамара Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (190000, ул. Большая Морская, 67, лит. А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-9322-6046>; e-mail: mokva@inbox.ru

About the author: Tamara M. Smirnova, Doctor Sc. (History), Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (67, lit. A Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-9322-6046>; e-mail: mokva@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 9.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised 14.02.2025

Принята к публикации / Accepted 21.02.2025

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ**NATIONAL EDUCATION AND ENLIGHTENMENT**

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.103-110>

EDN: OCPVKJ

**О многогранной деятельности просветителя
Шакира Мухтарова в Туркестане****А.А. Исокбоев**

*Наманганский государственный педагогический институт
Наманган, Республика Узбекистан
aliakbar2004@mail.ru*

Резюме. В статье описывается деятельность известного татарского просветителя Шакира Мухтарова по организации новометодных школ в Туркестане. Анализируются его выступления в мусульманской печати Туркестана и Центральной России, участие в развитии национальной печати и типографий. Отдельное внимание уделяется роли Ш. Мухтарова в прогрессивных политических процессах в Туркестанском крае. Делается вывод о том, что татарский ученый Ш. Мухтаров являлся одним из основателей новометодных школ в Туркестане. Он изучал работу новых методических школ, открытых в регионе, и занимался их освещением в газетах того времени. Приверженность Ш. Мухтарова национальному просвещению получила признание в турецко-мусульманской прессе. Ш. Мухтаров сыграл большую роль в издании газет «Тараккий», «Шухрат», «Осиё», когда жил в Коканде. Выяснилось, что проживавшие в этом городе просвещенные татары образовали политическое объединение «Молодая партия», которое способствовало распространению движения джадидизма. В статье раскрывается суть статей Ш. Мухтарова, основанных на прогрессивных идеях, опубликованных в журнале «Шуро», издававшемся в Оренбурге. Работа раскрывает обширную просветительскую деятельность Ш. Мухтарова в туркестанском джадидистском движении.

Ключевые слова: Шакир Мухтаров, джадидизм, национальная печать, новометодная школа, преподавание, журнал «Шуро».

Для цитирования: Исокбоев А.А. О многогранной деятельности просветителя Шакира Мухтарова в Туркестане. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 103–110. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.103-110> EDN: OCPVKJ

On the multifarious activities of the educator Shakir Mukhtarov in Turkestan

A.A. Isokboev

Namangan State Pedagogical Institute

Namangan, Republic of Uzbekistan

aliakbar2004@mail.ru

Abstract. The article describes the famous Tatar educator Shakir Mukhtarov's work in organizing new-method schools in Turkestan. His speeches in the Muslim press of Turkestan and Central Russia, participation in the development of the national press and printing houses have been analyzed. Special attention is drawn to the role of Shakir Mukhtarov in progressive political processes in the Turkestan region. It has been concluded that the Tatar scholar Shakir Mukhtarov was one of the founders of new-method schools in Turkestan. He studied the work of new methodological schools, which had been opened in the region, and was engaged in the coverage of their activities in the newspapers of that time. Mukhtarov's commitment to national education was recognized in the Turkish-Muslim press. Mukhtarov played a major role in the publication of the newspapers *Tarakiy*, *Shukhrat*, and *Osiyo* when he lived in Kokand. It turned out that the enlightened Tatars living in this city formed a political association, the Young Party, which contributed to the spread of the Jadidism movement. The article reveals the essence of Sh. Mukhtarov's articles based on progressive ideas disseminated in the *Shuro* magazine, which was published in Orenburg. The work reveals the extensive educational activities of Sh. Mukhtarov in the Turkestan Jadidist movement.

Keywords: Shakir Mukhtarov, Jadidism, national press, new-method school, teaching, Shuro magazine.

For citation: Isokboev A.A. (2025) On the multifarious activities of the educator Shakir Mukhtarov in Turkestan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 103–110. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.103-110> (In Russ.)

Шакир Мухтаров (Шакир Мухтари)¹ – один из татарских просветителей, чья роль в общественно-политических процессах в Туркестане в начале XX в., инициативы в организации новометодных школ, участие в эффективном взаимодействии с прессой, работа по продвижению прогрессивных просветительских идей заслуживает подробного описания.

Согласно архивным источникам и материалам периодической печати, Шакир Мухтаров был родом из Буинского уезда Симбирской губернии. Окончил медресе «Караван-сарай» в Оренбурге. Ш. Мухтаров приехал в город Коканд в 1906 г. (Хаджи Муин, 2005: 50). Он оставил о себе такую информацию в конце статьи, написанной им для газеты «Тараккий» 20 июля 1906 г.: «Шокир Мухтаруф, нугайкурганский учитель» (Тараккий. 1906, 20 июль). Из этого документа

¹ Фамилия и имя просветителя встречаются в разных вариантах – Шакир Мухтаров в русскоязычных источниках, Шакир аль Мухтари в статьях, опубликованных им в местной прессе. В статьях туркестанских просветителей используется вариант Шакир Мухтари. Автор статьи придерживается написания Шакир Мухтаров.

становится ясно, что Шакир Мухтаров преподавал в селе Нугайкурбан Ташкентского уезда волости Зангиата, пока не прибыл в Коканд. Однако год его рождения и время приезда в Туркестан остаются неизвестными.

В письме Кокандского уездного начальника в управление Ферганской области 7 января 1910 г. отмечается, что в махалле Исфара Гузар в городе Коканде Шакир Мухтаров обучал по новому методу 40 учеников в течение 2 лет (НА Уз. Ф. И.19. Оп.1. Д.35019. Л. 7–7об.). В городе Коканде, согласно документу, кроме Шакира Мухтарова, в то время работали такие татарские учителя как Салахиддин Мазитов, Хабулла Донской, Ариф Клевлеев, Мухамеджан Абдухаликов, Билал Байбеков, Саид Агакши-угли.

В номере газеты «Терджиман» («Переводчик») от 16 июля 1910 г. сообщается, что в Коканде насчитывалось более 15 джадидских школ, среди которых пользовались хорошей репутацией школы Салахиддина Мазитова и Шакира Мухтарова (Терджиман. 1910, 16 июль).

Шакир Мухтаров трудился учителем новометодной школы в 1906 г., принимал активное участие в становлении национальной печати, был одним из видных просветителей Туркестана, сумевшим показать себя в политической сфере.

Известно, что 27 июня 1906 г. в Ташкенте под редакцией Исмаила Абиди началось издание известной прогрессивной газеты «Тараккий». Хотя было выпущено только 20 номеров этой газеты, это издание заняло важное место в формировании национальной печати. В книге «Материалы по истории узбекской периодической печати» Зие Саид писал, что Шакир Мухтаров был одним из соавторов материалов газеты (Зие Саид, 1917: 46).

22 мая 1906 г. была опубликована статья Шакира Мухтарова, в котором он сравнивает порядок проведения экзаменов в старометодной школе Фаттахиддина эфенди и новометодном учебном заведении Исмаила эфенди. Шакир Мухтаров работал в них. 20 июля 1906 г. газета «Тараккий» в десятом номере опубликовала его статью под названием «Бокият ал имтихон» («Продолжение экзамена»). Об экзаменах, проведенных по старому методу Фаттахиддином эфенди, Мухтаров пишет: «У него отсутствует стремление реформировать школу и развивать учеников то ли потому, что они учились в России во времена старого порядка преподавания в мусульманских медресе, то ли по какой-то другой причине».

Об Исмаиле эфенди Ш. Мухтаров повествует так: «Исмаил эфенди с энтузиазмом приступил к трудной, даже священной просветительской работе и через три-четыре месяца после начала учебного процесса собрал горожан и проэкзаменовал своих учеников, показав населению состояние учебы и преподавания. За короткое время, он смог продемонстрировать населению, что способен хорошо преподавать правила исламской религии, чтение и письмо, и жители поблагодарили его». Ш. Мухтаров одобряет труд соотечественника. Он подчёркивает, что ежегодный экзамен учащихся перед народом создавал отличную репутацию учителю, давал положительные результаты, воспитывал стремление к овладению знаниями (Тараккий. 1906, 20 июль).

Ученики школы Исмаила эфенди получили одобрение присутствующих на экзамене, продемонстрировав очень высокие результаты по всем предметам. Ш. Мухтаров указывает, что «После экзамена местные жители, которые присутствовала на испытании, убедившись, что несколько учеников Исмаила эфенди прочитали наизусть отдельные аяты из Корана и Хадисы, заплакали и провозгласили: «Молодец, молодец, великолепно, великолепно». Одиннадцатилетний мальчик ученик Исмаила эфенди встал и произнёс речь, удивив всех. Собравшиеся люди благословили этого ребенка такими словами: «Долгой жизни тебе сынок!». Ш. Мухтаров пишет об успехе учителя с гордостью и восхищением.

В статье Ш. Мухтаров извещает, что лично экзаменовал учеников школы Фаттахиддина эфенди: «Я опросил учащихся по многим предметам, нашел упущения и недостатки, которые допустил в обучении учитель, и высказал свое мнение беспристрастно, никого не боясь». Несмотря на неоднозначные результаты экзаменов, уважения заслуживают оба учителя. Он подчёркивает преимущества организации преподавательской работы по-новому, и говорит, что сегодняшний экзамен стал наглядной демонстрацией преимущества новометодной школы (Тараккий. 1906, 20 июль).

Ш. Мухтаров активно участвовал в общественно-политической жизни города Коканда. В секретной информации Туркестанского районного охранного отделения при генерал-губернаторе Туркестана за 1906 г. указывается на то, что в Коканде Шакиром Мухтаровым, Закиром Абихановым и Мухаммадзарифом Мухаммадрахимовым была создана фракция татар под названием «Молодая партия». По данным Туркестанского районного охранного отделения, члены партии изначально выступали за внедрение капиталистических отношений среди татарской молодежи как в Туркестане, так и в России, а также за идеи джадидского движения. В первое время ряды членов партии расширялись только за счет местных татар. Члены этой партии были настроены враждебно по отношению к татарам, которые не участвовали в джадидском движении. Аитов Исмаил Сулейман угли (из Казани – И.А.) считался самым образованным среди татар из числа организаторов партии. Он и был избран главой «Молодой партии». По инициативе И.Аитова в партию наряду с татарами были приняты и молодые узбеки (НА Уз. Ф. И.461. Оп.1. Д.1168. Л. 113).

В задачи партии входило накопление финансовых средств, необходимых в том числе для приобретения необходимой литературы, с помощью которой распространялись идеи просвещения. За счёт средств «Молодой партии» в Ташкенте финансировалась узбекоязычная газета «Шухрат» («Слава»). После запрета деятельности газеты «Шухрат» финансовая поддержка была оказана газете «Осиё» («Азия»). «Молодая партия» находилась в тесном контакте с лидером туркестанских джадидов Махмудходжей Бехбуди и с редактором газеты «Шухрат» Мунавваром Кори Абдурашидхановым, который считался «идейным отцом» ташкентских джадидов (НА Уз. Ф. И. 461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 113).

22 мая 1911 г. канцелярия генерал-губернатора Туркестана и Туркестанского районного охранного отделения заинтересовались вышеупомянутыми лицами. Главе Кокандского уезда было дано указание о взятии их деятельности под серьёзный контроль (НА Уз. Ф. И. 461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 111–1112).

27 февраля 1912 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения Сизых отправил в особый отдел Департамента полиции Туркестанского генерал-губернаторства секретное письмо о «Молодой партии», к которому приложил две фотографии из Коканда. Фотографии были сделаны в мае 1908 г. в саду Саидбека Рустамбаева фотографом-любителем Рахматуллой Мифтахудиновым в двух верстах от города на вечеринке, организованной Лутфуллой Касимовым, занимавшегося торговлей углем. Пятьдесят запечатленных на фотографии человек были членами местного татарского сообщества. Все они являлись сторонниками революции и отстаивали идеи об открытии новометодных школ, обучении мусульманских женщин. Хотя не все они были объединены в партию, пожилые татары называли их «Молодой партией» (НА Уз. Ф. И. 461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 115).

Шакир Мухтаров стал одним из самых активных организаторов и публицистов газеты «Садой Фергана» («Эхо Ферганы»), которая начала выходить в издательстве Абиджана Махмудова в Коканде 3 апреля 1914 г. В первом номере он размещает статью «Исложни нимадан бошларга?» («С чего начать реформу?»). В ней Мухтаров подтверждает свое мнение о необходимости реформы системы образования, которая является главным условием прогресса, в частности, европейского. Он пишет: «Я долго искал причины всемерного прогресса европейских народов и не мог найти никакой другой основы, кроме реформы школ и начального образования».

Просветитель подчеркивает, что правильный путь к прогрессу страны, основанный на его многолетнем опыте преподавательской деятельности, заключается в реформе всей школьной системы. «Согласно моему анализу, я думаю, что причина, по которой Европа и другие немусульманские страны так сильно эволюционировали, заключается в том, что школьное образование в них налажено идеально. Поэтому я также пришел к мнению, что мы должны начать первоначальную реформу общества со школ» (Садой Фергана. 1914, 3 апрель), – подытоживает он. Важность статьи заключается и в том, что Ш. Мухтаров приглашает к дискуссии о школе, медресе, о формах руководства учебными заведениями и об учениках.

В следующем номере газеты «Садой Фергана» в материале, посвященном вышеупомянутой статье Шакира Мухтарова, анонимный автор А.А. оспаривает мнение автора и утверждает, что в Туркестане было создано много новометодных школ, и что школьное образование находится в хорошем состоянии, не считая его материальной поддержки. «Альхамдулиллах... усилиями нескольких интеллектуалов, которые думали о перспективах нашей нации, в каждом районе были открыты новометодные школы. Этому нужно радоваться. Невозможно быстро реформировать школы из-за недостаточной материальной поддержки и

средств», – говорит А.А., подразумевая преждевременность реформ (Садои Фергана. 1914, 10 апрель).

Шакир Мухтаров был известен в Туркестане не только как знаменитый джадидский учитель, известный публицист, но и как поэт, заострявший внимание в своих произведениях проблемы своего времени. Множество его стихотворений было напечатано в журнале «Шуро», издаваемом в Оренбурге. В них нашли отражение актуальные вопросы развития российских мусульман. Его стихи «Таълим» («Образование»), опубликованные в 1909 г. (Шуро. 1909, №3), «Надан келди» («Откуда пришло») в 1910 г. (Шуро. 1910, №6), «Сабот ва ахлоқим» («Терпение и нравственность») в 1917 г. (Шуро. 1917, №12), «Ахлоқ» («Нравственность») (Шуро. 1917, №14), «Ўпкалаганда» («В обиде») (Шуро. 1917, №19), «Таъсир» («Влияние») (Шуро. 1917, №20), «Тотор кизнинг фарёди» («Плач татарской девочки») (Шуро. 1917, №21) и «Нисвонимиза оид» («О наших женщинах») (Шуро. 1917, №21), написаны в разных городах Туркестана.

Шакир Мухтаров жил в Коканде до 1917 г. После Октябрьского переворота 1917 г. он со своей семьей переехал в Самарканд. Его дальнейшая деятельность была связана с советской властью. В 1917–1918 гг. он служил в 7-м стрелковом полку, дислоцированном в Самарканде. С октября 1918 г. под псевдонимом «Ишчи» («Рабочий») публикует брошюры «Социализм нима?», («Что такое социализм?»), «Ер тўғрисида икки хил фикр», («Два разных мнения о земле»), «Судья ким бўлиши керак?» («Кто должен быть судьей?»), «Бухоро инкилоби» («Бухарская революция»), «Турк тилидан дарс бериш методикаси» («Методика преподавания тюркского языка») (История Самарканда, 1970: 87).

В Самарканде просветитель занимается издательской деятельностью. В начале июня 1918 г. он десять месяцев работает редактором газеты «Мехнаткашлар товуши» («Голос трудящихся») (Ходжи Муин, 2005: 51). С 10 апреля 1919 г. самоотверженно занимается организацией работы журнала «Шуълаи инкилоб» («Луч революции»), который начал издаваться на таджикском языке под редакцией Саида Резы Ализода (История Самарканда, 197: 95).

В Самарканде Шакир Мухтаров заболевает туберкулёзом во время военной службы в 7-м стрелковом полку (Мехнаткашлар товуши. 1921, 12 февраль). Об этом засвидетельствовал известный литературный критик и публицист Ваъдуд Махмуд (1898–1976).

Даже будучи больным Ш. Мухтаров некоторое время обучал местных студентов. Когда болезнь начинала прогрессировать, он проходил лечение в Самаркандской больнице. Летом 1920 г., по совету друзей и с их помощью, он переезжает в Джизак для прохождения лечения с помощью кумыса. Несмотря на это, Мухтаров 26 декабря 1920 г. умирает в Джизакской больнице (Ходжи Муин, 2005: 51). У него осталось два сына и две дочери, они жили в Самарканде.

Известные прогрессисты Туркестана были глубоко опечалены смертью Шакира Мухтарова. О смерти известного просветителя Хаджи Муин сказал: «Он был талантливым учителем, редактором с острым пером. Для нас было катастрофой потерять такого нужного человека в то время, прихода которого мы

так ждали в Туркестане». Ваъдуд Махмуд подчеркивал: «Твои деяния и твой плодотворный труд не будут забыты. Я бы хотел, чтобы у нас было больше таких людей, как ты. Сейчас, если бы нашлось больше таких людей как ты, тех, кто прожил бы свою жизнь ради своего народа, мы бы быстрее достигли наших целей. В любом случае, ты останешься в памяти поколений», – написал он с тоской.

Шакир Мухтаров оставил важный след в истории народов Туркестана как создатель школы джадидов в Коканде, основатель первого джадидского издания в стране («Тараккий») и первой джадидской газеты («Садои Фергана») в Ферганской области, как реформатор системы образования, как известный публицист, редактор и поэт.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- А.А. Идорага мактуб // Садои Фарғона, 1914, 10 апрель.
Ваъдуд Махмуд. Мархум Шокир Мухторий // Меҳнаткашлар товуши. 1921, 12 февраль.
Миллий ҳол ва майшат // Таржимон. 1910, 16 июль.
НА Уз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 35019.
НА Уз. Ф. И. 461. Оп.1. Д. 1168.
Шокир ал Мухторий. Ахлоқ (шеър) // Шўро. 1917, №14.
Шокир ал Мухторий. Надан келди? (шеър) // Шўро. 1910, №6.
Шокир ал Мухторий. Нисвонимиза оид (шеър) // Шўро. 1917, №21.
Шокир ал Мухторий. Сабот ва ахлоқим (шеър) // Шўро. 1917, №12.
Шокир ал Мухторий. Таълим (шеър) // Шўро. 1909, №3.
Шокир ал Мухторий. Таъсир (шеър) // Шўро. 1917, №20.
Шокир ал Мухторий. Тотор қизнинг фарёди (шеър) // Шўро. 1917, №21.
Шокир ал Мухторий. Ўпкалаганда (шеър) // Шўро. 1917, №19.
Шокир Мухторуф. “Боқият ал имтихон” // Тараккий. 1906, 20 июль.
Шокир Мухторуф. Ислоҳни нимадан бошларга // Садои Фарғона. 1914, 3 апрель.

ЛИТЕРАТУРА

- Зиё Саид. Материалы по истории узбекской периодической печати (1870–1927). Ташкент-Самарканд: Узбекское государственное издательство, 1927.
Исоқбоев А.А. Туркистон ижтимоий-сиёсий ва маданий ҳаётида татар-бошқирд маърифатпарварларининг фаолияти (XIX аср охири – XX аср бошлари). Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Наманган, 2008.
История Самарканда. Второй том / ответственный редактор И. Муминов. Ташкент: Фан, 1970.

Ҳоҷи Муин. Марҳум Шокир Мухторий // Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2005.

REFERENCES

Haji Muin (2005) The late Shakir Mukhtari. *Selected works*. Tashkent: Ma"naviyat Publ. (In Uzb.)

History of Samarkand. (1970). Ed. by I. Muminov. Tashkent: Fan Publ. (In Russ.)

Isokboev A.A. (2008) *The activities of the Tatar-Bashkir educators in the socio-political and cultural life of Turkestan (late 19th – early 20th centuries)*. Diss. Cand. Hist. Sciences. Namangan. (In Uzb.)

Ziyo Said (1927) *Materials on the history of the Uzbek periodical press (1870–1927)*. Tashkent-Samarkand: Uzbek State Publishing House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Исокбоев Алишер Ахмаджонович, кандидат исторических наук, доцент, Наманганский государственный педагогический институт (160136, ул. Уйчинская, 316, Наманган, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0009-2187-718X>; e-mail: aliakbar2004@mail.ru

About the author: Alisher A. Isokboev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Namangan State Pedagogical Institute (316 Uychinskaya St., Namangan 160136, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0009-2187-718X>; e-mail: aliakbar2004@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 27.06.2024

Принята к публикации / Accepted 5.11.2024

Обработка документов / Documents processing
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.111-120>

EDN: PCKCLO

Они были первыми (о первых учителях-татарах в советском Туркменистане)

Ш.Н. Акмурадов

*Туркменский государственный университет им. Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан
shamuha03@gmail.com*

Резюме. В 1920-х годах в СССР из-за дефицита учителей в новых советских школах Средней Азии начинается мобилизация грамотных людей в регионах СССР с тюркским населением. Они были нужны для организации учебного процесса в начальных школах и ликбезах. В это время в Туркменистан приезжают представители татарского, башкирского, азербайджанского и других тюркских народов. Особенно много среди них было учителей-татар.

Автор статьи собрал биографические сведения о нескольких учителях-татарах, приехавших в Туркменскую ССР и обучавших туркменских детей в 1920–1930-е годы. Он показывает трудности, с которыми столкнулись педагоги по прибытию на место работы. Учителям не хватало помещений для проведения занятий, школьных принадлежностей, элементарных бытовых удобств. Они часто работали впроголодь, мерзли зимой, а летом страдали от непривычной для них каракумской жары. Нередко педагоги скрывались от противников советского строя, опасаясь за свою жизнь. Серьезные трудности были при работе с туркменскими женщинами, их обучение порицалось обществом. Большую роль сыграли учителя-татарки, только благодаря их стараниям мужчины отпускали своих жен и дочерей учиться в новых школах. Несмотря на трудности, первые учителя-татары смогли реально помочь туркменскому народу в освоении новой советской культуры. Правительства СССР и Туркменской ССР высоко оценили заслуги учителей-татар.

Ключевые слова: Туркмения, 1920–1930-е гг., просвещение, учителя, татары, советская школа.

Для цитирования: Акмурадов Ш.Н. Они были первыми (о первых учителях-татарах в советском Туркменистане). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 111–120. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.111-120> EDN: PCKCLO

**They were the first ones
(about the first Tatar teachers in Soviet Turkmenistan)**

Sh.N. Akmuradov

Mahtumkuli Turkmen State University

Ashgabat, Turkmenistan

shamuha03@gmail.com

Abstract. In the 1920s, due to shortage of teachers in new Soviet schools in Central Asia, the USSR began mobilizing literate people in the USSR regions with Turkic population. Their aim was to organize the educational process in primary schools and literacy programs. At that time, representatives of the Tatar, Bashkir, Azerbaijani and other Turkic peoples arrived in Turkmenistan. There was a particularly large number of Tatar teachers among them.

The article author has collected biographical data on several Tatar teachers who came to the Turkmen SSR and taught Turkmen children in the 1920s and 1930s. The paper highlights the challenges that teachers had to face upon arrival at their places of work. There were not enough premises for holding classes; the teaching staff was not provided with sufficient school supplies and basic amenities. They often worked from hand to mouth, froze in the winter, and suffered from the extreme Karakum heat in the summer, which they had not gotten used to. Not infrequently, fearing for their lives, the teachers went into hiding from the Soviet regime oppositionists. Significant difficulties came up in work with Turkmen women, due to the fact that their education was condemned by society. Tatar female teachers made considerable contribution with their efforts to convince men to allow their wives and daughters study in new schools. Despite all the challenges, the first Tatar teachers were able to provide real help to the Turkmen people in mastering the new Soviet culture. The governments of the USSR and the TSSR highly appreciated the merits of Tatar teachers.

Keywords: Turkmenistan, 1920–1930s, education, teachers, Tatars, Soviet school.

For citation: Akmuradov Sh.N. (2025) They were the first ones (about the first Tatar teachers in Soviet Turkmenistan). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 111–120. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.111-120> (In Russ.)

В феврале 1920 г. на территории современной Туркмении закончилась гражданская война и иностранная военная интервенция. Вместе с восстановлением экономики начинается строительство новой советской культуры, реформируется система школьного образования. Как и везде по советской России, начинаются закрываться мусульманские школы. Советские школы испытывают множество проблем, в том числе острый дефицит педагогов. Найти их среди туркмен было сложно: много образованных людей погибло на фронтах гражданской войны, некоторая часть перебралась в Иран и Афганистан из-за неприятия советского строя и участия в боевых действиях на стороне белых, наконец, им не доверяла советская власть из-за принадлежности к «чуждым» сословиям – служителям культа, имущим классам, бывшим царским, эмирским и ханским чиновникам. Добавим и тот факт, что среди туркмен было много противников новых школ, они опасались работать в них из-за страха за свою жизнь и жизнь

близких. Так образовался огромный дефицит грамотных людей, которые могли бы работать учителями.

Для решения кадровой проблемы руководители советского Туркменистана начинают искать учителей для туркменских школ по всей советской России, прежде всего среди тюркских народов. Были приглашены учителя из РСФСР – Татарии, Башкирии, а также из Узбекистана, Казахстана, Азербайджана (История Советского Туркменистана, 1970: 387).

Среди первых учителей, приехавших в Туркмению из-за пределов республики в 1920-х годах, оказалось очень много татар. Как отмечает туркменский историк Т. Дурдыев: «Только летом 1921 г. в аульные школы было направлено свыше 40 учителей татар» (Дурдыев, 1981: 75). Фактически они составляли большинство среди всех приехавших педагогов. Что ими двигало, когда они отправлялись в далекий, неведомый край? На этот вопрос отвечают их же собственные воспоминания: все они были одержимы идеей – помочь родственному туркменскому народу в преодолении безграмотности и приобщении к новой культуре.

Ниже приводятся краткие биографические сведения о нескольких учителях-татарах, приехавших на работу в советский Туркменистан. Они основываются на полевых материалах автора статьи (ПМА), собранных им во время встреч с учителями-татарами, внесшими весомый вклад в становление и развитие системы образования Туркменистана.

Публикуемые воспоминания учителей-татар, приехавших на работу в советский Туркменистан, раскрывают трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Чтобы общаться с местным населением, им было необходимо выучить туркменский язык, освоить его диалекты. Дополнительные сложности для них создал необдуманый переход в 1927 г. с арабско-туркменского алфавита на латинско-туркменский алфавит. Учителям приходилось часто менять место жительства и работы из-за того, что их «перебрасывали» в школы, где был острый дефицит кадров (Рассказывают строители...: 1967: 120). Они с нуля организовывали школы, а нередко и строили их здания: им приходилось быть грузчиками, каменщиками, штукатурами. Непростой была и их личная жизнь. Местные власти старались разместить приехавших педагогов в более обеспеченных водой районах Туркменистана, но после гражданской войны не хватало даже самого элементарного для жизни. Учителя испытывали тоску по близким, они оказались в сложных социально-бытовых условиях, в ситуации голода и враждебности противников советского строя. Они должны были адаптироваться к непривычному климату (ПМА). Полоса трудностей у них продолжилась вплоть до выхода на пенсию. Однако в своих воспоминаниях все они умалчивают о трудностях. Так они вписывались в правила советской цензуры.

Магсум Шарафутдинович Сайфин

Родился в 1893 г. в селе Товлар Шимурбашской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне – Рыбно-Слободский район Татарской АССР).

Начальное образование получил в мусульманской школе, продолжил образование в джадидской школе. В 1919 г. – учил детей в начальной школе. В 1929 г. переехал в Туркменскую ССР. Был направлен работать в сельскую двухгодичную школу в село Гарамыш Фарапского района Чарджоуского округа. Одной из главных проблем для него стало привлечение детей в школу. Родители не хотели отдавать туда детей, считая, что так их могут отобрать у них. Но вовлечение детей в систему советского образования было главной обязанностью первых учителей. В этом им помогали партийные, советские и комсомольские организации.

Рабочий день М.Ш. Сайфина продолжался с утра до глубокой ночи. С 8 часов до 10 он учил малограмотных, с 10 до 14 часов – детей в начальной школе, с 17 до 20 часов вел занятия на курсах по ликвидации безграмотности (Байры мугаллымларын..., 1965: 47). Вечерами и ночами ему приходилось заниматься самообразованием, учить туркменский язык, готовиться к урокам. Остро не хватало помещений для занятий, поэтому использовались конфискованные советской властью здания мечетей и дома бывших баев-мигрантов (Аннаоразов, 2024: 96).

В 1933 г. Магсум Шарафутдиновича назначили инспектором районного отдела народного образования. После этого до выхода на пенсию в 1958 г. он работал в сфере народного образования Туркменистана.

В 1926–1928 гг. учился в педучилище г. Чистополя, в 1938–1940 гг. – заочно в пединституте. В 1958 г. вышел на пенсию.

За заслуги в развитии народного образования М.Ш. Сайфин несколько раз удостоивался государственных и правительственных наград: в 1949 г. – почетного звания «Заслуженный учитель Туркменской ССР», в 1951 г. – орденом Ленина и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1952 г. – значком «Отличник народного просвещения». При выходе на пенсию Правительство Туркменской ССР назначило Магсуму Шарафутдиновичу Сайфину персональную пенсию республиканского значения.

Гатаулла Гибадуллин

Г. Гибадуллин родился и вырос в селе Балташ Балтасинской волости Казанского уезда Казанской губернии (ныне село Балтаси Республики Татарстан). В 1916 г. там же закончил мусульманскую школу первой ступени. В конце 1918 г. по мобилизации попал в Казанский трехгодичный учительский техникум. После его окончания в 1921 г. Гибадуллина направили работать учителем в Среднюю Азию. Вместе с ним приехало еще 70 выпускников Казанского учительского техникума. В 1921–1927 гг. Гибадуллин работал в Казахстане – днем в начальной школе, вечером в ликбезе для взрослых. По словам Гибадуллина, тогдашние учителя зарплату не получали, но еду, одежду и жилье получали бесплатно (Байры мугаллымларын..., 1965: 94).

В 1927 г. Г. Гибадуллин по приглашению Ташаузского окружного отдела народного образования приехал в Ташаузский округ Туркменистана. Его на-

правляют в село Розумбай с поручением открыть там первую начальную школу. Новую школу разместили в пустующем здании мечети. По воспоминаниям Гибадуллина, противники советского строя пытались несколько раз убить его и товарищей–учителей. Поэтому педагоги были вынуждены постоянно скрываться, в целях безопасности они очень часто не ночевали дома.

В 1930–1931 гг. Г. Гибадуллин учился на географическом отделении Казанского пединститута. В 1937–1942 гг. работал директором семилетней школы, а в 1942–1954 гг. занимал должность заведующего Ташаузским районным отделом народного образования.

Президиум Верховного Совета СССР наградил Г. Гибадуллина «Орденом В.И. Ленина», «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1942 г. Президиум Верховного Совета Туркменской ССР присудил ему почетное звание «Заслуженный учитель Туркменской ССР», в 1945 г. Правительство Туркменской ССР наградило Гибадуллина значком «Отличник народного просвещения». При выходе на пенсию Правительство Туркменской ССР назначило Гатаулле Гибадуллину персональную пенсию республиканского значения.

Исхак Джелал Рахматуллин

И.Дж. Рахматуллин родился в 1904 г. в селе Янги-Элезен (Кушум) Каменно-Сарминской волости Николаевского уезда Самарской губернии (ныне – село Новая Елюзань Балаковского района Саратовской области). В 1912–1918 гг. учился в родном селе в джадидской школе. В 1918–1921 гг. продолжил учебу в одном из педагогических техникумов Саратовской области. В мае 1921 г. был направлен работать в город Красноводск (ныне г.Туркменбаши Туркменистана). По направлению уездного отдела народного образования Красноводска в 1921–1930 гг. Рахматуллин работал учителем в самом городе Красноводске и в школах-интернатах уезда. Как и все другие учителя, вечерами преподавал в ликбезах.

Несмотря на занятость, И.Дж. Рахматуллин на общественных началах собирал материалы по фольклору туркмен под руководством известного профессора А.П. Поцелуевского (Байры мугаллымлары..., 1965: 109). Рахматуллин писал статьи в газеты и журналы о результатах изучения опыта передовых учителей, он автор несколько брошюр, обобщающих и анализирующих передовой опыт в области образования.

В 1930–1933 гг. И.Дж. Рахматуллин учился в Ашхабаде в аспирантуре Туркменского государственного института научной педагогики (в 1965 г. преобразован в Туркменский научно-исследовательский институт педагогических наук). По окончании аспирантуры работал преподавателем в Туркменском государственном пединституте, потом по распоряжению Наркомата просвещения трудился в Государственном научно-исследовательском педагогическом институте Туркменистана.

Участник Великой Отечественной войны. После ее окончания И.Дж. Рахматуллин в течение долгого времени, вплоть до выхода на пенсию работал инспектором по школам Министерства просвещения Туркменской ССР. Является автором и соавтором нескольких учебников, брошюр и статей по педагогике и образованию.

За заслуги в развитии народного образования Президиум Верховного Совета СССР наградил И.Дж. Рахматуллина орденом «Трудового Красного Знамени», «Знаком Почета», медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945 г. Президиум Верховного Совета Туркменской ССР назначил ему почетное звание «Заслуженный учитель ТССР», а Правительство Туркменской ССР наградило значком «Отличник народного просвещения».

Ихсан Гелазов

И. Гелазов родился в 1900 г. селе Коморгузя (*тат.* Комыргуджа) Больше-Атнинской волости Казанского уезда Казанской губернии. В течение года учился в начальной религиозной школе. Нужда заставила его бросить школу и трудиться для пропитания семьи. В 1919–1921 гг. по мобилизации служил в Красной армии. Во время службы семья переезжает в нынешний Туркменистан. Туда же после демобилизации уезжает Ихсан Гелазов. Из-за нехватки грамотных людей его малограмотного в 1922 г. приняли работать учителем сельской начальной школы в Иолотанском районе Мервского округа (ныне Марыйский велаят Туркменистана). По вечерам Ихсан Гелазов работал в ликбезе. По его воспоминаниям, только в 1924–1925 учебном году в школу поступили первые столы, стулья и классная доска, до этого дети занимались сидя на земляном полу (Байры мугаллымлары..., 1965: 128). Из-за нехватки кадров его часто «перебрасывали» из одной школы в другую.

С 1931 г. в школу, где работал Гелазов, начали ходить девочки, открылся ликбез для женщин. Некоторых нуждающихся учеников снабжали одеждой и обувью. С 1932 г. детей начали кормить завтраком – хлебом со сладким чаем.

Во время летних каникул учителя повышали профессиональную квалификацию на краткосрочных курсах в областных центрах республики. 1936 г. Гелазов поступил на заочное отделение педагогического училища в Ашхабаде.

С 1943 г. вплоть до окончания Великой Отечественной войны Гелазов сражался на фронте, несмотря на то, что учителя имели бронь, т.е. освобождались от военной службы. После войны вплоть до выхода на пенсию в 1960 г. трудился в разных сельских школах Туркменистана.

За ратный труд в сфере народного образования Президиум Верховного Совета СССР наградил И. Гелазова «Орденом Трудового Красного Знамени», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1947) и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Салих Хайрулдинович Хуснуддинов

С.Х. Хуснуддинов родился в 1900 г. в селе Муса Старый Атлашской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии. С 9 до 14 лет учился в начальной мусульманской школе. В 1919 г. был призван в Красную армию и участвовал в гражданской войне. В 1922 г. после демобилизации и до 1924 г. работал учителем в селе Буралтай Чимкентского уезда нынешнего Казахстана. В 1924 г. переехал в Туркменскую ССР. По направлению начал работать учителем в приграничном с Узбекистаном Фарабском районе Туркменистане в сельской начальной школе (Байры мугаллымлары..., 1965: 135).

Салих Хайрулдинович много читал, без отрыва от любимой работы повышал свое образование. В 1927–1928 гг. учился на заочном отделении Казанского педагогического техникума. В 1930–1931 гг. учился на вечернем рабфаке в городе Чарджоу (ныне Туркменабат). В 1931–1936 гг. учился на заочном отделении физико-математического факультета Ашхабадского педагогического института.

С.Х. Хуснуддинов воевал на фронтах Великой Отечественной войны. После войны и вплоть до выхода на пенсию в 1960 г. продолжал воспитывать и учить молодежь.

За заслуги в области народного образования Президиум Верховного Совета СССР наградил С.Х. Хуснуддинова медалями «За доблестный труд», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденами «Отечественной войны» I и II степеней. Правительство Туркменской ССР наградило его значком «Отличник народного просвещения».

Алимджан Шакирович Аипов

А.Ш. Аипов – односельчанин С.Х. Хуснуддинова. Родился в 1898 г. Первоначальное образование получил в приходской школе. В 1918–1922 гг. служил в Красной армии. После демобилизации работал в ликбезе учителем. В 1924 г. приехал в Туркменскую ССР. По направлению отдела народного образования Чарджоуского округа начал работать учителем в сельской начальной школе в отдаленном районе на границе с Узбекской ССР. Сам открыл сельскую начальную школу. Она разместилась в конфискованном частном гостевом доме. Активно агитировал детей ходить в школу. Привлечение детей было сопряжено с большими трудностями. Местное население в большинстве не хотело отдавать детей в школу. Богатые родители нанимали детей малоимущих, чтобы те ходили в школу вместо байских детей (Байры мугаллымлары..., 1965: 143).

В 1925 г. переехал в Саятский район Чарджоуского округа, где с нуля открыл еще одну начальную школу. Там сам учил детей. Организовывал начальные школы еще в нескольких районах.

В 1927–1931 гг. учился на заочном отделении Казанского педагогического техникума. 1928 год – это время перехода с арабской графики на латинскую.

А.Ш. Аипов самостоятельно овладел новым алфавитом, а потом научил ему своих коллег-учителей.

В 1928 г. его вместе с женой М. Аиповой направили в отдаленный Дарганатинский район Чарджоуского округа. Там в заброшенном здании мечети супруги открыли первую школу для девушек. В этом районе Аипов работал уполномоченным райисполкома по образованию. В 1931–1936 гг. супруги учатся в Ашхабадском педагогическом институте: А. Аипов на физико-математическом факультете, М. Аипова – на отделении природоведения. Во время учебы вместе с односельчанином и однокурсником С.Х. Хуснуддиновым и с однокурсником-туркменом перевел с русского языка на туркменский учебник по физике для рабфаков. После учебы был направлен работать учителем физики в Чарджоуском педучилище, который в 1939 г. стал учительским институтом.

В 1941 г. в туркменский город Чарджоу был эвакуирован Московский химический институт. Преподавателям и студентам Чарджоуского учительского института пришлось освободить помещение для московских гостей и переехать в самый северный, отдаленный областной центр Туркменистана – город Ташауз (Рассказывают строители..., 1967: 17). По воспоминаниям А.Ш. Аипова, все учебные принадлежности они оставили в Чарджоу, поэтому на новом месте им приходилось очень туго, все пришлось начать заново. Здесь А.Ш. Аипов работал вплоть до выхода на пенсию в 1958 г.

За заслуги в воспитании подрастающего поколения Президиум Верховного Совета СССР наградил А.Ш. Аипова медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Министерство народного просвещения Туркменской ССР отметило заслуги А.Ш. Аипова значком «Отличник народного просвещения».

Манишикар Хусейновна Аипова

М.Х. Аипова, как и ее будущий муж А.Ш. Аипов, родилась селе Муса Старый Атлашской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии в 1902 г. Училась в начальной мусульманской школе.

В 1926 г. приехала к мужу А.Ш. Аипову в Туркменскую ССР. Сразу по приезду поступила на 3-х месячные курсы по подготовке учителей в г. Чарджоу. После их окончания вернулась к мужу в Саятский район и начала там работать учительницей начальной школы. По ее словам, в начале было очень трудно привлекать детей в школу: приходилось уговаривать родителей, просить помощи у местной власти. После дневной работы ночами учила туркменский язык, осваивала новый алфавит, готовилась к урокам.

В Саятском районе Манишикар Хусейновна работала до 1928 г. Летом того же года повышала знания и навыки на 3-х месячных курсах по переподготовке учителей в г. Чарджоу. После окончания курсов ее вместе с мужем А.Ш. Аиповым направили в Дарганатинский район, где в здании мечети они открыли первую школу для девушек (Байры мугаллымларын..., 1965: 238).

Особой заслугой работы Манишикар Хусейновны можно считать ее деятельность по вовлечению в образование туркменских девочек и женщин. Как и во многих странах Востока, среди туркмен бытовало мнение, что женщинам не нужно учиться – «*Аял окан, молла болмаз*» (туркменская пословица – «Сколько не учи женщину, она все равно муллой не станет»). Поэтому первым учителям-женщинам приходилось проводить огромную работу по устранению этого стереотипа. Особенно трудно было привлекать взрослых женщин на курсы по ликвидации безграмотности. Если учителем был мужчина, то никакие доводы не помогали. Учителям-татаркам приходилось уговаривать мужей, отцов, потому что женщина-туркменка целиком зависела от родственников (Рассказывают строители..., 1967: 296).

В 1928 г. Дарганатинский районный комитет партии, учитывая эффективность работы Манишикар Хусейновны с женщинами, назначил ее заведующей женотделом. В 1929–1930 учебном году Аипова вернулась к своей любимой работе и начала работать в школе-интернате в Дарганатинском районном центре. До выхода на пенсию в 1957 г. работала учителем в разных школах.

За заслуги в развитии народного образования М.Х. Аипова награждена Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА – полевые материалы автора.

ЛИТЕРАТУРА

Аннаоразов Д.С. Просветительская и образовательная деятельность женщин-татарок в Советском Туркменистане // Историческая этнология. 2024. Т.9. №1. С. 95–104. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-1.95-104>

Дурдыев Т. Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции (1917–1958). Ашхабад: Ылым, 1972.

Дурдыев Т. Великий Октябрь и первые культурные преобразования в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1981.

История Советского Туркменистана (1917–1937). Ашхабад: Туркменистан, 1970.

Байры мугаллымларын ятламалары (Воспоминания старейших учителей). Ашгабат: Туркменистан, 1965.

Рассказывают строители социализма. Ашхабад: Туркменистан, 1967.

REFERENCES

Annaorazov D.S. (2024) Enlightenment and educational activities of Tatar women in Soviet Turkmenistan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. No. 1: 95–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-1.95-104>

Durdyev T. (1972) *Formation and development of the Turkmen Soviet intelligentsiya (1917–1958)*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)

Durdyev T. (1981) *Great October and the first cultural transformations in Turkmenistan*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)

History of the Soviet Turkmenistan (1917–1937) (1970). Ashgabat: Turkmenistan Publ. (In Russ.)

Memoirs of the oldest teachers (1965). Ashgabat: Turkmenistan Publ. (In Turkmen.)

The builders of socialism speak (1967). Ashgabat: Turkmenistan Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Акмурадов Шамухамед Нуриевич, старший преподаватель кафедры Всемирной истории, Туркменский государственный университет им. Махтумкули (744000, пр-т Сапармурад Туркменбаши, 31, Ашхабад, Туркменистан); <https://orcid.org/0009-0003-3224-5328>; e-mail: shamuha03@gmail.com

About the author: Shamuhamed N. Akmuradov, Senior Lecturer at the Department of World History, Mahtumkuli Turkmen State University (31 Saparmurad Turkmenbashi Ave., Ashgabat 744000, Turkmenistan); <https://orcid.org/0009-0003-3224-5328>; e-mail: shamuha03@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 24.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 13.01.2025

Принята к публикации / Accepted 3.02.2025

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ**RELIGIOUS CONTEXTS OF MODERNITY**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131>

EDN: QNUOFQ

**К вопросу о характере православного активизма
в Республике Татарстан на современном этапе**

А.А. Хохлов

*Центр исламоведческих исследований Академия наук Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
Kazan_molodezh@mail.ru*

Резюме. В статье подвергнуто рассмотрению такое специфическое явление современного российского общественного ландшафта, как православный активизм, а также подходы к его интерпретации в светском и церковном дискурсах, тенденции и опыт практической реализации в условиях конкретного территориально-административного локалитета. Делается вывод об очевидном отсутствии в Русской православной церкви общепринятого понимания данного феномена, что предопределяет его внутреннюю негомогенность и поливариативность в сфере практической реализации. Православный активизм в нашей стране обоснованно рассматривать как явление сравнительно молодое, прямо обусловленное общественно-политическими трансформациями и становлением гражданского общества. В широком смысле он нацелен на борьбу за религиозные интересы церкви. Изначально православный активизм приобрел остросоциальную направленность, которую в той или иной мере сохраняет вплоть до сегодняшнего дня. Вместе с тем актуализация данного явления наблюдается прежде всего в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, обладающих динамичной культурной средой, представленностью федеральных органов власти, общественными, религиозными и политическими объединениями, а также средствами массовой информации. Прочие региональные центры пока не обладают набором подобных условий, а характер православного активизма в них обуславливается локальными традициями и правилами. Так, в Республике Татарстан он не просто идейно гомогенен, но и четко структурирован, носит конструктивный характер, что является следствием специфики общественно-политического и этнокультурного развития региона в последние десятилетия.

Ключевые слова: Русская православная церковь, активизм, общество, конфликт, консенсус, интересы.

Для цитирования: Хохлов А.А. К вопросу о характере православного активизма в Республике Татарстан на современном этапе. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 121–131. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131> EDN: QNUOFQ

The question of the nature of Orthodox activism in the Republic of Tatarstan at the present stage

A.A. Khokhlov

Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

Kazan_molodezh@mail.ru

Abstract. The article examines such a specific phenomenon of the modern Russian social landscape as Orthodox activism, as well as considers approaches to its interpretation in secular and ecclesiastical discourses, trends and practical experience in a specific territorial and administrative locality. The conclusion is drawn about the obvious absence of a generally accepted understanding of this phenomenon in the Russian Orthodox Church, which determines its internal heterogeneity and multivariance in the field of practical implementation. It is reasonable to consider Orthodox activism in our country as a relatively young phenomenon, directly caused by socio-political transformations and the formation of civil society. In a broad sense, it is aimed at fighting for the religious interests of the church. Initially, Orthodox activism gained an acute social orientation, which it retains to one degree or another to this day. At the same time, the actualization of this phenomenon is observed primarily in the capital cities of Moscow and St. Petersburg, which have a dynamic cultural environment, representation of federal authorities, public, religious and political associations, as well as the media. Other regional centers do not yet have a set of similar conditions, and the nature of Orthodox activism in them is determined by local traditions and rules. Thus, in the Republic of Tatarstan, it is not only ideologically homogeneous, but it is also clearly structured and constructive, which stems from the specifics of the socio-political and ethnocultural development of the region in recent decades.

Keywords: Russian Orthodox Church, activism, society, conflict, consensus, interests.

For citation: Khokhlov A.A. (2025) The question of the nature of Orthodox activism in the Republic of Tatarstan at the present stage. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 121–131. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131> (In Russ.)

Говоря о проблеме современного православного активизма вообще и в Республике Татарстан в частности, обоснованным представляется прежде всего терминологическое пояснение, которое позволит пролить свет на суть и адекватное понимание обсуждаемого вопроса. Принято считать, что понятие «активизм» подразумевает различные виды и формы человеческой активности, реализуемой субъектом деятельности в политическом, экономическом, социальном и прочих контекстах. При этом указанная активность, как правило, инициируется рядовыми членами общества, а не является следствием деятельности государственных структур, либо иных властных институций. Таким образом, отличительной характеристикой активизма, как явления, выступает персональная сознательность его акторов, реализуемая с целью тех или иных изменений в окружающей действительности, занимающих для этого активную позицию и, в зависимости от обстоятельств, избирающих путь одиночной деятельности, либо

объединяющихся в группы. Важным в обсуждаемом контексте представляется и другое пояснение: понятия «активизм» и «активность» не тождественны друг другу. Активизм подразумевает наличие более или менее оформленной концепции, базирующейся на конкретных теоретических представлениях. Тогда как активность (к примеру, социальная) может и не иметь фундаментальной базы подобного плана, не реализовывать себя в рамках оформленного идеологического каркаса, ограничиваясь общими, а иногда и вовсе интуитивными побуждениями. Следовательно, «активизм» – понятие содержательно и структурно более сложное. Вместе с тем приходится признать, что, обсуждая данный вопрос на материале религиозных организаций, довольно сложно применить строгое терминологическое разграничение, поскольку религиозные системы и, в частности, христианство, наделяют своих последователей конкретной мировоззренческой парадигмой и задают идеологический вектор их активности, предопределяя содержание и характер их социального, политического и иного самопозиционирования. Исходя из этого, полагаем, что использование термина «активизм», по крайней мере, применительно к социальной деятельности церкви на современном этапе, допустимо наряду с понятием социальной активности, хотя тем самым и не снимается проблема понятийной неоднозначности¹.

Несмотря на то, что социальный активизм ассоциируется, прежде всего, с современностью, те или иные его формы были присущи разным историческим периодам и обществам². При этом с течением времени он закономерно трансформировался (Патеев, 2021: 16). Наиболее интенсивно данные процессы происходили в последние десятилетия преимущественно в западных, индивидуалистских по своей сути культурах, априорно ориентированных на персональную инициативность. Некоторые категоричные исследователи в этой связи стали увязывать активизм с урбанизмом, выделяя стимулы и подчеркивая магист-

¹ В связи с этим любопытным представляется мнение некоторых коллег, озвученное в ходе устного обсуждения поставленного вопроса. В частности, было указано, что термин «активизм» имеет прежде всего политико-идеологическую коннотацию, в то время как «активность» – понятие «более общее, естественное, групповое и мировоззренческое». В пример приводится помощь больным и нуждающимся и тому подобные виды человеческой активности. Преобразование территории вокруг дома не требует особой идеологии, это общечеловеческое. Впрочем, высказанное мнение сущностно не противоречит нашему пониманию обозначенных терминов.

² Так, в середине III в. н.э. во время знаменитой «Киприановой чумы» в Александрии Египетской, христианский епископ Дионисий писал: «Весьма многие из наших братьев от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя и поддерживали друг друга, безбоязненно наблюдали за больными, неутомимо ухаживали за ними и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, исполняясь страданиями других, привлекая на себя болезнь от своих ближних и добровольно принимая на себя их мучения. И многие, ухаживая за больными и подкрепляя других, скончались сами, перенеся на самих себя смерть их... Они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, закладывали уста, носили их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе, обнимали, омывали и украшали одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же, потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников» (Творения).

ральные векторы его развития (Лапшина, 2022: 127–131). По их мнению, в условиях интенсивной урбанизации именно города стали той благоприятной средой, в которой наиболее отчетливо стала проявлять себя разноплановая деятельность их жителей.

Эмпирический материал дает основание утверждать, что обозначенные выводы в равной степени справедливы и в отношении религиозных и, в частности, православных сообществ. Феномен православного активизма в последние десятилетия эксплицитно реализует себя именно в городском пространстве и обладает большинством признаков, имманентно присущих рассматриваемому явлению в целом. Однако в данном случае имеет место и своя специфика. Заключается она в минимизации значения индивидуального начала в пользу актуализации групповых маркеров – тенденция, которая просматривается вполне отчетливо. Иными словами, православный активизм можно определить как активизм коллективистский, по крайней мере в силу того факта, что русская православная культура, как сложный симбиоз этнического и восточно-христианского компонентов, очевидно относится к обозначенной категории³. Важным в таком случае представляется скорее не то, что хорошо конкретно для «меня», а то, что хорошо для «нас» (Myers, 2002: 30). В некотором смысле данный принцип присущ и западным вариантам секулярного и религиозного активизма. Однако нюанс заключается в том, что в первом случае он имеет фундаментальное значение, отодвигая на второй план примат индивидуальных интересов, реализуемых через механизмы коллективности, и легитимируется лишь тогда, когда коллективность (соборность) приобретает первостепенное значение⁴.

При этом, однако, в самой структуре рассматриваемого явления внутренние разделения никуда не исчезают, проявляясь в разности понимания цели и задач церковной социальной активности даже ее непосредственными проводниками. Иными словами, современный активизм в православном исполнении – феномен структурно негомогенный, в связи с чем, закономерно встает вопрос о характере его внутренних дисбалансов, позволяющих понять особенности его функционирования.

Контент-анализ средств массовой информации и блогов по запросу «православный активизм» за последние 10–12 лет показывает, что его проявления в большинстве случаев связаны с общеполитической и актуальной социальной тематикой. Православные активисты особенно ярко проявляли себя в сферах,

³ В данном случае мы используем типологию Г. Триандиса (Триандис, 2007).

⁴ В данном случае понятие «соборность» мы понимаем не в экклезиологическом, а в философском ключе. В связи с этим научный сотрудник Синодальной библейско-богословской комиссии Русской православной церкви А. Кырлежев отмечает: «Термином «соборность» обозначается некий образ идеального соотношения частного и всеобщего, индивидуального и коллективного, который затем применяется и к церковной общине, и к обществу как таковому, возникает универсальный философский принцип. Русские мыслители, продолжавшие хомяковскую традицию: В. Соловьев, С. Трубецкой, С. Франк выдвигали идеи «соборного сознания», «соборного духа», «всеединства» и даже соборности как «солидарности» (С. Левицкий)» (О термине «соборность»).

привлекающих особое внимание СМИ⁵. Р.Н. Лункин связывает данный факт со становлением гражданского общества в России, когда на фоне конкуренции с прочими социальными группами церковь (РПЦ), до того довольствовавшаяся ролью символа государственной идеологии и «хранительницы традиций», попыталась переосмыслить свое место в общественно-политическом пространстве страны, включив в церковный дискурс тему борьбы за собственные религиозные интересы (Лункин, 2021: 7). Была предпринята попытка не формально, а по-настоящему стать влиятельной общественной силой, опирающейся на широкие массы и надежно закрепляющей за собой идейную, духовно-нравственную и интеллектуальную инициативу, претендуя при этом на роль посредника между различными политическими и общественными центрами силы.

Начало этого процесса приходится на 2010-е годы. Он отличался заметной динамичностью, чему способствовал ряд факторов (Лункин, 2021: 11). Зримыми проявлениями внутрицерковных изменений во внешнем поле стали публичные диспуты на политически и общественно значимые темы между духовными и светскими лицами, демонстративные контакты церковных деятелей с политической оппозицией с целью «развития диалога общественных и политических сил, власти и общества», законодательные (иногда охранительные) инициативы священноначалия и церковной общественности, громкие уличные акции и т.п. (Поединок). Однако если в верхних слоях церковной иерархии лидерство в этом процессе уверенно держало за собой статусное духовенство, транслирующее умеренность и осторожность, то на низовом уровне повестку быстро монополизировали активисты, не ограничивавшие себя рамками политкорректности и быстро потеснившие умеренные церковные группы, занятые традиционной просоциальной деятельностью. Как правило, это были представители радикально-консервативных групп (в качестве примера можно привести движения «Божья воля», «Сорок сороков»), делавшие ставку на «брутальный стиль» и заявлявшие о себе громкими акциями, порой неоднозначными этически, эстетически и даже юридически, что закономерно вызывало бурный общественный резонанс в российском информационном пространстве. В конечном счете, результатом происходящего стал перекося, когда голоса иерархов и церковно-общественных деятелей, исповедующих конвенциональный стиль взаимодействия с обществом, были заглушены деятелями, внесшими своей экспрессивной активностью решающий вклад в дискредитацию нарождающегося церковного явления (Православные активисты).

Отсутствие единомыслия по вопросу о самопозиционировании РПЦ в новых условиях, фактический плюрализм и наличие различных центров силы и групп влияния закономерно спровоцировали внутреннюю напряженность, а

⁵ Здесь, конечно, могут возразить, что СМИ «охотятся» прежде всего за «жареными» инфоповодами, что и сказывается на итоговой статистике. И, отчасти, это замечание будет справедливым. Однако лишь отчасти. Дело в том, что церковная инициативность последнего десятилетия действительно отличалась особой интенсивностью именно в рамках общественно-политической повестки.

вслед за ней и внутреннюю дискуссию, которая, стоит отметить, хоть и не была формализована, но имела вполне конкретные очертания. Ее болезненность обусловила интенсивность обсуждений вплоть до сегодняшнего дня. В подтверждение данного тезиса приведем некоторые примеры.

В 2016 г. на портале Русской народной линии была опубликована статья клирика Новосибирской епархии священника Артемия Сильвестрова «Церковь вышла за свою ограду?» (Церковь...). Разбирая терминологический вопрос, о. Сильвестров настаивал на том, что термин «православный активизм» некорректен и сам по себе является «выдумкой журналистов и стоящих за ними политических сил», ставящих своей целью «дискредитацию церкви». Священник предлагал называть явление иначе – общественным активизмом, поскольку в его рядах состоят не только православные верующие, но и представители прочих религиозных течений, объединенных идеей борьбы за традиционные духовно-нравственные ценности. Их активность является своеобразной лакмусовой бумажкой морально-этического состояния российского общества. В условиях несовершенства отечественной юридической системы в целом и механизмов правового регулирования в частности, общественные активисты вынуждены обращать внимание власти и общественности на нравственное неблагополучие общества и нарушение собственных прав посредством методов гражданской активности: общественных актов, пикетов, перфомансов и т.д. Обходя стороной очевидную ненормативность некоторых из них, священник утверждал, что отнюдь не церковь является источником пробивающегося на поверхность общественного конфликта. Поневоле являясь его стороной, она оказалась в таких условиях, когда не остается иных вариантов, как отвечать на брошенный ей вызов (Церковь). Иными словами, реакция церкви на внешние раздражители в виде различных проявлений социальной активности говорит о ее реактивности, которая обуславливается объективными обстоятельствами, а, следовательно, таковая принципиально не может нести в себе признаков деструктивности.

Апология некоторых форм современного православного активизма в варианте священника Артемия Сильвестрова, таким образом, отражает взгляды той части церковного сообщества, которая исповедует принципы «активной гражданской обороны». Между тем, далеко не все представители православного духовенства проявили и проявляют солидарность с такими подходами. Так, священник Святослав Шевченко отмечал:

«Сегодня в наш лексикон прочно вошло словосочетание «православный активизм». С одной стороны, радует, что в Церкви появились люди, которые готовы отстаивать в секулярном развращенном обществе христианские ценности. С другой стороны, пугают отдельные радикальные формы миссионерской деятельности некоторых православных активистов» (Православный активизм). Он определил данные проявления как «шоковую миссию», которая принципиально неотличима от одиозного панк-молебна «Pussy Riot» (Православный активизм). Как следствие, «вся миссионерская риторика некоторых активистов

нынешнего времени сводится к подаче сигналов опасности. Страшилки и пугалки о непременном Божьем возмездии для грешников рисуют Бога злобным демиургом, жаждущим отмщения. Из Творца на наших глазах лепят церковного бабая» (Православный активизм...).

Неудивительно, что «православный активизм» понимается пастырем совсем иначе: «...нам давно пора скидывать с себя ветхозаветные шубы и облакаться в ризу правды Божией Любви. Тогда сразу захочется искать вокруг себя не врагов, но друзей и братьев во Христе» (Православный активизм...).

Иными словами, общественная активность церкви, по мысли о. Шевченко, должна иметь созидательный и умиротворяющий, а не провокационный и антогонизирующий характер. К слову, с данной точкой зрения оказался согласен и некий церковный аноним, попытавшийся возвысить голос той части церкви, которая на фоне скандалов и неоднозначных информационных поводов незаслуженно оказалась в тени. Он изложил свое видение вопроса на странице влиятельного федерального СМИ, пожелав при этом остаться неизвестным:

«Православные активисты – это совсем другое. Это Свешниковы из фонда «Мой Мио», Лида Мониава и волонтеры и сотрудники фонда помощи хосписам «Вера», московская православная служба «Милосердие» с их «Ангаром спасения» для бездомных и другими 23 социальными проектами, сотрудники 27 кризисных центров для женщин, попавших в трудную ситуацию.... Это более 60 центров реабилитации наркозависимых по всей стране. Это Свято-Софийский детский дом, который открылся в марте 2015 г. и стал одним из первых негосударственных домов для детей с тяжелыми множественными нарушениями развития» (Чем занимаются...).

Таким образом, различие взглядов представителей Русской православной церкви на одно и то же явление, по всей видимости, объясняется с одной стороны концептуальной незрелостью православного сообщества в аспекте социальной деятельности, с другой – персональными взглядами его представителей, ассоциирующих себя с активной общественной позицией. Указанная неоднородность особенно ярко проявляется в позиции сотрудницы одной из региональных епархий Оксаны Ивановой. Видный общественный деятель, на сегодняшний день известная участием в крупных проектах и инициативах, а также громких акциях, получивших освещение и в федеральных СМИ⁶, видит мотивы, цель и задачи пробудившейся церковной активности настолько специфично, что это позволяет говорить об особом варианте православного активизма – политическом. По мнению О. Ивановой, «однажды перестав быть государственной, сегодня Русская церковь упорно пытается найти свое место в обществе и

⁶ Сюда можно отнести создание Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX в. в Екатеринбурге, а также Музея Казанской епархии; попытку баллотироваться в Екатеринбургскую городскую думу, организацию акции «Не растопчи любовь» у «Супрематического креста» Покраса Лампаса в том же Екатеринбурге, за что О. Иванова обратила на себя внимание правоохранительных органов, публичное порицание телеведущего И. Урганта за его «шутку» на федеральном телевидении о Рождестве и т.д.

выстраивать диалог с государством и социумом» (Иванова, 2021: 72). При этом «есть тайная или явная поддержка гражданской активности верующих со стороны епископата, который разумно хотел бы иметь ориентированную на иерархию и независимую от государства общественную силу, лояльную Церкви» (Иванова, 2021: 72). В итоге посредством активной общественной позиции церковных деятелей прямо ставится вопрос о политическом влиянии РПЦ в российском обществе. Этот шанс, с точки зрения активиста, Церкви непременно необходимо всесторонне использовать: «Современное российское православие находится в невероятно творческих и свободных поисках политического действия. Возможно, в такой степени это происходит впервые за тысячу лет» (Иванова, 2021: 73).

Трудно сказать, насколько данный подход востребован в церковной среде, в особенности, среди иерархов и статусного духовенства. Судя по откровениям О. Ивановой, база таковой не просто имеет место, но и достаточно широка. Вместе с тем, очевидно, что ни одна из приведенных точек зрения на сегодняшний день не может считаться в РПЦ общепринятой. Единственное, о чем можно судить определенно, что ответ на данный вопрос коррелирует со статусом церковного лица (группы и ее лидера), олицетворяющего конкретную позицию, его место в иерархии и церковной структуре, авторитет и общественный «вес», а также условия локалитета, в котором находит воплощение соответствующая активность. Так, в случае с Республикой Татарстан (далее – РТ) последний фактор играет одну из ключевых ролей, как в силу этнокультурной специфики региона, так и его места в политико-административной структуре Российской Федерации.

Судя по локализации инфоповодов с участием православных активистов, наиболее громкие с точки зрения общественного резонанса и радикальные по форме события имели место, прежде всего, в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге. Очевидно, этому способствует особая культурная среда, характеризующаяся высоким уровнем развития, концентрацией органов власти и крупных общественных объединений, плюрализмом мнений, «продвинутой» форм их выражения, конкурентностью, а также насыщенностью влиятельными средствами массовой информации. Из прочих региональных центров исключение в данном случае представляет разве что Екатеринбург, позиционирующий себя столицей крупного и значимого политически и экономически макрорегиона, примеряющего на себя некоторые признаки столичности. Так, еще раз отметим, что именно в Екатеринбурге в 2019 г. развернулось масштабное общественное противостояние вокруг инициативы строительства (восстановления) в одном из центральных скверов города православного храма, стороной в котором выступила церковь в лице местной епархии. И данный эпизод в рассматриваемом контексте отнюдь не единичен. В остальном, находясь на периферии магистральных процессов, регионы не обладают набором условий, необходимых для формирования соответствующего потенциала, способствующего проявлению общественной активности определенного характера и формата.

Ключевым элементом, влияющим на православный активизм на местах, следует считать систему государственно-церковных отношений. Даже поверхностный анализ показывает, что властно-общественная конфигурация в разных регионах может складываться по-разному. Однако, как правило, за пределами столиц государственные и муниципальные власти достаточно уверенно контролируют общественные процессы, создавая устойчивые и предсказуемые модели взаимодействия властных и общественных групп. В Татарстане эта особенность подкрепляется наличием крупной и влиятельной мусульманской общины, балансирующей интересы и активность Православной церкви, в том числе посредством периодически организуемых совместных инициатив и мероприятий. Прочная и устойчивая взаимосвязь религиозных организаций при третьей роли государственных структур способствует устойчивости принятой модели и минимизации потенциального «своеволия». По сути, она не предполагает каких бы то ни было неожиданностей и неформатной деятельности религиозных лиц и групп на манер тех, которые периодически имеют место в столичных городах, а конвенциональность деятельности (такая, какой ее понимают в данном регионе) выступает одним из ключевых требований общественного самопозиционирования. Принятые «правила игры» априорно способствуют исключению из повестки радикальных уклонов, обеспечивая поддержкой (административной, информационной и т.д.) и выводя на передний план социально полезную деятельность тех или иных общественных объединений.

Событийный нарратив наглядно подтверждает выдвинутый тезис. Так, отличительной особенностью общественного активизма православного сообщества РТ следует считать ее отчетливо социальный уклон. Активность православной службы помощи «Милосердие-Казань», медицинского отдела Казанской епархии (к примеру, волонтерство в медицинских и социальных учреждениях и т.д.), епархиального общества «Трезвение» (противодействие наркомагии и алкоголизации), Центра защиты семьи, материнства и детства «Умиление» практически полностью замыкают на себе соответствующую региональную информационную повестку. Казачьи сообщества, культивирующие военизированную идеологию и, вместе с тем, ассоциированные с православными приходами, в своей деятельности в целом также следуют в общем фарватере, направляя свои усилия на обеспечение общественного порядка в дни больших православных праздников и организацию гуманитарных акций в поддержку Специальной военной операции (СВО). Примеры подобного плана можно существенно расширить, и все они будут укладываться в выше обозначенную логику. Важным здесь представляется то, что указанная модель де-факто является социальным конструктом, целенаправленно формировавшимся в республике в последние десятилетия и базирующегося на принципе преемственности внутренней политики в регионе и особой роли государственных структур в ее реализации.

Таким образом, подводя итог, можно сделать несколько принципиальных выводов. На сегодняшний день в Русской православной церкви отсутствует

единая точка зрения на характер и содержание православного активизма. Это предопределяет многообразие примеров его практической реализации. Дискуссия на этот счет в церкви все еще продолжается и сохранит свою актуальность в обозримом будущем. Одним из ключевых факторов, определяющих вариативность рассматриваемого явления в российском общественном пространстве следует считать региональную специфику, проходящую по линии «столицы–провинция». При этом в Республике Татарстан в новейший период сложилась своя собственная модель как результат самобытного и творческого подхода власти к регулированию социальных процессов в регионе. Она не только предполагает стабильность, но и создает устойчивую основу для прогнозирования ситуации и снижения вероятности непредсказуемых явлений и процессов. Учитывая тот факт, что ряд форм современного общественного активизма предполагает примат либеральной парадигмы в социальной действительности, в условиях традиционализации российского общества возможность таковых существенно снижается. Вместе с тем, это не исключает вероятности противоположных эффектов, признаки которых проявляют себя в ряде случаев.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

В Казани в музее Казанской епархии открылась выставка «Царственная святость: Российский император Николай II и его семья». URL: <https://tatmitropolia.ru/newses/kaznews/?id=79746&ysclid=m0hukjq3nm660521453> (дата обращения: 4.07.2024).

Протоиерей Чаплин обсудил с блогером Навальным протестные митинги. URL: <https://www.interfax.ru/russia/226584> (дата обращения: 12.06.2024).

Православные активисты создают общественное движение «Божья воля». Протоиерей Николай Карасев, о благословении которого на деятельность в храмах заявляют активисты, с организаторами движения пока не знаком. URL: <https://iz.ru/news/545898> (дата обращения: 2.07.2024).

Творения св. Дионисия Великого, епископа Александрийского, в русском переводе Казань: Казанск. духовная акад., 1900.

Церковь вышла за свою ограду? URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2016/01/cerkov_vyshla_za_svoyu_ogradu?ysclid=ltfgw56clf885466155 (дата обращения: 5.03.2024).

Православный активизм: промахи и успехи. URL: <https://svyatoslav.livejournal.com/518951.html> (дата обращения: 4.07.2024).

Чем занимаются настоящие православные активисты. К сожалению, человек разрушающий имеет куда больший медийный потенциал, чем человек созидающий. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/08/20/605491-chem-zanimayutsya-nastoyaschie-pravoslavnie-aktivisti> (дата обращения: 4.07.2024).

О термине «соборность» в Символе веры и истории. URL: <https://azbyka.ru/o-termine-sobornost-v-simvole-very-i-istorii> (дата обращения: 4.03.2024).

Поединок с Владимиром Соловьевым. 4.07.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=473-YpFBaYo&ab_channel=MusinkaOshay (дата обращения: 4.02.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Myers David G. *Social Psychology*, 7th ed. Boston [etc.]: McGraw-Hill, 2002.

Иванова О.В. Церковь в общественно-политической сфере (на примере Екатеринбурга и Свердловской области) // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 8 (13). С. 72–73.

Лапшина В.С. Социально-философский феномен урбанистического активизма // KANT. 2022. № 1 (42). С. 127–131.

Лункин Р.Н. Гражданское общество и политический активизм: пробудит ли вера политический активизм? // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 8 (13). С. 6–21.

Патеев Р.Ф. Исламский активизм в татарском сообществе: сущность и исторические формы // Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 13–71.

REFERENCES

Ivanova O.V. (2021) The Church in the socio-political realm (on the example of Yekaterinburg and the Sverdlovsk region). *Sotsiodigger*. Vol.2. Issue 8 (13): 72–73. (In Russ.)

Lapshina V.S. (2022) Socio-philosophical phenomenon of urban activism. *KANT*. No.1 (42): 127–131. (In Russ.)

Lunkin R.N. (2022) Civil society and political activism: will faith awaken political activism? *Sotsiodigger*. Vol.2. Issue 8 (13): 6–21. (In Russ.)

Myers David G. (2002) *Social Psychology*. 7th ed. Boston [etc.]: McGraw-Hill.

Pateev R.F. (2021) Islamic activism in the Tatar community: the essence and historical forms. In: *Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences Publ.: 13–71. (In Russ.)

Сведения об авторе: Хохлов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ; доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>; e-mail: kazan_molodezh@mail.ru

About the author: Alexander A. Khokhlov, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor at the Department of Tatarstan History, Anthropology and Ethnography, Kazan (Volga region) Federal University (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>; e-mail: kazan_molodezh@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 22.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised 29.01.2025

Принята к публикации / Accepted 10.01.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.132-146>

EDN: SHKCQH

Перспективы изучения истории газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар»

Э.И. Шарафиев

*Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
magdiev.emil@gmail.com*

Резюме. Статья направлена на выявление перспективных направлений в изучении исторического развития газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар». В ней дается историографический обзор темы, обосновывается ее новизна и теоретическая значимость. Приводятся общие краткие сведения об истории газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар», раскрываются их значимость, функциональное и социокультурное значение. Особое внимание уделяется определению проблемного поля и выделению ряда слабоизученных аспектов темы: динамике институционального развития, корреляции с другими социокультурными и общественно-политическими процессами в среде кряшен, кадровому составу редакций, периодизации, конфликтным ситуациям, редакционной почте, материально-финансовому состоянию. Формулируется ряд исследовательских вопросов, на которые, по мнению автора, необходимо найти ответы при рассмотрении того или иного из аспектов темы. Отмечается, что история периодических изданий кряшен в постсоветский период находится в тесной и неразрывной взаимосвязи с проблемой развития кряшенской журналистики в соответствующее время, которая также имеет ряд аспектов и еще не становилась предметом специального научного изучения.

Ключевые слова: Кряшены, этноориентированная периодическая печать, «Керәшен сүзе» («Слово кряшен»), «Туганайлар», общественное и этнокультурное движение, кряшенская журналистика, Л.Д. Белоусова, Республика Татарстан.

Для цитирования: Шарафиев Э.И. Перспективы изучения истории газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар». *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 132–146. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.132-146> EDN: SHKCQH

Prospects for studying the history of the newspapers “Keräßen süze” and “Tuganaylar”

E.I. Sharafiev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
magdiev.emil@gmail.com*

Abstract. The article is intended to identify the promising areas in studying the historical development of the newspapers *Keräßen süze* and *Tuganaylar*. It provides a historiographical overview of the topic, as well as substantiates its novelty and theoretical significance. The paper provides brief general information on the history of the newspapers *Keräßen süze* and *Tuganaylar* and reveals their

significance and the functional and socio-cultural meaning. Particular attention is paid to defining the problem field and highlighting the poorly studied aspects of the topic: dynamics of institutional development, correlation with other socio-cultural and socio-political processes among the Kryashens, the editorial staff, periodization, conflict situations, editorial mail, the financial situation. The author has articulated a number of research questions, answering which he believes to be important when considering one or another of the topic aspects. It is noted that the history of periodicals of the Kryashens in the post-Soviet period is in close and inextricable connection to the problem of the Kryashen journalism development at the relevant time, which also has a number of aspects and has not yet become the subject of special scholarly research.

Keywords: Kryashens, ethno-oriented periodicals, “Keräßen sūze” (“Word of the Kryashens”), “Tuganaylar”, social and ethno-cultural movement, Kryashen journalism, L.D. Belousova, Republic of Tatarstan.

For citation: Sharafiev E.I. (2025) Prospects for studying the history of the newspapers “Keräßen sūze” and “Tuganaylar”. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 132–146. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.132-146> (In Russ.)

Начало 90-х годов XX в. в Республике Татарстан ознаменовалось возрождением этноориентированных периодических печатных изданий. К их числу относятся и газеты кряшен «Керәшен сүзе» и «Туганайлар», каждая из которых являлась в свое время единственным периодическим изданием, всецело предназначенным для освещения разных сторон жизни кряшенского сообщества Татарстана. Начало осмысления истории современной кряшенской газетной периодики в литературе было положено в начале 2000-х годов и поначалу происходило в публицистическом формате. Авторы делились своими представлениями, мыслями, воспоминаниями об историческом развитии газеты «Керәшен сүзе», ее содержательной стороне. Первыми к этой теме начали обращаться журналисты, которые были непосредственным образом причастны к её деятельности. Изучение темы в научно-исследовательском ключе началось лишь относительно недавно. В рамках разработки научной темы диссертационного исследования в последние годы некоторые аспекты истории кряшенских периодических изданий современного периода освещаются в работах Д.И. Ахметова (Ахметов, 2024).

Газеты «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» являются основными периодическими печатными изданиями, отражающими кряшенскую этничность и специализирующимися на освещении разных сторон жизни кряшенского населения не только Татарстана, но и соседних с ним регионов. В связи с этим данные периодические издания выступают в качестве одного из главных источников по современной истории кряшен, их культурному и общественному развитию в масштабах всей России.

История этих периодических изданий отражает развитие общественного активизма кряшен в постсоветский период и основные социокультурные процессы, происходившие в кряшенском сообществе Республики Татарстан. Эти газеты сами по себе являются важнейшими социокультурными институтами

сообщества кряшен и достижением современного кряшенского общественного движения. Изучение истории газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» позволяет получить дополнительные сведения о динамике этносоциального и этнокультурного развития кряшен, определить наиболее значимых акторов, хронологию событий, фактологическое содержание этих процессов, углубить знания о содержании деятельности кряшенских общественных, культурных и религиозных институтов, кряшенской общественно-политической мысли в современный период истории.

Существование редакции этих газет во времени четко разграничено и происходило поочередно. Первой из них по хронологии возникла частная общественно-политическая газета «Керәшен сүзе», издававшаяся на всем протяжении своего существования в г. Набережные Челны. Первый ее номер вышел 4 февраля 1993 г., последний – в марте 2002 г. Таким образом, в феврале нынешнего года исполнилось 30 лет с момента начала выпуска газеты. Всего было выпущено 119 номеров: 8 – в 1993 г.; 6 – в 1994 г.; 2 – в 1995 г.; 10 – в 1996 г.; 12 – в 1997 г.; 22 – в 1998 г.; 25 – в 1999 г.; 17 – в 2000 г.; 13 – в 2001 г.; 4 – в 2002 г. (Шарафиев, 2019а: 79). Этот орган периодической печати стал одним из результатов и плодов коренных перемен, затронувших все сферы жизни общества – в первую очередь, речь идет о демократизации и либерализации общественно-политического строя в стране в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. в ходе «Перестройки» и после распада Советского Союза. Эти тектонические сдвиги кардинальным образом сказались на этническом самосознании народов России. Вследствие утраты общей идентичности «советский народ» у народов Российской Федерации стало происходить усиление идентификационности этничности. Сложные процессы этнокультурной самоидентификации, поиска этнокультурной ниши начинают происходить в это время и у кряшен Республики Татарстан. Кряшены в это время начинают активно создавать свои общественные структуры, возрождать и развивать этнокультурные и этноконфессиональные институты, формируют общественно-политический дискурс. Газета «Керәшен сүзе» на протяжении ряда лет являлась единственным специализированным органом периодической печати в республике, стремившимся разносторонне освещать жизнедеятельность представителей этой этноконфессиональной группы. Более подробный обзор становления и развития газеты «Керәшен сүзе» был произведен уже ранее (Шарафиев, 2019а: 77–82), поэтому здесь мы не будем заострять внимание на этом предмете.

Преемницей традиций «Керәшен сүзе» является культурно-просветительская газета кряшен «Туганайлар» («Родные мои»), которая, начиная с 5 октября 2002 г., в соответствии с пунктом №6 протокола встречи президента РТ М.Ш. Шаймиева с лидерами кряшенского движения республики, стала издаваться в Набережных Челнах. В 2007 г., в связи с реорганизацией в системе республиканских масс-медиа «Редакция газеты «Туганайлар» становится Филиалом ОАО «Татмедиа» в статусе республиканского периодического издания с финансированием из государственного бюджета. В период с 2002 по 2008 гг.

главным редактором газеты была Зинаида Петровна Мухлисова (Антонова). В марте 2008 г. на этой должности ее сменяет Людмила Даниловна Белоусова. Третьим по счету главным редактором газеты «Туганайлар» стала Юлия Юрьевна Губина, которая занимает эту должность с декабря 2018 г. по настоящее время. Газета выходит два раза в месяц, со второй половины 2010 г. издается ежемесячный четырехстраничный вкладыш на русском языке «Этнографическая мозаика»¹.

Обе газеты выполняли ряд общественно значимых функций в рамках сообщества кряшен на всероссийском уровне. Предоставляя на своих страницах значимую для кряшенского сообщества информацию, издания формировали основания для его консолидации, приобретая роль единого информационного центра. Важной функцией стала и коммуникативная, поскольку издания позволяли не только налаживать связь кряшен, проживающих в разных местах и регионах страны, но и давали им возможность обмениваться информацией о значимых для жизни общины событиях, вести дискуссию по спорным вопросам. Создавая ценностные ориентиры, формируя у читателя-кряшена историческую память, комплекс маркеров его этничности, эти органы периодической печати внедряли в массы и культивировали в общественном сознании определенный комплекс идей и тем самым оказывали идеологическое воздействие. Важную часть их деятельности составляла пропаганда, которую они осуществляли посредством придания особой значимости традиционным культурным ценностям, этнокультурным и этноконфессиональным институтам как необходимым компонентам полноценной этнокультурной жизни общества, транслируя в широкие массы и способствуя правильному восприятию сообществом целей и задач кряшенского движения. Во влиянии на формирование и мобилизацию кряшенской этнокультурной идентичности проявилась конструирующее начало в деятельности газет. Осуществляя подготовку кадров кряшенской журналистики, «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» обеспечивали ее воспроизводство². Можно констатировать, что с самого начала и в течение всего времени своего существования периодическая печать кряшен в постсоветский период играет высокую роль в развитии общественного движения этой этноконфессиональной группы в Республике Татарстан.

Импульс для осмысления и оценки истории постсоветской кряшенской журналистики был дан лидером общины, действующим руководителем Исполнительного комитета Общественной организации кряшен Республики Татарстан и бывшим главным редактором газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» – Л.Д. Белоусовой. В ряде ее публицистических работ, опубликованных в разное время на страницах газеты «Керәшен сүзе» и на сайте газеты «Туганайлар», дается информация о предпосылках создания, становлении и деятельно-

¹ Белоусова Л.Д. Туганайлар – это сородичи / беседовала Н. Билалова // Наш дом – Татарстан. 2012. № 4. С. 26.

² Понятие кряшенской журналистики позиционируется нами в качестве органичной части общетатарской журналистики.

сти газеты «Керәшен сүзе», освещается ряд узловых сюжетов в ее развитии. Автором в особенности подчеркивается роль в этом процессе конкретных личностей (Н. Антонов, Н. Колчерин, Л.Д. Белоусова, А.Н. Малов, И. Фаррахов, Ч. Хуснутдинова, А. Дусайлы)³, а также тесная связь этого органа печати с общественным движением кряшен Республики Татарстан. Отмечается причинно-следственная обусловленность событий и исторического развития органа периодической печати в контексте экономического и общественно-политического состояния страны в 1990-е гг. Л.Д. Белоусова кратко описывает цели и задачи газеты, уделяет значительное внимание реакции и отклику, которые газета получала, особенно в момент своего возникновения, от различных слоев как кряшенского, так и татаро-мусульманского населения. В интервью под названием «Бер пот тоз яки “КС”нең 100 санлык тарихы турында» («Один пуд соли или об истории сотого номера газеты “КС”»), опубликованном в №15(100) газеты «Керәшен сүзе» более подробно, чем в других ее статьях, описывается предыстория, подготовительный этап создания газеты, даются сведения о личных взаимоотношениях Л.Д. Белоусовой с руководством издания, а также первым редактором газеты А.Н. Маловым⁴. В интервью, данном Л. Белоусовой журналу межнационального и межкультурного общения «Наш дом – Татарстан»⁵ в 2012 г. приводятся некоторые сведения об истории создания и становления газеты «Туганайлар», его руководстве и кадровом составе по состоянию на 2012 г.; рассказывается о тематическом содержании газеты, его рубриках, издательском формате и актуальных проблемах. Некоторые ценные сведения об истории создания газеты «Керәшен сүзе» приводит в своих воспоминаниях, опубликованных во втором номере газеты «Керәшен сүзе» за 2000 г., Ахмет Дусайлы⁶.

Попытка восполнить существующую историографическую лакуну принята в ряде работ автора настоящей статьи (Шарафиев, 2019а: 77–82; Шарафиев, 2019б: 50–58; Шарафиев, 2019в: 29–33). Так, в 2019 г. вышел в свет ряд статей автора в научных журналах России, посвященных разным аспектам исторического развития рассматриваемых органов печати. В одной из них впервые предметом специального научного изучения стали материалы религиозного содержания газеты «Керәшен сүзе», рассмотренные в историческом контексте и развитии (Шарафиев, 2019в: 29–33). Были перечислены и проанализированы их особенности, специфика, характеристики, статистические показатели в целом, а также в зависимости от принадлежности к определенному тематическому разделу и хронологическому периоду. Отмечена взаимосвязь развития кряшенской периодики с другими социокультурными и общественно-политическими про-

³ Белоусова Л.Д. Бер пот тоз яки «КС»нең 100 санлык тарихы турында / Р. Мухаметдинова әнгәмәсе // Керәшен сүзе. 2000. 22 сентябрь. Б. 1.

⁴ Там же. Б. 1.

⁵ Белоусова Л.Д. Туганайлар – это сородичи. Указ. соч. С. 24–27.

⁶ Дусайлы Ә. Әхмәт Дусайлы: «Кеше укырлык гәзит булсын, дип...» // Керәшен сүзе. 2000. 8 февраль. Б. 2.

цессами в сообществе кряшен Татарстана. В другой статье (Шарафиев, 2019а: 77–82) был осуществлен подробный разбор известных и наиболее значимых коллекций этого издания, затронута проблема их полноты и сохранности. В данных работах также рассматривались такие составляющие институционального развития этого органа периодической печати, как причины и предпосылки возникновения, кадровый состав, организационная структура, материально-финансовое состояние, частота и периодичность выпусков, их объем. Особое внимание уделено причинно-следственным связям и закономерностям развития этого средства массовой информации, определению его исторической роли и значения.

Безусловно, все вопросы, связанные с проблемой исторического развития кряшенских периодических изданий постсоветского периода сложно предметно обозначить в рамках отдельной журнальной статьи, поэтому здесь будут затронуты лишь некоторые узловые моменты, ключевые аспекты и проблемные сюжеты этой темы, а также представлен авторский взгляд на перспективы ее изучения.

Возникновение и развитие современных специализированных периодических органов печати кряшен соответствовало духу своего времени, поэтому весьма актуальной является рассмотрение данной проблемы в сравнительном ключе. Ведь подобные изменения, а именно – создание этноориентированных газет, в период этнокультурного возрождения у народов России и бывшего Советского Союза, имело, в целом, распространенный характер. Сравнение и сопоставление кряшенских газет можно проводить и с общетатарскими периодическими изданиями 1990-х гг., и с изданиями других этнических сообществ. К примеру, с общественно-политической газетой «Сувар». Эта газета издается в Татарстане регулярно с 1993 г. на чувашском языке, освещает общественно-политические события, происходящие в республике, а также публикует материалы по истории и культуре чувашей. Сегодня учредителями этой газеты, также, как и «Туганайлар», является АО «Татмедиа».

Открытым остается вопрос о периодизации развития кряшенских печатных СМИ в истории современной России. В качестве варианта в истории газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» можно выделить такие периоды: 1) 1993–1997 гг.; 2) 1997–2002 гг.; 3) 2002–2008 гг.; 4) 2008 г. – по настоящее время (условно).

1993 г. – время создания газеты «Керәшен сүзе» – первой кряшенской газеты современного периода истории. Этот орган печати был частным, независимым от государства, обладал собственной редакционной политикой. В 1993–1997 гг. сформировалась концепция газеты «Керәшен сүзе»: были заложены основы редакционной политики, журналистских подходов, тематического содержания газеты; установлен регламент взаимодействия редакции с общественными, государственными структурами и общественностью кряшен. 1 марта 1997 г. ушел из жизни первый главный редактор газеты «Керәшен сүзе» Аналий Нестерович Малов (литературный псевдоним – Ямаш Игеней), которого в

среде кряшен считается основателем современной кряшенской журналистики⁷. После смерти А.Н. Малова главным редактором газеты «Керәшен сүзе» была назначена Л.Д. Белоусова. В 1997 г. развитие газеты обрело новый вектор, обусловленный ее тесной связью с региональным кряшенским общественным движением, трансляцией общественно-политического курса Республиканского центра кряшен (РНКЦКТ), сменой руководства, улучшением финансирования (по-прежнему оставалось частным), вовлечением в журналистский процесс новых авторов, стабилизацией выпуска газеты и увеличением частоты выхода ее номеров.

Второй период – 1997–2002 гг. – в целом можно считать возрождением газеты «Керәшен сүзе» (а вместе с этим и кряшенской журналистики в республике), обретением ею нового импульса и вектора развития. Конечная дата второго периода, 2002 г., ознаменована «закатом» издания. Кризис в общественном движении кряшен республики, с которым оно столкнулось в преддверии Всероссийской переписи населения 2002 г., также отразился и на состоянии газеты. Разногласия в среде лидеров общественного движения кряшен негативно сказались на деятельности печатного органа и привели сначала к смене редакционного руководства, структурным изменениям руководящих органов, а в последующем и к его закрытию.

Третий период связан с новым этапом в развитии кряшенских периодических изданий. В 2002 г. создается новая кряшенская газета – «Туганайлар», существующей и по сей день, под учредительством администрации г. Набережные Челны с установленным штатом сотрудников и бюджетным финансированием, новым редакционным коллективом. В 2002 – 2008 г. происходит институциональное становление газеты «Туганайлар», отлаживание механизмов функционирования его редакционной деятельности.

В 2008 г., после смены руководства в редакции газеты «Туганайлар», происходит усиление связи этого средства массовой информации с общественным движением кряшен республики. Это проявлялось в том, что на страницах газеты стали чаще публиковаться сводки из организационной жизни кряшенских объединений, освещаться их деятельность. Публикуются репортажи с заседаний рабочих органов общественных объединений, конференций; поздравления от имени разных (включая местные) организаций кряшен в адрес отдельных представителей кряшенского сообщества по случаю юбилеев, знаменательных событий, либо выражение соболезнований по каким-то случаям; обширные интервью с лидерами общественного движения, руководителями организаций и программные речи. В четвертый период, с 2008 г. – по настоящее время (условно), газета функционировало в качестве республиканского периодического издания, а ее редакция переехала из г. Набережные Челны в г. Казань. В эти годы в деятельности редакции газеты стали играть усиливающуюся роль социальные

⁷ Наследники Ямаша Игеня. URL: <https://tuganaylar.ru/news/novosti/nasledniki-yamasha-igeneya> (дата обращения: 27.01.2025).

медиа, издание обрело свой сайт и аккаунты в социальных сетях, вышло на просторы глобальной сети Интернет, усилило свое внимание к молодежи.

В 2009 г. в газете «Туганайлар», по сравнению с предыдущими годами, становится больше материалов, посвященных кряшенской молодежи – эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Публиковались обзоры молодежных бесед на просторах социальных сетей на разные злободневные темы, репортажи о событиях в общественной и культурной жизни кряшенской молодежи, статьи и заметки об отдельных ее представителях. Помимо этого, больше внимания в это время начинает уделяться молодежной составляющей в информационных сообщениях о событиях в общественной и культурной жизни кряшен. Также, начиная с 2009 г., в издании усиливается внимание к сообществам кряшен в социальных сетях, что было связано, в частности, с их возникновением и количественно-качественным ростом именно в этот период. Появляется специальная тематическая колонка (название варьировалось от номера к номеру – «Мәйдән» («Майдан»), Интернет-фикер («Интернет-мнение»), Интернет-барлау («Интернет-обзор»), Интернет-кайтаваз («Интернет-отклик») или просто «Форум»), в которой, в большинстве своем, публикуются репрезентативные фрагменты из виртуальных обсуждений группы «Кряшены» или группы газеты «Туганайлар» социальной сети «ВКонтакте». Существовала также и подрубрика «Интернет-яңалык» («Интернет-новость»).

Представляется интересным рассмотреть развитие коллективов редакций газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» в хронологии, проследить преемственность поколений в сфере кряшенской журналистики. В этом смысле возникает вопрос – сколько поколений татарстанских журналистов было задействовано в орбите кряшенских периодических изданий в постсоветский период и до наших дней? На наш взгляд, можно говорить о трех таких поколениях. В 1993–1994 гг. в газете «Керәшен сүзе» публикуется плеяда журналистов кряшенского происхождения: это в первую очередь – главный редактор газеты Ананий Малов, а также Павел и Михаил Апушевы, Александр Филиппов, Виктор Шадрин, Людмила Белоусова. Кроме них авторами многих публикаций и заметок выступают много «народных» внештатных корреспондентов из разных мест, сел и городов республики, представители непроизводственной интеллигенции, творческой и общественной элиты кряшен своего времени. Следует отметить, что к февралю 2000 г. коллектив редакции газеты «Керәшен сүзе» состоял только из двух человек: главного редактора и ответственного секретаря (Шарафиев, 2019а: 80). В 2009 г. в группу штатных журналистов «Туганайлар» входили: помимо главного редактора – Людмилы Белоусовой – Гульфия Шайхразиева (журналистский псевдоним – Г. Егорова), Валентина Максимова, Мария Мартынова, Рушания Михайлова⁸. Сегодня, по информации сайта газеты «Туганайлар», в журналистский состав редакции входят: Юлия Губина – главный редактор, Фирая Муратова – редактор, Фрида Валитова – корреспонденты, ставшая сотрудницей ре-

⁸ Белоусова Л.Д. Туганайлар – это сородичи... С .27.

дакции в январе 2022 г., Ландыш Губайдуллина – корреспондент с июня 2003 г. Остается открытым вопрос о составе внештатных корреспондентов в разные хронологические периоды и порядке сотрудничества с ними редакции⁹.

В связи с этим, одним из направлений изучения названных изданий в исторической ретроспективе может служить анализ творческой деятельности представителей каждой из волн или поколений деятелей в сфере кряшенской журналистики. Следует задаться вопросами: какие ценности несли и транслировали представители каждого из поколений, какие они расставляли приоритеты и какие делали акценты, что было для них наиболее важным при анализе или освещении тех или иных вопросов, касающихся жизни кряшенского сообщества? Какие темы избирались в качестве повестки дня, и с чем это было связано? Поиск ответов на эти вопросы, сравнение и сопоставление полученных результатов дает возможность проследить динамику развития содержания рассматриваемых периодических изданий и в целом кряшенской журналистики. Также интересно узнать какие проблемы волновали журналистов, читательскую аудиторию этих газет в разные периоды развития этих изданий. Для ответа на все эти вопросы необходим подробный и полный тематический и контент-анализ газетных публикаций за весь период существования обозначенных периодических изданий.

Также в рамках рассматриваемой темы представляется перспективным изучение сложившихся редакционной политики и журналистских практик в исследуемых периодических изданиях. Выявление и анализ названных аспектов дают возможность выявить сходство и различия, как самих изданий, так и проследить их корреляцию с другими периодическими изданиями Татарстана и в общем контексте развития татароязычной журналистики. Отдельной темой может стать изучение рубричной сетки изданий. Каждая из рубрик имеет свою историю, причину возникновения либо исчезновения, предназначение, авторский замысел и содержание. Перечень рубрик рассматриваемых изданий имел вариативный характер и изменялся со временем. Подробный анализ содержания отдельно взятых рубрик в исторической ретроспективе, выявление общих и отличительных черт рубричного комплекса рассматриваемых кряшенских газет, изучение его видоизменения и трансформации позволили бы выявить наиболее значимые темы в контексте социокультурного развития кряшенского сообщества, как в Татарстане, так и за его пределами.

Немаловажным аспектом развития кряшенских газет в постсоветский период является выявление точек расхождения либо конфликтных ситуаций в развитии изданий, когда их редакции и руководство становились перед необходимостью выбора того или иного пути дальнейшего развития в связи с определенной обозначившейся проблемой. Действия редакционного руководства и коллектива издания в подобных ситуациях также характеризуют политику и

⁹ Редакция коллективы. URL: <http://tuganaylar.ru/news/stati/redaktsiya> (дата обращения: 27.01.2025).

стратегию соответствующего органа, его ценностные ориентиры, способность адаптироваться к меняющимся внешним обстоятельствам.

В качестве первого примера такой ситуации можно привести случай, связанный с публикацией частями в №2, №3, №4 газеты «Керәшен сүзе» за 1999 г. любительского сочинения «Без тарихта эзлибез» («Мы исследуем прошлое») на историческую тему активистки казанской общины кряшен, учительницы Марии Матвеевой¹⁰, и ее логически и содержательно связанного продолжения «Кубрат хан хэзинәсе ни сөйли?» («О чем рассказывают сокровища хана Кубрата?») в №18 и №19 той же газеты за тот же год. Примечательно, что сочинение «Без тарихта эзлибез» было передано в редакцию газеты через священника из кряшен о. Василия, работавшего в Набережных Челнах, и только после его прочтения¹². Исходным положением всей логики рассуждений М. Матвеевой служит утверждение, что кряшены, как этническая группа, сформировались задолго до завоевания Казанского ханства Иваном IV (Грозным) в XVI в., а их непосредственными предками были булгары, принявшие православие от Византии в VII в. н.э. в городе Херсонес (Корсунь), который, якобы, в то время назывался «Кряшен»¹³. Таким образом, по мнению автора, часть булгар, принявшие православие в этом городе, в последствии, стали называться «кряшенами»¹⁴. Эти публикации вызвали неподдельный интерес у читателей и получили свою долю одобрения, если не сказать восторга, а их автор – благодарности за свой труд, о чем свидетельствуют письма и отклики читателей, опубликованные на страницах номеров газеты за 1999 г. Так, Петр Кузьмин из села Бурды Тукаевского района считает, что сочинения Марии Матвеевой играют большую роль в раскрытии этнической истории кряшен. Взяв на вооружение утверждение М. Матвеевой о восхождении этнических корней группы кряшен к VII в. н.э.¹⁵, что в его нарративе выступает как не подлежащий сомнению исторический факт, он выражает сожаление, что его соплеменники «совсем не знают» об этом¹⁶. Однако в №11(96) газеты за 2000 г. в рубрике «Возвращаясь к написанному» на сочинение М. Матвеевой «Кубрат хан хэзинәсе ни сөйли?» был опубликован негативный отзыв авторитетного представителя сообщества кряшен, автора книги «Судьба гвардейцев Сеюмбеки»¹⁷ и энциклопедии «Tatarika»¹⁸

¹⁰ Матвеева М. Без тарихта эзлибез // Керәшен сүзе. 1999. 27 январь. Б. 2; 17 февраль. Б. 3–4.

¹¹ Матвеева М. Кубрат хан хэзинәсе ни сөйли? // Керәшен сүзе. 1999. 10 сентябрь. Б. 3; 24 сентябрь. Б. 3.

¹² Матвеева М. Без тарихта... Б.2.

¹³ Матвеева М. Кубрат хан... Б. 3.

¹⁴ Там же. Б. 3.

¹⁵ Напомним, что согласно современным исследованиям академической науки начало формирования этноконфессиональной группы кряшен относится лишь к XVI в.

¹⁶ Кузьмин П.А. «Кубрат хан... Б.4.

¹⁷ Глухов М.С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки (неформальный подход к еще не написанным страницам истории). Казань: Ватан, 1993. 286 с.

¹⁸ Глухов М.С. Tatarika. Энциклопедия. Казань: Ватан, 1997.

Максима Степановича Глухова под названием «Не нужно нам солнце чужое»¹⁹. Предварило отзыв М.С. Глухова письмо учителя из школы села Ляки Сармановского района РТ Георгия Дмитриева. Так, автор, в целом выражая положительное отношение к публикации М. Матвеевой, указывает на то, что следовало бы (редакции газеты. – Э.Ш.) дать больше сведений о самой М. Матвеевой, а также уточнить, на какие источники она опирается в своем сочинении. При этом автор письма предлагает опубликовать в одном из номеров мнение М. Глухова о данном произведении, в качестве авторитетной экспертной оценки²⁰. Из редакционного предисловия к отзыву М. Глухова мы узнаем, что этот материал был получен редакцией уже давно, но не был в своё время напечатан. И все же, ввиду настойчивой позиции автора, редакция газеты «Керәшен сүзе» опубликовала материал, принесла свои извинения, без сокращений и перевода на татарский язык²¹. В действительности, сказанное М. Глуховым в его отзыве следовало бы отнести не только к сочинению М. Матвеевой «Кубрат хан хэзинәсе ни сөйли?», но и к «Без тарихта эзлибез», поскольку они имеют схожее содержание, идею, основные положения и опираются на одни и те же источники (вымышленный исторический источник «Джагфар Тарихы» («История Джагфара»)).

Подвергая критике исходное утверждение М. Матвеевой, о котором говорилось ранее, М. Глухов задается вопросом об источнике используемых автором статьи сведений²². «Если из книги Я. Нурутдинова, на которого ссылается автор статьи..., – продолжает автор, – то следовало бы иметь в виду, что «Джагфар Тарихы» уже давно оценено учеными, в частности, – самым авторитетным из современных татарских источниковедов М.И. Ахметзяновым, как «самая откровенная фальсификация, полная вымысла и нездоровых фантазий»²³. Далее М. Глухов указывает на несостоятельность тезиса, который является важнейшим звеном в цепи всех рассуждений в статье Марии Матвеевой, что субэтноним «кряшены» (самоназвание «керәшен» – ед. ч.; «керәшеннәр» – мн. ч.) происходит от названия города Херсонес (Корсунь). Подводя итоги своего отзыва, он заключает, что «ложно интерпретированные псевдонаучные публикации» к которым, «к сожалению», относится и статья М. Матвеевой, «способствовали и способствуют культивированию такой «гордости», которая в своем развитии будет иметь только отрицательные последствия»²⁴. Среди них он указывает «смуту в межнациональных отношениях» и возможные конфликты²⁵. Таким образом, в рассматриваемых сочинениях М. Матвеевой, с опорой

¹⁹ Глухов М.С. Не нужно нам солнце чужое // Керәшен сүзе. 2000. 31 июнь. Б. 3.

²⁰ Дмитриев Г. Мария Матвееваның «Кубрат хан хэзинәсе ни сөйли?» исемле материалын бик кызыксынып укыдым // Керәшен сүзе. 1999. 20 октябрь. Б. 4.

²¹ Глухов М.С. Не нужно нам солнце чужое. Курс. хез.

²² Курс. хез.

²³ Курс. хез.

²⁴ Курс. хез.

²⁵ Курс. хез.

на исторические фальсификаты, предпринимается попытка идеализации, приукрашивания и «удревнение» этнической истории и этногенеза кряшен.

Не вдаваясь в рассуждения о возможных причинах и мотивах публикации таких материалов, будет справедливо сказать, что подобное «мифотворчество» могло, с одной стороны, иметь негативное воздействие на авторитет и репутацию данной газеты в республике (а также за ее пределами), а с другой, способствовать формированию ложной «исторической памяти» у читателей – кряшен. В результате такой реакции со стороны авторитетного представителя, в дальнейшем редакция «Керәшен сүзе» уже не размещала на страницах газеты подобного рода публикации псевдонаучного содержания, что относится также и к газете «Туганайлар».

В качестве другого примера можно привести и ранее упоминавшийся (Шарафиев, 2019в: 29–33) случай о том, что 1993–1997 гг. в газете «Керәшен сүзе» в специальной рубрике, посвященной религиозной тематике, активно публиковались православные молитвы на татарском языке (в церковно-кряшенской традиции), применяемые в богослужебной практике в среде кряшен (Шарафиев, 2019в: 29–33). Однако, как мы узнаем из интервью, опубликованного в №16(76) газеты «Керәшен сүзе» за 1999 г., эта практика не пользовалась одобрением со стороны наиболее авторитетного действующего священнослужителя из кряшен, настоятеля церкви Тихвинской иконы Божией Матери, протоиерея о. Павла (Павлов)²⁶. Он отметил, что «... газета ... попадает в руки разных людей, которые используют её порой в качестве обертки, выбрасывают, пачкают», а это, в свою очередь, является оскорблением «священных молитв»²⁷. Анализ информационного содержания номеров газеты показал, что, начиная с 1998 г., публикация в ней православных молитв прекращается. Что в действительности поспособствовало этому – история умалчивает, однако, как нам кажется, ключевым фактором стала именно позиция о. Павла, о которой, вероятно, редакция «Керәшен сүзе» узнала гораздо раньше, чем было опубликовано интервью со священником (26 августа 1999 г.). Этот факт можно объяснить тем, что у редакции газеты «Керәшен сүзе» в эти годы существовала объективная нехватка компетентной научно-аналитической экспертизы публикуемых материалов, в особенности относящихся к области истории, либо этому аспекту редакционной деятельности не придавалось должного значения.

Важным исследовательским аспектом является и история финансового обеспечения издательской деятельности «Керәшен сүзе». Известно, что в целом существовало два источника финансирования издания – доход от продажи (в основном по подписке) номеров газеты и спонсорская помощь²⁸. Судя по свидетельствам, в определенные периоды у газеты имелись постоянные (генеральные) спонсоры, однако ключевая роль в обеспечении материального благосос-

²⁶ Павлов П. Павел Әтей: «Халыкка иман байлыгы кирәк...» / Л. Белоусова әнгәмәсе // Керәшен сүзе. 1999. 26 авг. Б. 1.

²⁷ Күрс. хез. Б. 1.

²⁸ Белоусова Л.Д. Бер пот тоз... Күрс. хез. Б. 1.

тояния этого органа печати признавалась за ее подписчиками²⁹. Тем не менее, вопросы об объемах и источниках поступления финансовых средств, системе их распределения остаются открытыми. Стоит также отметить, что на всем протяжении своего существования издание не финансировалось из государственных источников.

Другой аспект исторического развития газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» – это профессиональные, творческие связи их редакций с другими творческими коллективами средств массовой информации Татарстана и других регионов РФ. Яркой иллюстрацией может послужить активное сотрудничество с представителями татароязычного журналистского цеха. Речь идет о практике перепечатывания публикаций, как правило отражающих те или иные стороны жизни кряшенского сообщества, его отдельных представителей из других печатных СМИ Республики Татарстан, в частности, из газеты Кайбицкого района РТ «Кайбыч таңнары» («Кайбицкие зори»), газеты Заинского района РТ «Зәй офыклары» («Заинские горизонты»), а также других регионов, к примеру, газеты «Всходы» Нагайбакского района Челябинской области (№18 газеты «Туганайлар» за 2009 г.). Таких примеров на страницах кряшенских газет можно найти немало. В частности, в №1 «Туганайлар» за 2009 г. была опубликована статья о современной жизни села и сельчан Зилии Аксановой, сотрудницы газеты Нурлатского района «Дуслык» («Дружба»)³⁰.

Отдельный корпус документальных свидетельств не только по истории периодических изданий «Керәшен сүзе» и «Туганайлар», но и по современной истории кряшен в целом могла бы составить редакционная почта рассматриваемых изданий. Изучение этого корпуса документальных свидетельств помогло бы расширить наши знания о запросах аудитории изданий – представителей кряшенского сообщества. Представляется, что этот архив в бумажном виде хранится у бывшего редактора газет «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» Л. Белоусовой, либо в редакции газеты «Туганайлар». Изучение и источниковедческий анализ этого документального массива не проводились. Вновь поступающая редакционная почта, предположительно, хранится в текущем электронном или бумажном архивах редакции газеты «Туганайлар». По крайней мере, часть этих материалов периодически публиковалась на страницах выше-названных газет, даже существовали и действуют поныне специальные рубрики: в «Керәшен сүзе» – «Хатлар сөйли: әрни, ярсый, даулый...» («Письма говорят: горюют, злятся, спорят...»), «Конверт эчендә хат» («Письмо внутри конверта»); в «Туганайлар» – «Безгә язалар» («Нам пишут»).

В заключении мы приходим к следующим выводам. Газеты «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» в современный период истории России, начиная с 1993 г., каждая в свое время были ключевыми действующими институциями в кряшенской журналистике и оказали наибольшее влияние на ее развитие. История этих

²⁹ Күрс. хез. Б. 1.

³⁰ Аксанова З. Монда тудык, монда үстек // Туганайлар. 2009. 15 январь. Б. 1.

органов печати остается еще малоизученной и слабоосвещенной в отечественной историографии. Слабоизученными остаются целый ряд аспектов истории рассматриваемых органов печати: динамика институционального развития, взаимовлияние и взаимосвязь с другими социокультурными и общественно-политическими структурами и процессами в среде кряшен, кадровый состав редакций, периодизация, конфликтные ситуации, редакционная почта, материально-финансовое состояние. Таким образом, следует констатировать, что разработка данной темы имеет широкую научно-исследовательскую перспективу. В данной обозначена лишь часть тех вопросов, которые непременно встают перед исследователем и требуют своего дальнейшего изучения в контексте проблемы исторического развития этноспециализированных газет кряшен «Керәшен сүзе» и «Туганайлар».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметов Д.И. Первая кряшенская газета современности «Кряшен сүзе» // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2024. №2. С.95–100. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-2-95-100>

Шарафиев Э.И. Газета «Керәшен сүзе» и ее коллекции в контексте изучения постсоветского периода истории татар-кряшен Республики Татарстан // Клио. 2019. № 9. С. 77–82.

Шарафиев Э.И. Религиозная тематика в публикациях газеты «Керәшен сүзе» // Кряшенское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 50–58.

Шарафиев Э.И. Религиозный компонент газеты «Керәшен сүзе» как исторический и социокультурный феномен // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 10. С. 29–33.

REFERENCES

Akhmetov D.I. (2024) The first Kryashen newspaper of our time “Kryashen Süze”. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Republic of Bashkortostan Academy of Sciences]. No. 2: 95–100. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-2-95-100> (In Russ.)

Sharafiev E.I. (2019) Newspaper “Keräßen süze” and its collections in the context of studying the history of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan in the post-soviet period. *Klio* [Klio]. No. 9: 77–82. (In Russ.)

Sharafiev E.I. (2019) Religious subject matter in the publications of the newspaper “Keräßen süze”. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashen Historical Review]. No. 2: 50–58. (In Russ.)

Sharafiev E.I. (2019) The religious component of the newspaper “Keräßen süze” as a historical and sociocultural phenomenon. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*.

Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities Series]. No. 10: 29–33. (In Russ.)

Сведения об авторе: Шарафиев Эмиль Илхамутдинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0005-1969-8933>; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

About the author: Emil I. Sharafiev, Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 410111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0005-1969-8933>; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 1.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 1.02.2025

Принята к публикации / Accepted 10.02.2025

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены
в рамках Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных
имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания
(размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 1
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 1
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань,

Республика Татарстан, Российская Федерация

Дата выхода в свет 1.03.2025 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена